

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1952 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

2

~~МАРТ-АПРЕЛЬ~~

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1967

СО Д Е Р Ж А Н И Е

- В. В. Виноградов, В. Г. Костомаров (Москва). Теория советского языкознания и практика обучения русскому языку иностранцев 3

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- А. В. Бондарко (Ленинград). К проблематике функционально-семантических категорий (Глагольный вид и «аспектуальность» в русском языке) 18
Е. Кржижкова (Прага). Адвербиальная детерминация со значением места и направления (Опыт трансформационного анализа) 32
Е. В. Чешко (Москва). Система падежей древнеболгарского языка 49
А. Д. Швейцер (Москва). Различия в лексике американского и британского вариантов современного литературного английского языка 64
Б. В. Горнунг (Москва). Об основном принципе русского правописания 73

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- М. В. Раевский (Тула). Древневерхненемецкий переход $f > d$ в свете диахронической фонологии 82
М. Д. Степанова (Москва). Вопросы лексико-грамматического тождества (На материале современного немецкого языка) 89
Е. С. Кубрякова (Москва). К вопросу о пространственном моделировании лингвистических систем 98

ПРИКЛАДНОЕ И МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- О. В. Творогов (Ленинград). О применении частотных словарей в исторической лексикологии русского языка 109

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

- Н. И. Филичева (Москва). Понятие синтаксической валентности в работах зарубежных языковедов 118

Рецензии

- В. Краузе (Геттинген). Э. А. Макаев. Язык древнейших рунических надписей 126
М. М. Маковский (Москва). Н. Schabram. Superbia. Studien zum altenglischen Wortschatz. I. 141
И. И. Ревзин (Москва). Две книги, посвященные грамматической правильности 147
Новые издания 150

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Хроникальные заметки 153
-

В. В. ВИНОГРАДОВ, В. Г. КОСТОМАРОВ

ТЕОРИЯ СОВЕТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ИНОСТРАНЦЕВ

Рост интереса к практическому владению русским языком, наблюдающийся в последние десятилетия во всех странах света¹, выдвигает в качестве важной патриотической задачи отечественного языкознания выработку целесообразных и плодотворных методов обучения иноязычной аудитории русскому языку. Анализ достижений и недостатков нынешнего преподавания русского языка иностранцам как в СССР, так и за его пределами, а также критическое рассмотрение довольно уже обширной учебно-методической литературы² наглядно свидетельствует о насущной необходимости научного изучения русского языка с особой точки зрения — под углом раскрытия его основных специфических качеств перед носителями других языков.

Этот подход, по естественной логике, должен быть отличен от того, который осуществляется в ныне действующих исследовательских центрах³. Он должен преследовать конкретную утилитарную цель — дать научное обоснование и систематизацию фактического языкового материала для эффективных учебных пособий, грамматических описаний, словарей, для организации и программирования учебного процесса в целом, для определения наилучших приемов и методов обучения. Поэтому и собственно исследовательская работа должна вестись с известной независимостью от традиции и со строго определенной целенаправленностью: она призвана расчленивать и монографически описывать языковой материал для последующего прикладного использования. Можно думать, что такие исследования будут небесполезны и для общей теории языка; успехи типологического направления, например, во многом обязаны именно «учебному» взгляду на язык.

Прецедентом могут служить работы сотрудников исследовательского центра в Сен-Клу, осуществивших задачу объективного определения границ активного словаря современного французского языка, особенно в его разговорной форме. Наблюдения проводились на основе магнитофонных

¹ Русский язык изучается сейчас в вузах и школах большинства государств мира; очевидна тенденция роста: в Англии, например, он преподавался в 1957 г. в 40, а в 1964 в 300 учебных заведениях. Любопытный анализ политико-социальных причин распространения русского языка см.: Н. V. Wainwright, *Modern languages in industry and commerce*, «Modern languages», XLVI, 1, 1965. См. также: Ю. Бельчикова, Н. Котев, *Русский язык за рубежом*, «Коммунист», 1965, 9.

² См.: «A bibliography of the modern languages teaching», Paris, (UNESCO), 1955; «Аннотированный список литературы по русскому языку для иностранцев» (за 1963—1964 — М., 1965; за 1964—1965 — М., 1966; за 1966 — М., 1967).

³ У нас, как и в других странах, наблюдается разрыв не столько между «академическим» и «практическим» изучением языка, сколько между «утилитарным» и «эстетическим» — между приобретением «лингвистической компетенции» и «способности культурно-литературной оценки». Мы занимаемся анализом языка, а не постижением его функционирования в разных жанровых и жизненно-бытовых речевых реализациях. Однако для преподавания важно именно второе.

записей из разных тематических и социальных сфер общения с учетом частотности слов, селекции «наиболее полезных» слов и «рационального эмпиризма», заставившего, в частности, выделить слова с неустойчивой частотностью, присутствие которых в сознании оказывается, однако, необходимым⁴. Эти исследования, как показывает опыт, явились базой, на которой сейчас создаются новейшие и очень продуктивные практические курсы и вспомогательные учебные материалы для обучения французскому языку как иностранному.

Более широкую программу применительно к русскому языку выполняет группа английских ученых из Центра языков университета Эссекс под руководством проф. П. Стрвенса. Изучая письменную и устную формы современного русского языка, они намереваются создать полную «кодификацию» не только русской лексики, но и грамматики. Конечный продукт этой программы мыслится в виде монографических публикаций по направлениям: а) дескриптивное изучение грамматики; б) изучение относительной частотности различных грамматических построений, например, типов придаточных предложений, именных и глагольных словосочетаний в языке вообще и в отдельных его вариантах; в) статистические списки лексических единиц и их сочетаемости, а также прикрепленности их к определенным типам и разновидностям языка; г) специализированные словари (словари общественных наук, литературной критики и под.), инвентаризационные перечни морфем и корней как в обычном, так и в обратном алфавитном порядке. При обработке материала будут использованы методы дескриптивной и математической лингвистики (счетные машины того же университета)⁵.

Русский язык активно изучается с целью дать научное обоснование и материал для практических учебных пособий в Массачусетском технологическом институте в США и ряде других крупных научных центров мира. Очевидна желательность исследований русского языка, способных дать практический выход для его преподавания иностранцам, и в нашей стране⁶.

I

Коль скоро язык мыслится «в виде концентрических кругов — основного и целого ряда дополнительных, каждый из которых должен заключать в себе обозначения (поскольку они имеются) тех же понятий, что и в основном круге, но с тем или другим дополнительным оттенком, а также обозначения таких понятий, которых нет в основном круге»⁷, возникает

⁴ См.: G. G o u g e n h e i m, R. M i c h é a, P. R i v e n s, A. S a u v a g e o t, L'élaboration du français élémentaire, Paris, 1956 («Étude sur l'établissement d'un vocabulaire et d'une grammaire de base»).

⁵ См.: P. S t r e v e n s, Contemporary Russian language analysis project, University of Essex, 1965. Программа распадается на фазы: планирование и выработка техники исследования; сбор текстов и магнитофонных записей; анализ и обработка собранного материала; подготовка результатов для публикации. Завершение работ, начатых летом 1965 г., планируется на август 1969 г. Проект финансируется фондом Нуффилда (40 700 фунтов стерлингов), а также Министерством иностранных дел и Министерством науки и образования.

⁶ Было бы очень полезно коллективно, с участием авторитетных лингвистов, филологически образованных переводчиков, психологов и педагогов широко обсудить относящуюся сюда проблематику. Выработанные в таком обсуждении положения и рекомендации могут оказать влияние на деятельность созданного решением Правительства Научно-методического центра русского языка при Московском Государственном университете, а также всех заинтересованных коллективов и лиц.

⁷ Л. В. Щ е р б а, Избр. работы по русскому языку, М., 1957, стр. 121. Ср.: В. В. В и н о г р а д о в, Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры, ВЯ, 1961, 4, стр. 10—11; ср. также обзор работ чешских лингвистов в статье: В. В. А к у-

необходимость инвентаризовать все проявления единой структуры русского языка, только и существующего в многообразии стилистико-речевых воплощений, манифестаций и трансформаций. Оставаясь, как то нередко наблюдается, в рамках языка художественной литературы и не определив специфики всех типов использования языка в зависимости от функции, цели, ситуации и сферы общения, невозможно строго очертить «основной круг» — базисный русский язык и соотносительно описать «дополнительные круги» с учетом их места и роли в «языковом существовании» современного русского общества⁸. К сожалению, у нас нет еще удовлетворительных описаний этих «кругов» даже в приблизительных границах, взаимных соприкосновениях и пересечениях, а в понимании основных категорий стилистики и самого термина «стиль» бытуют существенные разногласия.

Прежде всего следует исчерпывающе рассмотреть и расчлнить средства языка — поскольку они образуют синонимические, параллельные и соотносительные ряды — с точки зрения их значения, экспрессии и соотношения с той или иной функцией речевого общения⁹. Анализ удобно проводить по ярусам языка, выявляя в каждом стилистически маркированные и универсальные базисные явления. Так, могут быть описаны лексические ряды вроде *доля, удел, жребий, участь, фатум, рок, предопределение* в параллель к *судьба*; соотношения между формами типа *в краю — в крае* и *в отпуске — в отпуску, была красива — была красивой*; словообразовательные и фонетические варианты и т. д. Необходимо кодифицировать дающие стилистический эффект употребления формы не в «своем» значении (*никак не скажешь* «не верится») и разных форм для выражения одного смысла (*невозможно понять, недоступно понимаю, где тут понять, разве поймешь* и под.).

В современном русском языке явления такого рода не составляют, однако, замкнутых систем для выражения известного содержания или для применения в определенных условиях — разновидностей языка, которые можно было бы представить по образу и подобию языковой системы¹⁰. Поскольку в русском языке, достигшем высокого структурного единства, не наблюдается самодостаточных, самодовлеющих систем или подсистем в соответствии с жанром общения, сферой общественной деятельности, социальной ситуацией, популярность приобретает мысль, что понятие стиля приложимо только к речи¹¹, а предметом стилистики языка является

л е н к о, Некоторые проблемы общей стилистики, «Вестник Харьковск. ун-та», 12. Серия филологическая, 2, 1965, стр. 5—6.

⁸ Разумеется, в нашем случае задача ограничивается нормированно-традиционным стандартом. Впрочем в предельных границах «литературный язык» в принятом понимании термина не совпадает ни с «языком художественной литературы», ни с отдельными стандартами всех установившихся в образованном обществе сфер общения (см.: D. W a r d, The Russian language today, Chicago, 1965). Строгой демаркацией и детализованной характеристикой «литературного языка» можно пренебречь, сознательно игнорируя все с очевидностью «ненормативное»: узкопрофессиональное, географическое, жаргонное и иное расслоение.

⁹ Многие к этому сводят все задачи стилистики; см.: А. Н. Г в о з д е в, Очерки по стилистике русского языка, 3-е изд., М., 1965; Г. К о н о в а л о в а, О некоторых вопросах стилистики, «Р. яз. в нац. шк.», 1962, 1, и другие работы.

¹⁰ «...никто из историков русского языка, выйдя за пределы трех стилей русской литературной речи XVIII в., не ищет в национальном русском языке XIX и XX вв. множества изолированных систем выражения („стилей“ языка), составленных из характерной для каждой из них совокупности столь же «,изолированных элементов языка“» (В. В. В и н о г р а д о в, Итоги обсуждения вопросов стилистики, ВЯ, 1955, 1, стр. 71).

¹¹ Ср. крайнее мнение: «...стиль вообще не является свойством языка, с т и л ь — это с в о й с т в о р е ч и. В языке всегда существуют какие-то стилевые возможности, но реализуются эти возможности в речи и реализуются п о р а з н о м у, на основе

что-то иное, например «стилемы» или «экспрессы» — потенциальные возможности создать тот или иной изобразительный или выразительный эффект в речи¹². Возникает стремление расчлнить стилистические явления, заданные в системе языка и возникающие в речевом контексте, в известной функциональной сфере, различая стилистику речи (или линейную, процессуальную, функциональную) и стилистику языка (или структурную, системную.)

Неубедительными признаются попытки определить художественный, научный, публицистический стиль «на основе прикрепления к этим „стилям” и „уединения” в изолированную систему каких-то особых форм, слов и выражений языка». Поскольку в любой сфере общественной деятельности, в любом жанре литературы или письменности мы пользуемся различными средствами общенародного языка, предлагается говорить не о публицистическом, литературно-художественном, научном и т. д. „стиле языка”, а о различных принципах выбора, отбора и объединения слов в речи художественных, публицистических, научных произведений данной эпохи. «В языке существуют... лишь определенные стилистические возможности, которые могут быть очень различно реализованы в той или иной разновидности речи...». «Решающим для характеристики того или иного стиля речи являются принципы соотношения и приемы объединения различных языковых средств в контексте речи»¹³.

Предлагается и сохранить термин «стиль языка», обозначив им маркированные и нейтральные члены системно закрепленных синонимических соответствий по схеме-триаде «плюс — ноль — минус»: *очи — глаза — гляделки; коли — если — кабы; алкать, жаждать, желать — хотеть — ...; ... — привыкнуть — натереть* и т. д. Самодостаточную систему составляют только неокрашенные средства; их двойники со знаком плюс или минус различны по фактической окраске внутри такого «стиля»¹⁴. С натяжкой и известным схематизмом стилевые градации в языке действительно можно представить в виде парадигм и обозначить их термином «стили языка»; «стили речи» будут тогда отражать стилистическую синтагматику: «В каждую эпоху существуют относительно устойчивые типы сочетания слов разных стилистических групп в пределах одного текста; эти типы можно назвать речевыми жанрами. Выступление на собрании, передовая в газете, приятельская беседа, стихотворная басня, приказ по военному подразделению... — в каждом из этих речевых жанров сочетаются по своим законам единицы неокрашенного (нейтрального) и окрашенных стилей»¹⁵. Возникает вопрос: как и где формируются и задаются

существенных различий в содержании речи» (Г. Н. Поспелов, Проблемы стилистики и проблема стиля, «Тезисы докладов межвузовской конференции по стилистике художественной литературы», [М.], 1961, стр. 37).

¹² См. хотя бы: В. П. Григорьев, Словарь языка русской советской поэзии. Проспект. Образцы словарных статей. Инструктивные материалы, М., 1965, стр. 27 и сл.; ср. также: М. Н. Кожина, Стилистика и некоторые ее категории (К постановке вопроса), Пермь, 1961.

¹³ Ю. С. Сорокин, Об основных понятиях стилистики, «Открытое расширенное заседание Ученого совета [Ин-та языкознания АН СССР] 19—23 июня 1953 г. Тезисы докладов», М., 1953, стр. 14, 15. Многие специалисты оспаривали этот взгляд, особенно в ходе дискуссии по вопросам стиля в «Вопросах языкознания» в 1954 г. Различно решая вопрос о стилях языка и стилях речи, исследователи подчеркивают специфику и уникальность языка художественной литературы; см.: В. Д. Левин, О месте языка художественной литературы в системе стилей национального языка, «Вопросы культуры речи», I, М., 1955.

¹⁴ См.: М. В. Панов, О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики), «Развитие современного русского языка», М., 1963.

¹⁵ М. В. Панов, О развитии русского языка в советском обществе (К постановке проблемы), ВЯ, 1962, 3, стр. 9.

эти «свои законы» отбора и сочетания грамматического и лексического материала в речевых ситуациях?

Функционально-речевая стандартизация и обособленность, как и вообще механизм отбора и композиции языковых средств, относятся к самым темным темам современного языкознания. Можно полагать, что мы имеем дело с речевым «естественным отбором», результатом которого наподобие моды или вкусового идеала узакониваются общественным равнением на авторитетный образец. Можно полагать, что носители языка исходят не из заданного множества вариантов, а строят альтернативы на базе потенциальных возможностей системы, преодолевая «сопротивление среды». Во всяком случае, логично думать, что в языке отражены не только «готовые», автоматизированно воспроизводимые формы, слова, построения, но и законы порождения речи, в частности и законы функционально-стилистической дифференциации. Они конкретизируются, усложняются, развиваются в речи разных групп и индивидуумов (особенно мастеров слова); это в свою очередь приводит к дальнейшим сдвигам в моделях построения, хотя «...изменения в самой структуре русского языка менее глубоки и разнообразны, чем изменения в жанрах и типах общественно-речевой практики, в характере и организационных формах социально-речевого общения»¹⁶.

В современном языке наблюдается «рост дифференциации стилей, все большее их дробление» и одновременно «использование их противопоставлений на коротких отрезках, их композиционное сочетание»¹⁷. При этом с развитием центростремительных тенденций в истории национального литературного языка «языковые стили становятся базой для дифференциации многочисленных и многообразных стилей речи, характеризующих усложненность и многообразие форм речевого общения»¹⁸. В стилистику языка, наряду со стилистическими градациями в соотносительных рядах, естественно включить и механизмы синтагматики, специфические возможности порядка слов при разных речевых функциях, вариации типов словосочетаний и предложений, особенности синтаксических связей за пределами предложений и пр. Несмотря на очевидные различия в индивидуальных речевых воплощениях, основные закономерности или, вернее, схемы построения здесь не менее устойчивы, чем морфологические и все иные явления, задаваемые системой языка¹⁹.

Представляется возможным говорить о «существовании параллельных языковых и речевых функционально-стилистических окрасок как особых

¹⁶ В. В. Виноградов, Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры, стр. 4.

¹⁷ А. С[ухотин], Стилистика лингвистическая, «Литературная энциклопедия», 11, М., 1939, стлб. 39—40.

¹⁸ В. В. Виноградов, Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика, М., 1963, стр. 7—8.

¹⁹ Косвенные доказательства объективности существования предельных границ речевого отбора и организации средств выражения в системе языка находим в статистической концепции стиля; см. хотя бы: С. И. Кауфман, Об именном характере технического стиля, ВЯ, 1961, 5; Р. Г. Пиотровский, Стилевое использование артикля у молдавских и румынских писателей, «Проблемы сравнительной филологии», М.—Л., 1964; О. В. Сироткина, Использование статистического метода при выявлении стилевых различий (На материале синтаксиса), «Питання прикладної лінгвістики. Тези доповідей міжвузівської наукової конференції. 22—28 вересня 1960 року», [Чернівці], 1960 и др.; ср. также: Л. Дольжель, Вероятностный подход к теории художественного стиля, ВЯ, 1964, 2.

Интересные перспективы в определении параметров стилей открываются в плане сопоставительной стилистики. Любопытно, например, что длина предложений в разных стилях является константой, к тому же схожей в разных языках; см. хотя бы статьи Г. А. Лескиса в ВЯ, 1962, 2; 1963, 3; 1964, 3 и в «Р. яз. в нац. шк.», 1963, 6.

свойств отдельных языковых знаков или их совокупностей. Эти свойства, приданные знакам в системе или возникающие у их линейных последовательностей в процессе коммуникации, сами по себе также имеют знаковый характер, так как обозначают типичные варианты функции общения... Понятие функционального стиля относится при этом к области речи с той оговоркой, что стилистическое качество не полностью возникает в речи, а частично задано в самой структуре языка»²⁰. Языковая функционально-стилистическая окраска определяется как осознание в языковом чутье массовых носителей языка принадлежности данного элемента в системе к определенному стилю, причем речь идет не только о стилистической синонимии, поскольку элементы языка имеют стилистическую окраску независимо от наличия синонимов, а один и тот же элемент нередко имеет разные значения, связанные с разными стилистическими окрасками. Речевая функционально-стилистическая окраска возникает в результате как привлечения элементов с языковой функционально-стилистической окраской, так и специфической сочетаемости нейтральных элементов в контексте, их частотности.

«Стилистика речи базируется на стилистике языка. Языковая система не только „порождает“ речь, не только сдерживает ее поток в известных берегах и пределах, но и питается ею, применяется под ее сильным воздействием... Все это, конечно, проявляется и должно изучаться в сфере речевой деятельности... на первый план исследования выступают способы употребления языка и его стилей в разных видах монологической и диалогической речи и в разных композиционных системах, вызванных или кодифицированных общественной практикой — социально-групповой, производственно-профессиональной и т. д... При этом следует ориентироваться на две основных (по крайней мере в настоящее время) сферы общественной языковой практики — на сферу ограниченной коммуникации и сферу массовой коммуникации»²¹.

Рассмотрение взглядов авторитетных специалистов приводит к выводу, что следует, отвлекаясь по возможности от схематического разграничения языковых и речевых явлений, тщательно описать специфические приемы и способы использования языка в наиболее существенных сферах общения. Возникнув в границах той или иной сферы речевого общения и формируясь под сильным влиянием внеязыковых факторов, эти приемы и способы сложились как внутренние признаки стиля, «стилевые черты», проявляющиеся внешне в наличии «привязанных» к данному стилю языковых средств (они могут быть изложены в виде списков) и в устойчивых схемах построения (они могут быть описаны с указанием типичной частотности разных словоформ, словосочетаний, предложений, композиций). «Стилевые черты» носят объективный, как бы независимый от функции характер, отчего, между прочим, неудачны все попытки классификации функциональных стилей только по обслуживаемым сферам речевого общения. Несмотря на совпадение или близость функций всех языков в современном обществе, их стилиевые системы оказываются весьма различными. Язык может выполнять свое назначение лишь постольку, поскольку в нем есть стилиевая дифференциация. Отсюда очевидно, что функциональные стили должны быть отправным пунктом рационального преподавания

²⁰ В. В. А к у л е н к о, Некоторые проблемы общей стилистики, стр. 7; см.: е г о ж е, К определению функционального стиля, «Вестник Харьковск. ун-та», 12. Серия филолог., 2, 1965; е г о ж е, Функциональная стилистика и прикладная лингвистика, «Питання прикладної лінгвістики. Тези доповідей...».

²¹ В. В. В и н о г р а д о в, Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика, стр. 14. С этой точки зрения интересны концепции американских лингвистов, изучающих язык в аспекте «речевого поведения», и взгляды японских языковедов, говорящих о «языковом существовании».

языка носителям других языков: ведь освоить приемы и способы использования изучаемого языка в разных целях и условиях можно лишь, изучая объективные особенности стилей, прямо из специфики речевого общения не вытекающие.

Положив функциональные стили в основу преподавания языка, легко уточнить и конкретизировать самый предмет преподавания в условиях естественных учебных ограничений (краткосрочность курса, отсутствие языковой среды, возраст учащихся, их специализация и специфические интересы, характер родного языка). Их учет нужен для определения границ материала, подлежащего дальнейшему формальному и смысловому обследованию в интересах преподавания языка как иностранного. Этот материал должен включать в себя все характерное для нормального употребления образованных и культурных носителей современного русского языка. В этом смысле сам «литературный язык» может быть определен как то, чему следует учить иностранцев. Но ведь бесспорные носители литературного языка существенно разнятся в своей речи, скажем, в ее «профессиональной» части и в «обычном» общении. Чтобы не быть искусственно оторванной от фактической речевой жизни, концепция общего (базисного) языка должна сопровождаться поправками на реальную функционально-стилистическую дифференциацию.

Первоочередной задачей лингвистического исследования в этой области поэтому надо признать всестороннее описание по крайней мере разговорно-бытовой, официально-деловой, научной и газетно-публицистической сфер общения. В каждой из них надо дифференцировать жанры и разновидности, общие и различительные языковые, речевые и экстралингвистические приметы, а в двух последних также и явления, связанные с формой осуществления: радиопередача и газетная статья, университетский курс устных лекций и монографический учебник. Практически, видимо, следует идти по пути как частных (например, «разговорно-диалогические элементы в языке газеты», «специфические конструкции языка математиков»), так и обобщенных тем (например, «отличительные признаки газетного языка», «общие закономерности языка науки»). Особой заботы требует разработка методики и формы описания композиционных схем организации языкового материала в разных видах речи, методика и формы описания особенностей устной речи, интонации, «культурной обстановки»²².

Исследование может ограничиваться синхронно-описательным подходом, переходящим в дальнейшем к сопоставлению стилистического использования отдельных языковых элементов, приемов выражения аналогичного содержания и, наконец, самих систем функциональных стилей в парах или группах языков²³.

²² Крайне интересно было бы, в частности, выявить возможности устного и письменного выражения одного и того же содержания в разных стилях. (См.: M. D e u t s c h b e i n, Neuenglische Stilistik, Leipzig, 1932, стр. 47—51.)

²³ См.: A. M a i b l a n c, Stylistique comparée du français et de l'allemand, Paris, 1961; J. - P. V i n a y, J. D a r b e l n e t, Stylistique comparée du français et de l'anglais, London — Paris, 1958—1960; G. B a r t h, Recherches sur la fréquence et la valeur des partis du discours en français, en anglais et en espagnol, Paris, 1961; А. Ф. Ф е д о р о в, Некоторые вопросы сопоставительной стилистики немецкого и русского языков, «Тезисы докладов, предназначенные для обсуждения на 1-й Всесоюзной конференции по вопросам славяно-германского языкознания (27—30 января 1961 г.)», Минск, 1961.

Разумеется, «педагогическим» подходом не исчерпывается проблематика исследований функциональных стилей; подробнее см. в интересных и конструктивных уже цитированных статьях В. В. Акуленко.

II

Изучение функциональной стилистики или фактического употребления языка должно предшествовать или сопутствовать изучению его системы. Социально осмысленные и закрепленные оценки элементов языка как недостаточных или адекватных для той или иной функции речевого общения, функционально-стилистическая целесообразность и соразмерность любой единицы и композиционной схемы не допускают универсальности речевой реализации языковых явлений. Этот факт заставляет пересмотреть самое понятие литературно-языковой нормы, внося в него поправки на соотношение между языковой формой и ситуацией, контекстом, условиями акта общения; развивается идея системы норм, зависящих от функциональных стилей и типологии речевых заданий²⁴. При этом значения языковых явлений мыслятся как отношения — между явлениями разных ярусов, между разными явлениями одного яруса и между ними всеми и контекстом, ситуацией, содержанием речи²⁵.

Структурно-грамматические явления, как и функционально-стилистические, базируются на выборе из противопоставлений с той лишь разницей, что в одном случае не может быть замен без изменения смысла или разрушения речи вообще, а в другом возможны «свободные замены», хотя они и связаны с изменением дополнительной информации в речевом акте. Все противопоставления тесно взаимосвязаны, и поэтому неправильно кодифицировать и инвентаризовать собственно структурные явления без учета их функционально-стилистической роли и закрепленности. Для преподавания языка как иностранного насуточно необходимы такие описания фогетики, морфологии, синтаксиса, словообразования, лексики, которые базировались бы или по крайней мере последовательно увязывались со стилевой функциональной иерархией, позволяли бы наблюдать более тонкие явления, без которых, однако, нет полнокровного узуса.

Попытка увязать в изложении стилистические явления с грамматическими представлена в работе Ю. С. Степанова, в которой «масса хаотических смысловых противопоставлений», зафиксированных, например, в словаре, рассматривается, с одной стороны, с точки зрения регулярных и, с другой стороны, менее регулярных функционально нагруженных противопоставлений. Соответственно выявляются «структурно-семантическая грамматика» языка и его стилистика²⁶.

Должно быть предложено такое описание разных явлений языка, при котором в центре оказывается не их классификация, а функционирование с учетом стилистического фактора. Значительное усложнение цели и характера описания требует обсуждения его методики и формы, которые бы обеспечили максимальную гибкость классификации и широкие возможности перекрестных ссылок в соответствии с функциональными связями между явлениями фонологического, морфологического, лексического,

²⁴ Это существенно и для преподавания, и для культурно-речевой деятельности; см.: В. Г. К о с т о м а р о в, А. А. Л е о н т ь е в, Некоторые теоретические вопросы культуры речи, ВЯ, 1966, 5; Г. В. С т е п а н о в, Испанский язык Америки в системе единого испанского языка. Автореф. докт. диссерт., Л., 1966, стр. 8.

²⁵ Такой подход позволяет связать план выражения с планом содержания, представить языковые формы на фоне целенаправленности речевого акта, показать их в реальной функции. Он хорошо разработан в английской лингвистике после работ Дж. Фёрса, см. хотя бы: М. А. К. Н а л л и д а у, Categories of the theory of grammar, «Word» 17, 1961; е г о ж е, The linguistic sciences in relation to language teaching and language learning, London, 1963.

²⁶ См. комплекс работ, составивших его докторскую диссертацию: Ю. С т е п а н о в, Структура французского языка, М., 1965; е г о ж е, Французская стилистика, М., 1965; е г о ж е, Структурно-семантическое описание языка (доклад по докт. диссерт.), МГУ, 1966.

синтаксического и стилистического уровней. Ведь функционально-стилистическая основа распределена не по уровням системы, а пронизывает их все; в то же время речевая реализация явлений разных уровней не универсальна не только в результате функционально-стилистической целесообразности и соразмерности, но и в силу иных факторов — собственно системных, культурно-традиционных, психологических.

Прецедентом могут служить принципы описания, разработанные упомянутой группой П. Стрвенса²⁷. Исходя из того, что любой язык в современных условиях коммуникации показывает лингвистические (формальные, фонологические или графологические, смысловые) различия и дифференциации в зависимости от ситуации общения, авторы предлагают для охвата этих различий и дифференциаций четыре измерения: «поле», «роль», «модус», «формальность»; схема может дополняться категорией «остаточного выбора», которая учитывает индивидуальный слог и взаимопроникновение (интерференцию) стилей²⁸. Особое внимание уделяется специфической лингвистической реализации в зависимости от ситуации общения, поскольку в разных языках она наблюдается в разных точках и осуществляется разными способами²⁹. В этом смысле показательным признается сопоставительное изучение частоты раздельного и совместного употреблений тех или иных лексических единиц, грамматических форм и конструкций в зависимости от ситуации общения в разных языках. Авторы полагают, что в соответствии с «полем», «ролью», «модусом» и «формальностью» могут быть выделены и различительно описаны типы использования слов и форм, например, в виде словарей отдельных сфер общения, где, наряду с базисным, независимым словарным составом, были бы отмечены компоненты, варьирующиеся от измерения к измерению. Внутри научной речи в соответствии с отраслью науки («поле») будет выде-

²⁷ См.: J. O. Ellis, On contextual meaning, в сб. «In memory of J. R. Firth», London, 1965, а также ротаторные публикации: J. O. Ellis, J. N. Ure, Russian register-classification, 1966, Essex; J. N. Ure, The theory of register and register in language teaching, Essex, 1966.

²⁸ Для современного русского языка эти «измерения» раскрываются следующим образом. «Роль» — это различия между бытовой беседой, инструктивным изложением разной степени специализации (от военных команд до научной аргументации), беллетристичной и т. д. «Модус» — различия между письменной речью, разделяемой на предназначенную для устного оглашения и для печатной публикации, на эпистолярную, речь в кино и драматическую и т. д., и устную речь, в которой различаются подвиды (бытовая ежедневная, телефонные переговоры, радиопередачи и телепрограммы, монологические выступления перед различными аудиториями); сюда же относятся различия в построении монологической и диалогической речи. «Поле» — это различия в содержании, в тематике; различия между специальной научной и терминологической речью, с одной стороны, и ежедневно-бытовой, с другой; здесь выделяются многочисленные подтипы: литературная критика, эстетика, история, социология, экономика, кибернетика, математика и т. д.; «полям» придается основное значение среди всех измерений. «Формальность» — различия между речью интимной, случайной, информативно-поучающей, официальной и т. д. Во всех случаях учитываются историко-временные ограничения, например устойчивость языка юриспруденции и подвижность русского языка политэкономии.

²⁹ Например, варианты окончания творительного падежа — обычное, базисное *-ой* (*-ей*) и дифференцирующее известные типы речи *-ою* (*-ею*) — чисто русская особенность. (Заметим в скобках, что на деле здесь, конечно, дифференцируются не типы речи; этот пример нуждается в более тонком истолковании, поскольку, как указал еще Б. Томашевский при разборе языка «Ликовой дамы», употребление этих вариантов связано с ритмом прозы.) В качестве примера способа дифференциации, сходного в ряде языков, приводится противопоставление *ты + ем*, которое, однако, в каждом языке (и в каждом из «измерений» внутри языка) может коррелировать с разными значениями и по-разному дифференцировать речь. Подобные различия (включая сюда и чисто формальные) в разных языках тем более схожи, чем уже содержание общения, чем ограниченнее «поле»; так, значительное число аналогий находим в военном языке, в поваренных книгах, в специализированных научных сферах. Любопытны «универсальные» формулы массовой коммуникации в разных языках современного мира.

лено несколько частотных списков, в каждом из которых особо отмечены явления, связанные с характером текстов или записей («модус», «роль», «формальность»); их сопоставление даст общий базисный список научной речи, который будет дополнен особыми частными списками. Сама базисная лексика и грамматика мыслятся как набор, недостаточный для какой-либо одной речевой сферы, но в то же время необходимый и существенный для всех. Для их точного определения главное, по мысли авторов, — правильно установить пропорции разнотипного материала, подвергаемого обследованию. Чем правильнее соотношение и комбинация различных пунктов в четырех измерениях, тем, по их мнению, оптимальнее полученный результат для педагогической практики.

Разумеется, при отсутствии надлежащих материалов все это пока гипотезы, которые экспериментально могут и не найти подтверждения. Однако самая идея описания всех сторон языка на функционально-стилистической базе, на основе типологии речи заслуживает самого пристального внимания. Она (правда, не в целях преподавания языка как иностранного) активно разрабатывается и в советской лингвистике. Так, предлагается изучать признаки идентификации речевого поведения, различая: 1) средства выражения (звук, письмо; жест); 2) наличие или отсутствие партнера; 3) ориентированность — одно- или двунаправленность речевого акта; 4) наличие одного или многих воспринимателей информации (индивидуальная и массовая коммуникация); 5) контактность или дистантность речевого акта. В результате выделяется $2^5 = 32$ типа речи, различающихся в использовании языковых средств выражения: провозглашение лозунгов с трибуны перед проходящей демонстрацией (устное, коммуникативное, взаимно-ориентированное, массовое, контактное общение), рассылка бланков с просьбой подписаться на газету (письменное, коммуникативное, переходное-ориентированное, массовое, неконтактное общение) и т. д.³⁰ Предлагаются и другие схемы³¹.

Во всех них весьма остро стоит вопрос о соотношении речевой типологии с литературно-языковой нормой. Даже и отказываясь от признания нормы недостижимым в речи идеалом, признавая реально существующую систему норм, варьирующихся по стилям речи и функциональным сферам, нельзя не отметить большую или меньшую устойчивость, обязательность, «крепость» нормы, широту ее действия по отношению к разным сторонам языка³². Неоднородность нормы в отношении к речевым типам, с одной стороны, и применительно к разным ярусам системы, с другой стороны, может, видимо, быть удовлетворительно описана и истолкована в ходе детальной разработки категории вариантиности средств выражения³³.

Не вдаваясь сейчас в анализ достоинств и недостатков разных типологий речи, укажем, что функционально-стилистический подход к описанию системно-языковых явлений представляется наиболее конструктивным и многообещающим, хотя его методика требует дополнительного обсуждения. Он способен объединить довольно разноприродные факторы,

³⁰ См.: А. А. Холодович, О типологии речи, сб. «Академику Н. И. Конраду» (в печати).

³¹ См.: K. Hausenblas, K záklandním pojmům jazykové stylistiky, «Slovo a slovesnost», XVI, 1, 1955; В. В. Акуленко, К определению функционального стиля, особенно стр. 14—15. Можно напомнить также известные работы Л. П. Якубинского, В. М. Бахтина, Г. О. Винокура, Е. Д. Поливанова и др.

³² В. В. Виноградов, Изучение русского литературного языка за последнее десятилетие в СССР, М., 1955, стр. 57—58.

³³ См.: О. С. Ахманова, Ю. А. Бельчиков, В. В. Веселитский, К вопросу о «правильности» речи, ВЯ, 1960, 2; О. С. Ахманова, В. В. Веселитский, О «словарях правильной речи» («dictionaries of usage»), «Лексикографический сборник», IV, М., 1960; ср. также: O. v. E s s e n, Norm und Erscheinung im Leben der Sprache, «Zeitschrift für Phonologie», 9, 2, 1956.

весьма существенные для обучения русскому языку носителей иных языков. Конечно, при этом следует строго разграничить собственно лингвистические и стилевые явления от явлений экстралингвистических и экстрастилистических. Пока что они не столько увязываются, сколько смешиваются.

III

Язык может описываться с точки зрения как говорящего, так и слушающего речь. Разницу между этими подходами определяет проблема поиска нормы: для обучения говорению естественно ограничиться узаконенными нормами традиционно-литературного стандарта, для обучения слушанию этого мало. Здесь надо сформулировать правила анализа речи в ее реальном многообразии; предметом описания становится не столько норма, сколько ее осуществление разными лицами и общественными группами.

Говорящий и слушающий обычно разнятся в оценке вариантов, а нередко и самих норм; при этом слушающий пассивен: он вынужден воспринимать речь, которая может не соответствовать его навыкам и вкусам. Понимание обеспечивается в такой ситуации тем, что и говорящий, и слушающий базируются на системе норм, а у слушающего подразумевается знание не только норм, свойственных его собственной речи, но и всего фактического употребления с его вариантностью (более широкой, чем литературная стилистико-функциональная и собственно языковая вариантность), «неправильностями и ошибками». Именно поэтому отлично понимали друг друга А. Югов и Б. Тимофеев — авторы диаметрально противоположных мнений о языковом идеале и желательных путях развития норм³⁴!

Нормативные и сверхнормативные явления несут, к тому же, дополнительную информацию, прежде всего о самом говорящем, которая оказывается существенной для адекватного понимания речи, не говоря о том, что уже фактом своего появления они физически осложняют понимание, особенно для иноязычного слушателя, ориентированного на собственно литературный стандарт и его нормы. Именно поэтому на чужом языке труднее понимать, чем говорить: иностранец действует в пределах отобранных в учебнике норм и безусловно понятен окружающим, в речи которых, напротив, столь строго нормативного отбора нет и для понимания речи которых требуются более широкие знания и навыки. Отсюда очевидно, как необходимыми словарь нормативных квалификаций и словарь существующего языкового стандарта, отдельные описания «активной» и «пассивной» грамматики (о чем писал четко еще Л. В. Щерба), изложение основного типа русского произношения и сводка его вариантов с рекомендациями относительно выбора того или иного варианта, его практической распространенности в нынешней речевой практике.

Проблема поиска нормы особенно рельефна при сопоставлении устной и письменной речи; именно поэтому мы говорим в первую очередь о «говорящем» и «слушающем», хотя, разумеется, рассуждение приложимо и к «пишущему» — «читающему». Как бы ни решать вопрос о соотношении классификаций речи по стилям и по формам³⁵, очевидны глубокие раз-

³⁴ Ср.: А. Югов, Судьбы родного слова, М., 1962 и Б. Тимофеев, Правильно ли мы говорим? Заметки писателя, Л., 1961.

³⁵ См.: В. Г. Костомаров, О разграничении терминов «устный» и «разговорный», «письменный» и «книжный», сб. «Проблемы современной филологии», М., 1965. Весьма показательна и интересна дискуссия «Разговорная речь: роль и место в преподавании» в журн. «Р. яз. в нац. шк.» за 1965—1966 годы. Любопытны попытки описать письменную речь с возможным отвлечением от устной: Т. М. Никольева, Тимо-

личия между осуществлением нормы в «кодифицированных» (книжная письменная и книжная устная речь) и «некодифицированных» (разговорная устная речь) сферах современного русского языка³⁶, требующих отдельного описания в несовпадающих терминах. Дифференцированное описание явлений разных сторон языка применительно к устной и письменной формам требует усиленного изучения особенностей звучащей, говоримой речи, особенно выработки методики анализа ее интонационной структуры³⁷. Видимо, на этой базе станут возможными дальнейшие исследования структур диалога и монолога, а также стилевых дифференциаций (соотношение разговорных и книжных стилей вообще и особенно в сфере бурно развивающейся с прогрессом средств массовой коммуникации устно-книжной речи); можно ждать много нового и в области описания явлений разных ярусов языка.

Все эти исследования значительно затрудняются взаимодействием устной и письменной форм речи и, соответственно, разговорной и книжной речи в условиях общения нашего времени. Наблюдая эти исторические процессы, вряд ли следует думать, что идет разложение традиционно книжных норм. Расширяющая сферу своего применения устная речь является средой, в которой происходит сплав книжной и разговорной речи для обслуживания новых сфер общения, прежде всего массовой коммуникации, порождающих новые функционально-стилевые разновидности с новыми закономерностями, тяготеющими уже к отражению в общей и единой структуре языка. Именно в этом трудность постижения и четкого описания норм современного русского литературного выражения, которая должна быть учтена и при исследованиях, нацеленных на нужды преподавания русского языка как иностранного.

Все явления русского языка могут описываться как с точки зрения русского читателя, так и с точки зрения человека с иным родным языком, с иным «языковым мышлением». В последнем случае «надо, отталкиваясь от своего, показывать чужое для овладения этим чужим»; так, «сопоставительная грамматика не должна быть одновременной грамматикой двух языков на равных основаниях; это грамматика чужого языка по сопоставлению с родным»³⁸. В связи с практической неосуществимостью стольких описаний русского языка, сколько есть разноязычных людей, желающих овладеть им, а также опираясь на положения, к сожалению, еще очень слабо разработанной типологической лингвистики³⁹, можно считать желательным создание исчерпывающего описания русского язы-

логическое сопоставление русского устного и письменного языков «Питания прикладной лингвистики. Тезис доповідей...»; Э. М. Волоцкая, Т. Н. Молошная, Т. М. Николеева, Опыт описания русского языка в его письменной форме, М., 1964.

³⁶ См.: О. А. Липтева, О некодифицированных сферах современного русского литературного языка, ВЯ, 1966; 2; Е. А. Иванчикова, Вместо предисловия к сб.: «Развитие синтаксиса современного русского языка», М., 1966; ср. также: Н. Ю. Шведова, Очерки по синтаксису русской разговорной речи, М., 1960; е е же, Активные процессы в современном русском синтаксисе, М., 1966.

³⁷ Традиции В. А. Богородицкого (см. его «Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных», Казань, 1930), к сожалению, забыты; в последние годы можно отметить лишь работы Е. А. Брызгуновой (см. ее: «Практическая фонетика и интонация русского языка», [М.], 1963 и др.).

³⁸ А. [А.] Реформатский, О сопоставительном методе, «Р. яз. в нац. шк.», 1962, 5, стр. 33; ср. также: В. Н. Ярцева, О сопоставительном методе изучения языков, ФН, 1960, 1; А. В. Исаченко, Сопоставительное изучение языков как особая лингвистическая дисциплина, сб. «Вопросы преподавания русского языка в странах народной демократии», М., 1961. См. также дискуссию «Всякое ли сопоставление полезно?» в журн. «Р. яз. в нац. шк.» за 1957—1958 гг. (особенно статьи Б. А. Серебряникова и А. С. Чикобава).

³⁹ См.: Б. А. Успенский, Принципы структурной типологии, М., 1962.

ка, не рассчитанного на носителя какого-либо языка, в том числе и русско-го. Для каждого читателя это описание обязательно будет как избыточным, так и недостаточным, но оно может служить отправной базой для конкретизированных пособий, ориентированных на отдельные языки. В пособии для англичан оно, например, подвергнется приспособлению постольку, поскольку английский язык явится 1) языком фактического изложения, 2) родным языком обучающихся и, следовательно, источником интерферирующих влияний, 3) частичной моделью описания как хорошо изученный и описанный язык. Это полное описание должно учитывать и уже высказанные требования⁴⁰.

Так, при изложении произношения недостаточно описать только фонемы и их варианты (аллофоны). Ведь для устной речи, особенно для неполных разговорных стилей, весьма существенна именно фонетика, а не фонология, объединяющая письменную и устную речь. При последующем сопоставлении с иным языком, вероятно, не так важно находить фонематические параллели и расхождения, как нормативно и ненормативно фонетические. Л. В. Щерба протестовал «против отрыва фонологии от фонетики в узком смысле слова... Исследовать систему фонем данного языка, определять „семантизированные“ (фонологизованные) признаки каждой из них можно только на основе изучения конкретного произношения данного языка и разных не менее конкретных причинных связей между отдельными элементами этого произношения...»⁴¹. Звуковые противопоставления различаются по осознанности и значимости; например, качество *e* не играет роли в словах *это, эти, дети*, хотя и может отчетливо ощущаться, особенно при «ошибках», носителями русского языка и, конечно, теми нерусскими, в родном языке которых аналогичное противопоставление значимо. Поэтому существенно дифференцировать черты русской фонетики (и фонологии) по эффекту их нарушения: либо ведущему к непониманию, либо проходящему незамеченным, либо создающему акцент; ср. хотя бы произношение *дом* вместо *том* и произношение *сад* вместо *сат* (орфографическое „сад“). По словам Л. В. Щербы: «... англичане четыре русских слова *пыл, пыль, пил, пиль* произнесут обязательно одинаково, ибо для них *ы* и *и*, *л* и *ль* — лишь вариации одних и тех же звуков, вариации, которых они нормально даже не замечают. ...Если какой-либо иностранец будет выговаривать *шяр, шяпка, Шюра, Машия*, то это будет только смешно; если же он скажет *стол* вместо *столь* (как это нормально для всякого англичанина) или *кбля* вместо *Кбля, копя* вместо *копя* (как это действительно постоянно и случается с иностранцами, если их никто специально и разумно не учит русскому произношению), то это будет уже разрушением смысла. Совершенно очевидно, что, при самых скромных требованиях к устной речи с ошибками второго рода никак нельзя мириться; но не менее очевидно и то, что мы сами на наш слух не в состоянии судить, какие наши ошибки в произношении делают нас только смешными, а какие мешают нас понимать. Об этом может судить лишь компетентный

⁴⁰ При ограниченных учебных целях из такого описания легко извлечь нужный минимум, но этот минимум может быть определен только на фоне исчерпывающего описания; об этом свидетельствует любопытная попытка научения переводу иноязычного текста без умения произношения; А. А. З а л и з н я к, Опыт обучения англо-русскому переводу с помощью алгоритма, «Питания прикладной лингвистики. Тезисы доповідей...».

⁴¹ Л. В. Щ е р б а, Очердные проблемы языковедения, ИАН ОЛЯ, 1945, 5, стр. 185; ср.: С. [И.] Б е р н ш т е й н, Вопросы обучения произношению применительно к преподаванию русского языка иностранцам, М., 1937; А. [А.] Р е ф о р м а т с к и й, Фонология на службе обучения произношению неродного языка, «Р. яз. в нац. шк.», 1961, 6; D. W a r d, The Russian pronunciation, London, 1958; е г о ж е, The Russian language today.

человек, знающий при этом данный иностранный язык как родной»⁴². Таким образом, исчерпывающее описание необходимо и для дифференциации смыслоразличительных (основных, системных и дополнительных, нормативных) корреляций и явлений, создающих акцент, хотя и не играющих смыслоразличительной роли, и для определения границ целесобразного сопоставления в зависимости от учебных ограничений и характера звуковой и фонологической системы другого языка⁴³.

Базисные явления и явления добавочные, в том или ином отношении факультативные и выводимые автоматически, имеются в каждом ярусе языка. Поскольку «структуры всех предложений представляют собой сочетания или трансформации небольшого количества упражнений с простыми структурами»⁴⁴, можно ставить задачу выделения «базисных моделей» и, соответственно, базисного корнеслова, перечня морфем с указанием их строения и правил сочетания и т. д. Для параллельного изложения правил преобразования наиболее существенным представляется всестороннее изучение лексической и грамматической синонимии и омонимии, а также закономерностей предикативных словосочетаний. Встает проблема определения минимальной грамматической информации, приписываемой слову в словаре, и формулировки правил получения из одной словоформы, в частности словарной, всех остальных форм парадигмы данного слова, равно как и обратная задача: на основе сведений о парадигме получить любую ее форму.

Исчерпывающее и дифференцированное описание, можно надеяться, приведет таким образом к выделению «базисного русского языка» — упрощенной, сведенной к минимуму, но сохраняющей, однако, способность выполнять функции орудия общения организации отобранных средств. Разумеется этот подход не отрицает, а, напротив, делает совершенно необходимым параллельное описание всех «избыточных» тонкостей функционирования структуры русского языка⁴⁵: «базисный язык» предстает лишь как ядро исчерпывающего описания.

Выделение базисного языка тесно увязывается с проблемой описания языка в целом не в виде инвентаризационных списков, не в форме классической системы классификации по отделам, частям речи, типам парадигм, но и в «горизонтальных срезах» — по функциональным связям и ассоциациям, по смыслам. Методическая мысль давно пришла к провозглашению потребности именно в таких описаниях и бурно обсуждает вопросы вроде «концентризма в изложении материала», «лексикализации грамматики», «преподавания морфологии на синтаксической основе», «выделения способов выражения того или иного смысла», «речевых образцов или моделей с обязательным и факультативным лексическим их наполнением» и т. д. Научному исследованию возможности такого подхода к русскому языку у нас почти еще не подвергались; даже идея «функциональной грамматики» не вышла еще за пределы умозрительных рассуждений⁴⁶. Остро

⁴² Л. В. Щ е р б а, Фонетика французского языка, 4-е изд., испр. и расшир., М., 1963, стр. 14—15.

⁴³ На такой основе можно решить методический вопрос о «допустимых» и «нетерпимых» ошибках, поскольку обычно задача безакцентного владения произношением не ставится. См. об этом: А. А. Р е ф о р м а т с к и й, Фонетический минимум при овладении русским произношением нерусскими, «Р. яз. в нац. шк.», 1961, 4, стр. 9, где автор отказывается фактически от конкретного решения, заявив, что «здесь не может быть универсальных рецептов» и что «каждый в своем доме да поживает!».

⁴⁴ Э. С. Х а р р и с, Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре, «Новое в лингвистике», II, М., 1962, стр. 381.

⁴⁵ См.: R. J a k o b s o n, Concluding remarks, «Proceedings of the IX International congress of linguistics», New York, 1964.

⁴⁶ Счастливым, хотя и не бесспорным исключением являются работы Е. Г. Б а ш; см. особенно: «Программа по русскому языку для иностранцев. Для подготовительных

ощущается недостаточная исследованность взаимодействия явлений разных уровней, особенно с точки зрения их отношений, которые и являются носителями грамматического значения. Поэтому так заманчивы, например, сделанные в современной лингвистике попытки найти закономерности связей звуковых структур с морфологическими и словообразовательными категориями, которые, видимо, могут привести и к четкому объяснению современных чередований звуков, и к упорядоченному изложению русской акцентологии⁴⁷.

Пока нет оснований с убежденностью полагать, что описания в плане выражения могут полностью быть заменены удобными и экономными описаниями в плане содержания⁴⁸, особенно для языков флективного строя. Тем не менее насущность «синтагматических» (структурно-функциональных) классификаций в увязке с семантикой по крайней мере в параллель «парадигматическим» (системно-классификационным), вряд ли может оспариваться. Во всяком случае, как базисное описание, так и полное справочное, крайне нужные для преподавания русского языка как иностранного, должны излагать языковые явления с учетом особенностей парадигматики и синтагматики в их взаимодействии, особенно синтаксических функций с их структурами и лексическим наполнением.

Русский язык слабо изучен с этих позиций, поэтому выдвинутую проблематику, как и другие темы, могущие дать пользу распространению русского языка в мире⁴⁹, следует скорее реализовать в конкретных исследованиях. Лингвистические исследования в рассматриваемой области должны увязываться и переплетаться с психологическими и социологическими. Это, однако, уже другая тема.

факультетов», М., 1964; ср.: В. Д. Аракин, Речевая единица и речевой образец, «Русский язык для студентов-иностранцев» (сб. статей), 2, М., 1965. Применительно к английскому языку в этом направлении сделано значительно больше; см., помимо широко известных работ Г. Пальмера, М. Уэста и А. Хорнби: Ch. Fries, Teaching and learning English as a foreign language, Ann Arbor, 1947; R. Lado, Ch. Fries, English sentence patterns, New York, 1960; Ch. C. Fries, The structure of English, New York, 1952; P. Roberts, English sentences, New York, 1962; его же, English syntax, 1965 и много других работ.

⁴⁷ См.: О. С. Ахманова, Фонология. Морфонология. Морфология, М., 1966; В. А. Редькин, Построение раздела «Морфонология», «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка», М., 1966 (в обеих работах приведена обширная библиография).

⁴⁸ Методика «анализа содержания», выясняющего использование элементов в сообщении либо как признаков, позволяющих делать заключение об их источнике, либо как основы для предсказания их влияния на слушателей или читателей», активно разрабатывается в США, см.: Ch. E. Osgood, Psycholinguistics, «Psychology: a study of science», 6, New York — San Francisco, 1963, стр. 301; ср. также сборник: «Trends in content analysis», ed. by J. D. Pool, New York, 1959.

⁴⁹ См.: С. Г. Бархударов, О некоторых лингвистических проблемах, связанных с обучением русскому языку нерусских, «Р. яз. в нац. шк.», 1958, 3; его же, Основные проблемы методики преподавания русского языка в национальных группах вузов, «Р. яз. в нац. шк.», 1964, 2; М. А. К. Halliday, A. McIntosh, P. Strevens, The linguistic sciences and language teaching, London, 1964; W. Rivers, The psychologist and the foreign language teacher, Chicago, 1964; R. Lado, Language teaching: a scientific approach, New York, 1964.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. В. БОНДАРКО

К ПРОБЛЕМАТИКЕ
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ*(Глагольный вид и «аспектуальность»
в русском языке)*

1. Теория понятийных категорий, как известно, разрабатывалась в свое время О. Есперсеном и И. И. Мещаниновым. В трудах этих ученых представлены разные, хотя отчасти и перекрещивающиеся направления этой теории. Если у О. Есперсена¹ она развивается в плане соотношения логических категорий и категорий языка, то И. И. Мещанинов подчеркивает языковую природу понятийных категорий: «Выявляясь в семантической стороне лексики, в синтаксическом строе предложения и в морфологическом оформлении слова, понятийные категории остаются тем самым в числе языковых категорий, хотя и являются отражателями в языке действующих норм сознания»².

Самый термин «понятийная категория» не вполне удачен, как так он указывает лишь на сферу мышления. Для того чтобы подчеркнуть, что речь идет о категориях, принадлежащих языку, о языковых средствах выражения и языковой семантике, целесообразнее использовать другой термин: «функционально-семантическая категория». Критерием выделения таких категорий является общность семантической функции взаимодействующих элементов разных языковых уровней, наличие известного семантического инварианта в дифференциальных семантических признаках этих элементов.

Функционально-семантическая категория выражается морфологическими, синтаксическими, словообразовательными, лексическими средствами языка, различными комбинациями средств контекста. Такая категория имеет определенную структуру. Ее можно трактовать как функционально-семантическое поле, создаваемое взаимодействующими и в какой-то области пересекающимися «микрополями» (частными функционально-семантическими категориями в пределах общей). Поля разных, но связанных друг с другом общих категорий также взаимодействуют. Они могут пересекаться, частично накладываться друг на друга (ср. высказывания о «полевой структуре» грамматических явлений, о «функцио-

¹ О. Есперсен, *Философия грамматики*, М., 1958.

² И. И. Мещанинов, *Члены предложения и части речи*, М.—Л., 1945, стр. 196—197. В другом месте И. И. Мещанинов говорит о том, что понятийная категория «передается не через язык, а в самом языке, не только его средствами, а в самой его материальной части. Таким образом, не всякое передаваемое языком понятие является понятийной категорией. Ею становится такое понятие, которое выступает в языковом строе и получает в нем определенное построение. Последнее находит свое выражение в определенной лексической, морфологической или синтаксической системе» («Понятийные категории в языке», *Труды Военного ин-та ин. яз.*, 1945, 1, стр. 15).

нально-семантическом поле», «общем поле» в работах В. Г. Адмони, А. А. Хадеевой-Быковой, Г. С. Щура).

Функционально-семантическая категория в данном языке может опираться (но не должна обязательно) на категорию грамматическую, которая представляет собой как бы грамматическое ядро функционально-семантической категории³. Это ядро характеризуется определенными дифференциальными семантическими признаками. Аналогичные признаки могут передаваться в различных вариантах и конкретизироваться также и иными средствами. В «периферийной» области, однако, находят выражение и новые признаки, дополняющие семантические возможности ядра. Так, в системе регулярных временных форм русского глагола отсутствует признак «ближайшее — отдаленное время» (лишь непродуктивные формы типа *заживал* способны специально указывать на отдаленное прошлое). Зато отнесенность действия к ближайшему или отдаленному времени легко передается лексическими средствами, ср. *только что, сейчас, вот-вот — давно, бывало* и т. д.

Функционально-семантическая категория проявляет себя в процессе взаимодействия средств ее выражения. Это взаимодействие обусловлено структурой языка, связью и взаимопроникновением его уровней, но в полной мере оно раскрывается и актуализируется в речи. Оперирование функционально-семантическими категориями позволяет и заставляет рассматривать различные уровни языка в их взаимосвязи и взаимодействии. Функционально-семантические категории порождают элементы разных языковых уровней. С этой точки зрения они могут трактоваться как своего рода «комплексные» категории. Однако если иметь в виду результат этого порождения — взаимодействие в речи различных элементов, образующих семантические комплексы, то следует говорить о плане функционально-семантическом. Внутри данной категории устанавливается иерархия уровней, к которым относятся ее элементы.

В учении о русском глаголе прямое отношение к нашему вопросу имеет концепция модальности, выдвинутая В. В. Виноградовым. Модальность трактуется В. В. Виноградовым как категория, имеющая синтаксическое, морфологическое и лексическое выражение⁴.

В исследовании, из которого вытекает настоящая статья, содержится попытка распространить принцип соотношения глагольного наклонения и модальности на другие грамматические категории русского глагола. В этой связи рассматривается соотношение глагольного времени и «темпоральности», глагольного вида и «аспектуальности», лица глагола и «персональности», залога и «залоговости» (предлагаемые термины построены по образцу «модальность»).

Темпоральность — это функционально-семантическая категория, охватывающая различные языковые средства выражения времени. В русском языке эта категория, помимо системы временных форм глагола, выражается такими средствами, как лексические показатели времени (*давно, завтра* и т. п.), синтаксическая структура некоторых типов одно-

³ Говоря о грамматическом, в частности морфологическом, ядре функционально-семантической категории, мы имеем в виду языки с флективной морфологией. Эта статья вообще ограничена ориентацией на языки такого типа.

⁴ В. В. Виноградов, О категории модальности и модальных словах в русском языке, «Труды Ин-та русск. яз. [АН СССР]», II, 1950. Позднее В. В. Виноградов писал о синтаксических категориях времени, модальности и лица как элементах предикативности («Грамматика русского языка» [АН СССР], II, 1, М., 1954, стр. 76—83). Такая постановка вопроса закономерна в плане синтаксиса, но она не совпадает с проблематикой функционально-семантических категорий, а лишь соприкасается с ней. Функционально-семантические категории имеют синтаксическую функцию, выступая в качестве элемента структуры предложения, но не сводятся к ней.

составных предложений, формы косвенных наклонений и инфинитива в сочетании с другими элементами контекста ⁵.

Персональностью можно назвать категорию, опирающуюся на два морфологических ядра — глагольные и местоименные формы лица. К периферии этой категории относятся синтаксические, лексические и контекстуальные средства выражения семантики лица, не представляющие собой системы грамматических форм. Взаимодействие глагольного и местоименного лица заключается прежде всего в сочетаемости или несочетаемости тех или иных форм лица глаголов и местоимений. В разнообразных сочетаниях с глагольным лицом вступают лексические элементы персональности (например: *Наш брат бьется как рыба о лед*).

Большой самостоятельной проблемой является соотношение залога и залоговости. В истории учения о залоге русского глагола не раз возникало противоречие. Если концепция залога стремилась охватить все явления, связанные с залогом, то в одном ряду оказывались различные языковые факты — морфологические, синтаксические, лексико-синтаксические, словообразовательные. При таком подходе, естественно, не получалось классификации залогов, основанной на едином принципе. Если же залоговая теория стремилась проводить классификацию залогов на основании одного принципа, то не находили себе места многие действительно связанные с залогом явления. Залог тает, редуцируется, и вместе с тем растет масса связанного с ним, но выведенного за его рамки материала. Думается, что введение понятия залоговости может способствовать тому, чтобы выделение грамматических элементов залога сочеталось с анализом их связи с относящимися к той же семантической сфере словообразовательными, лексико-семантическими и лексико-синтаксическими явлениями. Трудность решения проблемы залога в славянских языках заключается в том, что ядро этой функционально-семантической категории четко не определилось. Не сложилась однородная система грамматических форм с ясными формальными показателями. Грамматические элементы категории, характеризующей глагольное действие в его отношении к субъекту (действительные и страдательные причастия, пассивные и активные конструкции), тесно срослись с определенными слоями словообразовательной и лексико-синтаксической периферии залоговости (возвратные глаголы, переходность/непереходность).

2. Здесь мы остановимся более подробно на категории аспектuality. Так можно назвать функционально-семантическую категорию, охватывающую различные средства выражения характера протекания действия (в широком смысле). В славянских языках эта категория охватывает прежде всего глагольный вид (морфологическое ядро аспектуальности) и способы действия. Непосредственно к грамматическому ядру аспектуальности примыкает лексико-грамматическая категория предельности/непредельности. Эта категория проявляется в составе видовой парадигмы, но не имеет непосредственного грамматического выражения ⁶. Помимо глагольного вида и способов действия, элементами аспектуальности являются неглагольные лексические показатели характера протекания действия (*долго* и т. п.). В характеристике протекания

⁵ Подробнее см.: А. В. Вондарко, Об относительном и абсолютном употреблении времен в русском языке (в связи с вопросом о «темпоральности»), ВЯ, 1965, 6.

⁶ О категории предельности/непредельности см.: Ю. С. Маслов, Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление), сб. «Вопросы грамматики болгарского литературного языка», М., 1959; И. Полядауф, Место грамматики и лексикологии в изучении вопросов глагольного вида, сб. «Вопросы глагольного вида», М., 1962.

действий могут принимать участие также синтаксические средства предложения и сложного синтаксического целого.

Последние десятилетия усилили многих ученых были направлены на то, чтобы разграничить славянский глагольный вид (Aspekt), с одной стороны, и способ действия (Aktionsart), с другой. Отделение грамматической категории вида (совершенного и несовершенного) от семантических разрядов глаголов, определяемых по признаку сходства в типах протекания и распределения во времени глагольного действия (ср. начинательные глаголы, дистрибутивные, общерезультативные, многократные, инхорвативные, глаголы состояния и т. д.)⁷, способствовало и способствует более глубокому познанию славянского глагольного вида. Основоположником этого направления в учении о славянском глаголе был А. А. Потebня⁸. Независимо от А. А. Потebни мысль о различии между видом и способами действия была развита в трудах ряда ученых разных стран.

Вид и способ действия принципиально различаются в плане выражения. Как отмечает Ю. С. Маслов, во всех случаях, когда мы имеем дело с грамматической категорией вида (речь идет не только о славянских языках), «...обязательно наличествует грамматическое противопоставление, косящее строгий „парадигматический“ характер, охватывающее всю глагольную лексику или хотя бы достаточно широкую ее часть и проявляющееся или по крайней мере могущее проявиться в рамках одного лексического значения»⁹. «...В противоположность видам способы действия не представляют собою грамматических категорий, не образуют четких парадигматических противопоставлений широкого охвата, остаются в рамках лексических различий между глаголами»¹⁰.

Противопоставление вида и способа действия важно прежде всего потому, что оно позволяет выявить связь и взаимодействие этих категорий. Расходясь в плане выражения, вид и способ действия сближаются в плане содержания¹¹. Отсюда только один шаг до признания функционально-семантической категории, объединяющей вид и способ действия.

Следует еще раз настоятельно подчеркнуть, что речь идет отнюдь не о смешении вида и способа действия. Говоря о том, что вид и способ действия — различные компоненты функционально-семантической категории аспектуальности, мы подходим с другой стороны к тому же вопросу о противопоставлении Aspect — Aktionsart. Как и всякое противопоставление, оно строится на какой-то общей основе. Категория аспектуальности немыслима без различения вида и способа действия. Именно в этом заключается принципиальное различие между аспектуальностью и тем широким пониманием вида, далеко выходящим за рамки совершенности/несовершенности, которое хорошо известно в русской (ср., например, работы А. Х. Востокова, Н. П. Некрасова, А. А. Шахматова) — и не только русской (ср., в частности, работы Фр. Травничка) — грамматической традиции.

Когда характер протекания действия находит выражение в грамматической оппозиции, в системе грамматических форм, мы имеем дело с г л а г о л ь н ы м в и д о м — грамматическим (морфологическим) ядром аспектуальности.

⁷ См.: Ю. С. М а с л о в, Система основных понятий и терминов славянской аспектологии, сб. «Вопросы общего языкознания», Л., 1965.

⁸ См.: А. А. П о т e б н я, Из записок по русской грамматике, IV, М.— Л., 1941, стр. 15 и сл., 62 и сл.

⁹ См.: Ю. С. М а с л о в, Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании, сб. «Вопросы глагольного вида», стр. 9.

¹⁰ Там же, стр. 10.

¹¹ Ср.: Ю. С. М а с л о в, Глагольный вид в современном болгарском литературном языке..., стр. 160.

Грамматическая категория вида, базирующаяся (в славянских языках) на оппозиции совершенного и несовершенного видов, будучи ядром аспектуальности, противопоставляется всем другим средствам ее выражения, не носящим грамматического характера.

Способы действия (семантические, отчасти словообразовательные группы глаголов, выделяемые на основании общности типа протекания действия во времени) в плане выражения неоднородны. Одни из них отличаются определенным формальным признаком и представляют собой словообразовательные разряды (ср., например, дистрибутивные глаголы типа *перезенить*, *перезнакомить*, *перекалечить* и т. п.). Другие не обладают таким признаком (например, глаголы состояния типа *стоять*, *спать*, *болеть*, *бодрствовать*). Способы действия (в дальнейшем СД) первого типа можно назвать характеризованными, второго — нехарактеризованными. Промежуточную группу составляют непоследовательно характеризованные способы действия (термины Ю. С. Маслова)¹². Так, общерезультативный СД является характеризованным в тех случаях, когда он находит выражение в приставке, не имеющей какого-либо иного значения (ср. *лепить/вылепить*, *конспектировать/законспектировать*). Однако этот же СД может быть и нехарактеризованным, например: *вдуть/вдуть*, *вывинтить/вывинчивать* (приставка выражает пространственное значение, не являясь специальным выразителем результативности); ср. также бесприставочные глаголы типа *дать/давать*, *решить/решать*, двувидовые глаголы типа *использовать*, *исследовать*. Нехарактеризованные СД отличаются от характеризованных отсутствием определенного морфемного показателя, но это не значит, что они совсем не имеют языкового выражения. Так, глаголы состояния отличаются следующими признаками: а) все они несоотносительны по виду; производные от них образования совершенного вида всегда имеют иное лексическое значение, иной СД (ср. *сидеть* и *высидеть*, *засидеться*, *насидеться*, *отсидеть* и т. п.); б) от большинства рассматриваемых глаголов могут быть образованы глаголы ограничительного СД с приставкой *по-* (*повисеть*, *подержать*, *полежать* и т. д.); в) исключена возможность образования одноактных глаголов, что объясняется несовместимостью их семантики с понятием состояния¹³; г) глаголы состояния не могут сочетаться с такими обстоятельствами, как *быстро*, *медленно*, *постепенно*, поскольку эти обстоятельства предполагают действие, связанные с какими-то изменениями.

Характеризованные СД могут быть разделены на простые и сложные. Первые отличаются единым морфемным признаком, например: *отболеть*, *отбушевать*, *отзвучать* и т. д. Такие СД не поддаются дальнейшему членению ни в семантическом, ни в формальном отношении. В функционально-семантическом поле аспектуальности они представляют собой минимальные, нечленимые микрополя. Сложные СД характеризуются несколькими морфемными признаками, обычно связанными с различными (хотя и близкими) значениями или оттенками. Например, начинательный СД:

¹² См.: Ю. С. Маслов, Система основных понятий..., стр. 71—72; А. В. Бондарко (ответ на вопрос научной анкеты), сб. «Славянская филология», I, София, 1963, стр. 160. Мысль о необходимости членения внутри способов действия выражена в известной книге А. В. Исаченко «Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким», Морфология, II, Братислава, 1960, стр. 209—344. Трудно, однако, согласиться с конкретной реализацией этой правильной идеи в работе А. В. Исаченко («совершаемость» и «характер глагольного действия») различаются не только по признаку наличия или отсутствия внешнего выразителя, но и по признаку видовой несоотносительности или соотносительности). См. рецензию автора этой статьи на книгу А. В. Исаченко (ВЯ, 1962, 5, стр. 139—141).

¹³ См.: Ю. С. Маслов, Глагольный вид в современном болгарском литературном языке..., стр. 186—187.

зашуметь, возненавидеть, победить; смягчительный СД: поиздержаться, приоткрыть/приоткрывать, подлечить/подлечивать, всплакнуть. Сложные СД представляют собой группировку нескольких простых (группировку микрополей).

В целом способы действия представляют лексическую (отчасти словообразовательную, отчасти лексико-семантическую) аспектуальность. К этому типу аспектуальности должны быть отнесены также и «аналитические способы действия» (термин употребляется Ю. С. Масловым). Ср., например, аналитическое выражение начала действия сочетанием инфинитива с глаголами *стать, начать, приняться* и т. п., а также сочетаниями инфинитива с частями *давай, и, ну*. Ср. также аналитическое выражение длительности действия (*думали, думали; спит и спит*), наступления интенсивного действия (*как засмеется, как толкнул*).

Наконец, к глагольной лексической аспектуальности примыкают формы типа *бац, бух, хватъ, хлоп* и т. п. Выражаемый ими СД можно назвать «мгновенно-интенсивным». Отличительной особенностью этих форм является то, что способу действия в них не сопутствует глагольный вид.

Неглагольная лексическая аспектуальность представлена словами и сочетаниями слов — показателями характера протекания действия. Имеются в виду показатели кратности типа *иногда, время от времени, каждый вечер*, показатели длительности типа *долго, всю ночь*, показатели непрерывности, мгновенности, завершенности/незавершенности, срока, темпа протекания, фазовости, процессности, нарастания интенсивности действия¹⁴.

Между глагольным и неглагольным типами лексической аспектуальности имеются существенные различия. Способ действия заключен в самом глаголе — специальном выразителе действия в языке. Выражение способа действия неотделимо от выражения самого действия. Поэтому способ действия является одним из основных (наряду с глагольным видом) элементов аспектуальности. Иную роль играет неглагольная лексическая аспектуальность. Ее показатели могут так или иначе характеризовать действие «со стороны», но они могут и отсутствовать. По сравнению с внутренней характеристикой действия, заключенной в самом глаголе, эти «внешние» выразители аспектуальности являются вторичными, дополнительными¹⁵.

Не одинаков характер взаимодействия глагольного вида со способами действия и с неглагольными показателями аспектуальности. Со способами действия вид взаимодействует как в плане формообразования (от способов действия во многом зависит полнота или неполнота видовой парадиг-

¹⁴ См.: Ю. С. Маслов, Система основных понятий и терминов..., стр. 67. С. Д. Кацнельсон еще в 1948 г. писал о «видовых словах» типа *еще, уже, совсем, вдруг, неожиданно, мгновенно* и т. п., а также *начать, прервать, удаваться* (С. Д. Кацнельсон, О грамматической категории, «Вестник ЛГУ», 1948, 2, стр. 119). Из работ последнего времени см.: А. Б. Аникина, Сочетаемость глаголов совершенного и несовершенного вида с наречиями и другими лексическими единицами, характеризующими способ действия, ФН, 1964, 3; Е. Кржижкова, Темпорально-квантитативная детерминация глагола (Опыт трансформационного анализа), «Československá rusistika», XI, 2, 1966; А. Г. Ширкова, Способы выражения значения многократности в чешском языке (в сравнении с другими славянскими языками), «Вестник МГУ», Серия Х. Филология, 1966, 1.

¹⁵ Обстоятельства типа *каждый год, то и дело, весь день, постоянно, непрерывно, мгновенно, постепенно, один за другим* во всей полноте и конкретности их лексического значения представляют собой особый компонент высказывания, не сводимый к аспектуальности. К аспектуальности относятся лишь заключенные в этих обстоятельствах семантические элементы (признаки) — кратность, длительность непрерывность и т. п., — характеризующие протекание действия.

мы)¹⁶, так и в процессе функционирования глагольных форм: способ действия обуславливает возможность или невозможность функционирования глагола в некоторых частных видовых значениях и может влиять на их выражение. С неглагольными же показателями аспектуальности вид взаимодействует лишь в контексте, только при функционировании глагольной формы, когда данный лексический показатель кратности, длительности, непрерывности, интенсивности и других особенностей протекания действия сочетается с обоими видами или лишь с одним из них, по-разному определяя, дополняя или уточняя характеристику глагольного действия.

В передаче характера протекания действий могут участвовать синтаксические средства предложения и сложного синтаксического целого, средства связи простого и сложного предложения, соотношение и расположение частей последнего, порядок слов. Эти элементы не представляют собой специальной системы синтаксических средств, служащих для характеристики протекания действий (если бы такая система существовала, то ее следовало бы отнести к грамматическому ядру аспектуальности). Речь идет об элементах структуры предложения, помимо своих непосредственных функций выполняющих функцию одного из средств выражения аспектуальности. Эта аспектуальная функция может иметь весьма важное значение и с чисто синтаксической точки зрения (ср., например, средства связи сложноподчиненного предложения с придаточным времени), но во всех случаях она вторична.

В качестве примера использования элементов структуры предложения в аспектуальной функции можно указать на кратно-соотносительные конструкции — кратно-парную (при выражении повторяемости цикла из двух действий) и кратно-цепную (при повторяемости цепи действий) (термины Ю. С. Маслова). Например: «[Варя]... Это правда, я дикая: *что* в голову придет, *то* и *делаю*» (Островский, Дикарка); «...Так же должен чувствовать себя убежавший из клетки зверь. *Подбежит* к лесу, *остановится*, *задумается* и *пустится* в чащу» (Пришвин, За волшебным колобком). Ср. также такие типы аспектуального контекста, как «чередование» (здесь важно отметить роль повторяющегося союза *то*): «[Вигель] ...*Валется* на диване, *царапает* на каких-то клочках. И *то нахмурится*, *то засвистит*, *то захохочет*, как безумный» (Паустовский, Наш современник); «длительность — наступление»¹⁷: «*Все глядели* на атамана, *но тут задвигались* люди в сених...» (Федин, Костер).

Проанализируем несколько отрывков контекста, в которых выявляются некоторые частные видовые значения¹⁸, наглядно представляющие связь и взаимодействие различных элементов аспектуальности.

«Она *обняла* его *раз* *три*» (Гончаров, Обрыв). Сочетанием ограниченной кратности (*раз* *три*) с исходящим от формы совершенного вида значением единичного конкретного факта создается значение суммы конкретных фактов. Каждый из них уже не выступает как отдельный, изолированный: совершенный вид своим значением неделимой целостности действия суммирует отдельные акты, сводит их воедино. Таким образом, в результате столкновения грамматического видового значения с относящимся к той же семантической области лексическим значением количественно-именного сочетания создается своего рода семантический комплекс, называемый суммарным частным видовым значением, но, строго говоря, представляющий не вид (не только вид), а именно аспектуальность.

¹⁶ См.: Ю. С. Маслов, Глагольный вид в современном болгарском литературном языке..., стр. 184—204.

¹⁷ Ср.: Э. Копшмидер, Очерк науки о видах польского глагола, сб. «Вопросы глагольного вида», стр. 149—150.

¹⁸ О частных видовых значениях см.: Ю. С. Маслов, Глагольный вид в современном болгарском литературном языке..., стр. 231—312.

«— Ах, проклятая!.. — ругался Иван Васильевич, бросаясь в погоню за неверным псом. — Вот *каждый раз так...* Поймает и съест, подлая!..» (Мамин-Сибиряк, На перевале). Совершенный вид здесь выступает в наглядно-примерном значении: выделяется один акт повторяющегося действия, дающий наглядное представление о других подобных актах. Это частное видовое значение складывается из нескольких элементов. Сами по себе глагольные формы изображают действия так, как будто они конкретны и единичны. Отдельный акт представлен как неделимое целое. Предшествующий же контекст, в частности обстоятельство *каждый раз*, говорит о повторяемости всей ситуации. Типичное передается через конкретное и единичное. Кратно-парная конструкция является средством синтаксической организации этой сложной характеристики способа протекания группы действий.

«В праздничные же дни около шалаша — целая ярмарка, и за деревьями поминутно мелькают красные уборы» (Бунин, Антоновские яблоки). Обстоятельство *в праздничные дни* определяет кратность всей последующей ситуации. Второе обстоятельство — *поминутно* — в рамках повторяющегося в целом эпизода дополнительно обозначает и конкретизирует кратность последующего действия. Таким образом, еще до появления в контексте глагола характер действия в значительной степени предопределяется лексическими средствами выражения аспектуальности. Почти предрешен и выбор вида: если не последуют особые элементы контекста, допускающие возможность использования совершенного вида (например, повторяющийся союз *то*), должен быть употреблен несовершенный вид, обозначающий действие без указания на его целостность. Многоактный СД глагола *мелькают* завершает разностороннюю характеристику протекания действия. Так сложился в данном случае комплекс различных элементов аспектуальности, получивший название неограниченно-кратного частного видового значения.

«[Антипа]... А зачем мундир снял, службу бросил? [Тараканов]. Объяснял я это. [Антипа]. *Объяснял, да не объяснил*» (М. Горький, Зыковы). Форма несовершенного вида в последней реплике обозначает действие, не достигшее своей цели. В выражении конативного значения участвует общерезультативный СД: обозначается направленность на достижение результата. В выражении противопоставления «попытка — ее безуспешность» важную роль играет не только сочетание форм противоположных видов, но и участие других элементов структуры предложения (*да не*). Таким образом, и здесь мы наблюдаем переплетение в одном семантическом пучке различных средств выражения характера протекания действия.

Во всех приведенных примерах семантические элементы аспектуальности объединяются, образуя в данном высказывании известный комплекс, однако смешения и нивелировки значений не происходит, каждый из компонентов сохраняет свою специфику. Можно сравнить этот семантический комплекс с аккордом (ср. использование этого понятия в работах В. Г. Адмони), в котором целостное звучание не заглушает каждого отдельного тона.

В «игре» разнообразных средств выражения характера протекания действий в контексте проявляется прежде всего взаимодействие неглагольных лексических показателей с видом и способом действия. Однако здесь не раскрываются в полной мере отношения, связывающие два основных элемента аспектуальности — вид и способ действия. Их взаимосвязь находит более полное выражение в зависимости видовой соотносительности и несоотносительности от способов действия. Целая глава славянской аспектологии, посвященная выяснению закономерностей и причин видовой соотносительности/несоотносительности, строится на анализе взаимосвязи вида и способа действия.

3. Модальность, темпоральность, персональность, залоговость и аспектуальность образуют группировку взаимодействующих категорий — частично перекрещивающихся функционально-семантических полей. В русском языке, как и во многих других языках, особенно тесными являются модально-темпоральные и аспектуально-темпоральные связи.

Рассмотрим соотношение категорий аспектуальности и темпоральности. Основные линии связи между ними в современном русском языке таковы.

1) Морфологические центры аспектуальности и темпоральности — вид и время — представляют собой самостоятельные, но взаимосвязанные грамматические категории.

а) Их связь проявляется в зависимости временной парадигмы от вида. Несовершенный вид определяет состав временных форм (*открывал — открываю — буду открывать*), отличающийся от состава временных форм, определяемого совершенным видом (*открыл — открою*). Полной временной парадигмой обладают лишь те глаголы, которые имеют формы обоих видов (*открыть — открывать* и т. п.). Те же глаголы, которые существуют лишь в одном виде, обнаруживают дефектность временной парадигмы (ср. *отрицал, отрицаю, буду отрицать — ринулся, ринется*). Глаголы только совершенного вида не имеют формы сложного будущего и специальной формы настоящего времени, а глаголы только несовершенного вида не обладают многозначной формой настоящего-будущего. В зависимости от полноты или неполноты видовой парадигмы одни лексические единицы, обладая всеми формами времени, могут выражать всю сложную гамму временных значений и оттенков, тогда как другие лексические единицы, обладая лишь частью временных форм, ограничены в этом отношении. Отсюда, между прочим, следует, что категория времени зависит, хотя и косвенно, от лексики.

б) Функционирование видов зависит от временного плана. Временной план — позиция, в которой функционирует вид и которая во многом определяет закономерности его употребления. Так, план настоящего актуального допускает только несовершенный вид; абстрактное настоящее, а также прошедшее и будущее времена повторяющихся, обычных действий — позиции преимущественного использования несовершенного вида; употребление совершенного вида в этих позициях ограничено определенными условиями; временные планы прошедшего и будущего единичного действия допускают оба вида; некоторые временные планы (например, настоящее историческое и сценическое, настоящее в значении будущего) обуславливают нейтрализацию видового противопоставления¹⁹.

2) Существуют значения, в которых сочетаются и переплетаются элементы аспектуальности и темпоральности, так что можно говорить о значениях аспектуально-темпоральных.

а) Таково значение локализованности/нелокализованности действия во времени, или — иначе — конкретности/абстрактности²⁰. Ср.: «— А ты чего ж не спишь?.. — Я почесть никогда не сплю...» (Бунин, Отрок). Рассматриваемое семантическое противопоставление выходит за рамки глагольных форм. Ср.: *Он сегодня не в духе. — Он всегда не в духе*. Признаком локализованности/нелокализованности действия во времени (обозначим его как признак Л) относится к аспектуальности, так как он представляет собой определенную характеристику протекания действия. Вместе с тем данный признак имеет отношение и к темпоральности: обозначается прикрепленность действия к определенному моменту (отрезку) времени или неопределенность его положения во времени. Элементы аспектуальности и темпоральности здесь тесно спаяны друг с другом.

Признак Л, отражаясь в частных видовых и временных значениях, не совпадает ни с теми, ни с другими. Так, значение конкретности может сочетаться как с совершенным видом, так и с несовершенным (ср. кон-

¹⁹ О понятии временного плана и о его влиянии на употребление видов см.: А. В. В о н д а р к о, Опыт общей характеристики видового противопоставления русского глагола, «Уч. зап. Ин-та славяноведения [АН СССР]», XXIII, 1962, стр. 184—202.

²⁰ См. об этом понятии: E. K o s c h m i e d e r, Der Begriff des «Zeitstellenwerts» in der Lehre vom «Verbalaspekt» und «Tempus», «Die Welt der Slaven», V, 1, 1960.

кретно-фактическое значение совершенного вида и конкретно-процессное несовершенного вида). Признак Л как бы поднимается над видовыми и временными различиями, затрагивая те и другие, но не совпадая ни с одним из них. Перед нами особая функционально-семантическая категория, которая относится к области пересечения полей темпоральности и аспектуальности. Эта категория в русском языке не опирается на специальную систему грамматических форм, но она оказывает существенное влияние на функционирование форм вида и времени. В частности, на употребление видов в ряде временных планов влияет прежде всего заключенный в них элемент временной локализованности или нелокализованности (ср. планы прошедшего и будущего времени единичного действия, с одной стороны, и повторяющегося и обычного действия, с другой; ср. также актуальное и неактуальное, в частности, абстрактное настоящее)²¹.

б) Аспектуально-темпоральными являются перфектное, аористическое и имперфектное значения. В перфектном значении элемент темпоральности представляет относительная временная ориентация, выражение одновременности результата данного действия с последующим временным планом. Например: «[Пушин] ...*Озяб*, должно быть? *Накинь-ка шубу!*» (Паустовский, Наш современник). Элемент аспектуальности — указание на самый характер действия, выражение актуальности его последствий.

Так называемые «аористическое» и «имперфектное» значения представляют собой группировки определенных частных видовых значений в сочетании с хронологической отнесенностью действия к прошлому. Аористическое значение (обозначение факта в прошлом) объединяет конкретно-фактическое и суммарное значения совершенного вида, а также обобщенно-фактическое значение несовершенного. Например: «*Япа совсем упал* на пол и несколько раз *ударил* лбом в знак полного раскаяния» (Мамин-Сибиряк, Из уральской старины); «[Богомол] ...*Да*, кстати: *Яропегов — писал* вам? [Сомов]. *Один раз*» (Горький, Сомов и другие). Имперфектное значение (обозначение прошедшего действия в процессе его протекания, в его длительности или неограниченной повторяемости) представляет собой группировку частных значений несовершенного вида (кроме обобщенно-фактического) в плане прошедшего времени. Ср. конкретно-процессное, постоянно-непрерывное, неограниченно-кратное и потенциальное значения: «*Из Васильевского я ехал* на другой день верхом, под тихим и светлым утренним дождиком, который то *переставал*, то опять *сыпался* среди пашен и паров» (Бунин, Лица); «*Славилась* она своим степенством и совершенством манер, а также многими знаниями: *знала* все приметы, *заговаривала* зубы и *толковала* сны» (Панова, Евдокия).

в) Некоторые неглагольные лексические средства выражения аспектуальности имеют отношение и к темпоральности. Так, показатели кратности (*порой*, *часто* и т. п.), непрерывности (*постоянно*, *беспрерывно* и т. п.) характеризуют не только способ протекания действия, но и его положение на линии времени.

²¹ В некоторых языках категория локализованности/нелокализованности действия во времени находит выражение в специальных грамматических формах. Так, основное значение форм Continuous в английском языке определяется рядом ученых как значение процессуальности, конкретного протекания действия в течение определенной единицы времени, в отличие от форм Indefinite, способных передавать действие обобщенно (см.: И. П. Иванова, Вид и время в современном английском языке, Л., 1961, стр. 77—79). В турецком языке наряду с так называемыми определенными временами имеется «неопределенное время» или «абсолютив» — форма, обозначающая действия, которые не представляются как реализуемые в определенный момент времени (см. об этом в работах Э. Кошмидера и Г. Мерченда, сб. «Вопросы глагольного вида», стр. 131—132, 356, 390—393).

4. Понятия аспектуальности, темпоральности, залоговости и т. д. могут быть с пользой применены в сопоставительно-типологическом исследовании. Так, понятие аспектуальности представляется более строгим основанием для межъязыковых сопоставлений, чем аналогии со славянским глагольным видом или априорная констатация грамматической категории вида.

Функционально-семантические категории разных языков отличаются друг от друга прежде всего наличием или отсутствием грамматического ядра. Например, категория аспектуальности в русском языке опирается на грамматическое противопоставление совершенного и несовершенного видов, а, скажем, в немецком языке отмечается наличие категории предельности/непредельности — определенного обобщения в области способов действия, — но не грамматической категории вида. Представляет интерес не только сопоставительный анализ структуры грамматического ядра, но и анализ разных типов его соотношения с периферией. Очень важным представляется установление сходств и различий в связях данной функционально-семантической категории в разных языках с другими категориями.

Возникает вопрос: являются ли функционально-семантические категории универсалиями? Иными словами: существует ли универсальный набор таких категорий? Думается, что не все функционально-семантические категории могут претендовать на всеобщее распространение, подобно, например, категории числа. Не раз высказывалась мысль о том, что семантическое разделение мира в разных языках не совпадает. Это положение (недавно его очень удачно поддержал С. Д. Кацнельсон²²) применимо и к рассматриваемым категориям. Если сравнить сложные переплетения полей функционально-семантических категорий (в разных языках, то при наличии частичной общности будут наблюдаться и различия как в группировках этих полей, так и в границах между ними, не говоря уже о различиях в структуре. Отсюда вытекает и возможность несовпадений и, в самом наборе функционально-семантических категорий. Вот один пример. В болгарском языке существует категория пересказывания, опирающаяся на систему средств грамматического выражения. Здесь налицо особая функционально-семантическая категория, ярко очерченное поле в рамках более широкой категории модальности. В русском же языке вряд ли можно говорить об особой функционально-семантической категории пересказывания. Конечно, в рамках модальности и в русском языке имеются лексические средства выражения аналогичной семантики (ср. слова типа *мол, якобы*), но можно ли здесь констатировать такое взаимодействие элементов, которое создает особое функционально-семантическое поле? По-видимому, нет.

На наш взгляд, нельзя утверждать обязательное наличие в любом языке особой, самостоятельной категории аспектуальности. Констатация тесной связи категорий вида и времени в ряде языков, а также разногласия исследователей некоторых языков в трактовке одних и тех же грамматических явлений то как временных, то как видовых могут отражать тесные связи между категориями аспектуальности и темпоральности, а в некоторых случаях, может быть, и наличие единой аспектуально-темпоральной категории. Разумеется, всегда возможна передача содержания данной категории средствами другого языка, но эта переводимость еще не свидетельствует об универсальности набора функционально-семантических категорий.

²² С. Д. Кацнельсон, Основные задачи лингвистической типологии, сб. «Лингвистическая типология и восточные языки. Материалы совещания», М., 1965.

Положение об отсутствии универсального набора функционально-семантических категорий в разных языках связано с тем чисто языковым подходом к таким категориям, который лежит в основе данной статьи. Возможен, однако, и другой подход — логический, когда исходным пунктом является логическое понятие. В этом случае общая картина собственно понятийных категорий, очевидно, будет представлять собой сетку или таблицу с заполненными и пустыми клетками. Однако и при такой логико-семантической трактовке понятийных категорий универсальностью, очевидно, будет отличаться идеальная схема, но не ее заполнение в разных языках.

Понятие функционально-семантической категории целесообразно использовать и при изучении языковой эволюции. Рассмотрим с этой точки зрения некоторые известные факты и гипотезы, касающиеся происхождения и развития грамматических категорий глагола. То основное, что объединяет многие гипотезы происхождения славянского глагольного вида, сводится к следующему. Исторически наиболее древние способы действия предшествовали видам. Формирование видовой системы явилось в основном результатом грамматикализации тех или иных группировок способов действия. Учитывается и ряд других факторов, в частности роль в становлении категории вида форм аориста, имперфекта, причастий. С точки зрения понятия функционально-семантической категории генезис славянского глагольного вида можно рассматривать как процесс зарождения и формирования морфологического ядра в среде лексических и словообразовательных средств выражения аспектуальности. Важная особенность данного случая грамматикализации заключается в том, что в славянских языках старые средства выражения аспектуальности — лексические и словообразовательные — сохраняются и вступают во взаимодействие с развившейся системой вида.

Существующие взгляды на происхождение категории времени в индоевропейских языках дают основание видеть здесь другой тип эволюции грамматической категории по отношению к категории функционально-семантической. Согласно традиционной гипотезе, до сих пор господствующей, категория времени формировалась на базе противопоставлений, определяемых то как видовые, то как противопоставления способов действия (последнее кажется более вероятным)²³. Таким образом, категория времени формировалась не в рамках категории темпоральности, а на базе взаимодействия отдельных элементов темпоральности (таких, как формант *i*- «первичных окончаний», а в более поздний период развития некоторых индоевропейских языков и аугмент) с другой функционально-семантической категорией — категорией аспектуальности, в значительной мере на базе этой категории. Имея в виду происхождение будущего времени в индоевропейских языках, следует обратить внимание и на историческую связь грамматической категории времени с категорией модальности. Таким образом, если происхождение славянского глагольного вида представляет, так сказать, «внутренний» путь развития грамматической категории по отношению к категории функционально-семантической, то происхождение глагольного времени представляет своего рода «внешний» путь, где центр тяжести переносится на взаимодействие с другими функционально-семантическими категориями. По всей вероятности, к этому же типу следует отнести формирование в общеиндоевропейском языке залогового противопоставления «актив — медиопассив», как оно представляется современной гипотезой. После работ Е. Куриловича и Хр.

²³ Из работ последнего времени см.: Я. Сафаревич, Развитие форматов времени в индоевропейской глагольной системе, сб. «Проблемы индоевропейского языкознания», М., 1964.

Станга ²⁴ стала общепринятой гипотеза о генетическом родстве медиопассива и перфекта. В последнее время высказывается мнение о том, что эта оппозиция восходит к более древнему противопоставлению центробежного процесса процессу нецентробежному (М. М. Гухман ²⁵) или к противопоставлению действия и состояния (А. Н. Савченко ²⁶). Так или иначе, из этих гипотез вытекает, что залоговое противопоставление в общеиндоевропейском языке формировалось в значительной мере на базе категории аспектуальности (может быть, по отношению к более древнему периоду следует предположить отсутствие четкой дифференциации категорий аспектуальности и залоговости ²⁷).

Очень своеобразно в некоторых языках развитие глагольной категории лица. В качестве примера можно привести германские языки. Так, в скандинавских языках, как отмечает М. И. Стеблин-Каменский, основным изменением в области категории лица глагола был переход от выражения этой категории посредством глагольных окончаний к выражению ее посредством отнесенности данной глагольной формы к субъекту глагольного действия, т. е. личному местоимению или существительному. С точки зрения теории функционально-семантических категорий это историческое изменение заключается в такой перегруппировке средств выражения персональности, которая направлена от одного — глагольного — ядра данной категории к другому — местоименному (и другим неглагольным элементам категории персональности). Старая гипотеза о происхождении личных окончаний 1 и 2-го лица индоевропейского глагола из личных местоимений нашла недавно поддержку в работе А. Н. Савченко. Здесь, в частности, приводятся данные ряда языков различных семей, где показатели лица (обычно только 1 и 2-го) в глаголе являются по происхождению суффиксированными и префиксированными личными местоимениями. Приводятся ссылки на кабардино-черкесский, табасаранский и удинский, алеутский и некоторые другие языки ²⁸. Все это как будто говорит о возможности противоположного направления процесса по сравнению с фактами скандинавских языков. Перегруппировка средств выражения функционально-семантической категории, возможно, происходит здесь в направлении от местоимения к глаголу.

В развитии грамматической категории значительную роль может играть распределение дифференциальных семантических признаков между морфологическим ядром функционально-семантической категории и периферией. Этот фактор, на наш взгляд, следует учитывать при объяснении причин падения простых прошедших времен — аориста и имперфекта — в истории большинства славянских языков. В порядке предварительной постановки вопроса может быть выдвинута следующая гипотеза. Мы исходим из того, что значения форм аориста, имперфекта и перфекта в древних славянских языках (впрочем так же, как и в современном болгарском) представляют собой пучки дифференциальных семантических признаков, в которых содержатся не только элементы темпоральности, но и элементы

²⁴ J. K u r y ł o w i c z, Les désinences moyennes de l'indo-européen et du hittite, BSLP, 33, 1, 1932; Ch r. S. S t a n g, Perfektum und Medium, NTS, VI, 1932.

²⁵ М. М. Г у х м а н, Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. Опыт историко-типологического исследования родственных языков, М., 1964, стр. 268, 275.

²⁶ А. Н. С а в ч е н к о, Происхождение среднего залога в индоевропейском языке, Ростов-на-Дону, 1960, в особенности стр. 34—37, 69—71, 81.

²⁷ По мнению А. Н. Савченко, формирование медиума происходило в процессе расщепления категории, обозначавшей состояние, на две категории, из которых одна приобретала залоговое значение, а другая — видовое (указ. соч., стр. 70—71).

²⁸ А. Н. С а в ч е н к о, Проблема происхождения личных окончаний глагола в индоевропейском языке, Ростов-на-Дону, 1960.

аспектуальности, явно господствующие. С возникновением и развитием вида в области аспектуальности создалась высокая концентрация морфологически выраженных семантических признаков: семантические комплексы «аористичность» (А), «имперфектность» (И), «перфектность» (П) плюс «совершенство» (С) и «несовершенство» (Н). Некоторые элементы комплексов аористичности и имперфектности, с одной стороны, и совершенности и несовершенности, с другой, стали частично повторять друг друга: элемент целостности действия в значении аориста и значение совершенного вида; элементы процессности и неограниченной кратности действия в значении имперфекта и частные значения несовершенного вида. Создалась известная перенасыщенность, неэкономность грамматического выражения аспектуальности. Это вызвало перегруппировку семантических признаков между морфологическим ядром аспектуальности и периферией. В ядре остались лишь признаки С и Н, тогда как признаки А, И, П утратили морфологическое выражение.

Этой гипотезе как будто противоречит положение в современном болгарском языке, где формы аориста, имперфекта и перфекта уживаются с противопоставлением совершенного и несовершенного видов. Однако если падение «простых прошедших времен» в большинстве славянских языков в какой-то мере связано с тенденцией к экономии, то факты болгарского языка могут лишней раз подчеркивать относительность тенденции к экономии и ликвидации избыточности. Важно также учесть, что болгарские и македонские формы аориста и имперфекта связаны определенными системными отношениями с формами пересказывания и относительными временами. Эти системные связи могут играть определенную роль в сохранении форм аориста и имперфекта²⁹.

Итак, функционально-семантические категории исторически изменяются. Изменяется их структура, происходят перегруппировки лексических и грамматических элементов данной категории, может быть изменено распределение дифференциальных семантических признаков между «ядром» и «периферией», меняется соотношение разных категорий.

²⁹ О системных связях с формами пересказывания как причине сохранения аориста и имперфекта в болгарском и македонском языках см.: С. Стойков, Изчезване на имперфект и аорист в банатския говор, «Славистичен сборник», I, София, 1958, стр. 206—207.

Е. КРЖИЖКОВА

АДВЕРБИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ
МЕСТА И НАПРАВЛЕНИЯ

(Опыт трансформационного анализа)

1. В последнее время все чаще внимание синтаксистов привлекает синтаксическая характеристика глагола и его окружения. Анализ отношений внутри вербального комплекса (Verbalphrase, VP) необходим для успешного описания языка в рамках порождающей грамматики. Вербальный комплекс изучается с точки зрения возможного его порождения посредством правил экспансии¹. Необходимость анализа глагольного ядра предложения выдвигают также сторонники других направлений структурной лингвистики. С этим связано оживление интереса к проблемам так называемой интенции или, в современной терминологии, валентности глагола². Необходимо отметить, что как в рамках порождающей грамматики, так и в других структурально ориентированных работах эти проблемы отчасти пока только намечаются и их изучение ограничивается абстрактными рассуждениями, опирающимися на далеко не полный материал, часто заимствованный из других работ. На данном этапе работы необходимо подвергнуть детальному анализу материал, т. е. установить, каково отношение глагольного ядра к его близкому или более отдаленному окружению в тексте, используя при этом дистрибуционный метод и метод трансформаций.

1.1. В настоящей статье анализируется отношение глагола к обстоятельству со значением места и направления (АдвЛок — AdvLoc и АдвДир — AdvDir)³. Эти разновидности представляют собой внешнюю детерминацию и различаются тем, что традиционно считается разницей в силе управления (слабое — сильное управление) или в необходимости семантически дополнять глагол (факультативный — obligatory распространитель), а в порождающей грамматике выводится из разных «узлов» дерева⁴.

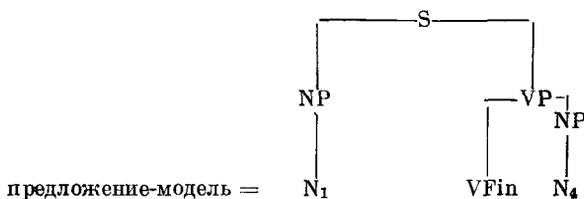
¹ Такой подход применяется, например, в Arbeitstelle Strukturelle Grammatik, в частности в кн.: M. Bierwisch, Grammatik des deutschen Verbs, Berlin, 1963; те же вопросы с привлечением русского материала разрабатывает Р. Ружичка в статье: R. Růžička, Zur Syntax der Verbalphrase in der modernen russischen Literatursprache, ZfSl, X, 3, 1965; с привлечением румынского — Ф. Димитреску, см.: F. Dimitrescu, Eine Modalität zur Klassifikation der Verben, «Revue de linguistique», VIII, 2, 1963.

² В Чехословакии интерес к этим проблемам во многом был обязан появлению монографии: E. Pauliny, Štruktúra slovenského slovesa, Bratislava, 1943. См. также: P. Mrazek, Синтаксическая дистрибуция глаголов и их классы, ВЯ, 1964, 3. Живо интересуются проблемой валентности глагола лингвисты в СССР, в Румынии и в других странах. См., например: Ю. Д. Апресян, О сильном и слабом управлении, ВЯ, 1964, 3; его же, Опыт описания значений глаголов по их синтаксическим признакам (типам управления), ВЯ, 1965, 5; Н. Ю. Шведова, Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения, ВЯ, 1964, 6; В. Гуцу-Ромало, К проблеме классификации глаголов (Попытка синтагматической классификации), «Revue de linguistique», VIII, 2, 1963.

³ Список используемых сокращений: Adv/Адв — синтаксическое наречие, обстоятельство; AdvDir/АдвДир — Адв со значением направления; AdvLoc/АдвЛок — Адв места; AdvTemp/АдвТемп — Адв времени; D — Адв у З. С. Харриса; Inf — инфинитив; N — существительное или его субститут (местоимение); N₁, N₂, N₄, N₅ — существительное в им., род., вин., любом косвенном падеже; NP — именная группа; S — предложение (у Ф. Данеша — существительное); V — глагол; Vb — внутренний глагольный комплекс; VFin — личная форма глагола; VP — глагольная группа; VPart — причастия и деепричастия; HC — непосредственно составляющие; HCB — несовершенный вид; CB — совершенный вид.

⁴ Так, М. Бирвиш, Р. Ружичка и другие выводят Адв как из HV (Hauptverb) в рамках VE (Verbergänzung), где Адв стоит в одном ряду с объектами, HV → Vb +

Цель настоящей статьи — установить, можно ли посредством правил экспансии выводить АдвЛок и АдвДир в рамках единого исходного предложения на уровне его непосредственно составляющих (НС), или же они относятся к трансформационному уровню, будучи результатом конденсации двух или больше предложений, результатом «инкорпорации» одного предложения в состав другого. Некоторые наши наблюдения можно использовать при изучении проблемы так называемых предложений-моделей (ядерных предложений, формул предложения — чеш. *větrný vzorec*). Под предложением-моделью подразумеваем те ряды символов, которые порождаются из одного S посредством правил экспансии на уровне НС, например, $S \rightarrow NP + VP$, $NP \rightarrow N_1$, $VP \rightarrow NFin + NP$, $NP \rightarrow N_4$. Это простые структуры, на основании которых (или на основании комбинаций которых) можно объяснить строение реальных предложений⁵. Схематически сказанное можно представить следующим образом (оставляем в стороне морфологические характеристики):

1.2. Считаем необходимым выделять в рамках глагольных предложений в качестве предложений-моделей не только предложения двусоставные и односоставные, например, $N_1 - VFin$ (*Мальчик спит*), $\phi - VFin$ (*Моросит*)⁶, но и предложения объектные и безобъектные⁷, а также предложения с обязательными Адв. По Ф. Данишу, объект в accusative является составной частью формулы $(S_1 \rightarrow) VF \rightarrow S_4$, в то время как предложение *Отец был в саду* сводится к формуле $(S_1 \rightarrow) VF$. Неудовлетворительна попытка выводить любое Адв из скрещения или конденсации двух или больше ядерных предложений⁸. З. С. Харрис выводит все Адв из ядерного предложения *It is — D*, т. е. из предложения с глаголом *быть*. Однако Адв, как и объект, представляют собой в некоторых случаях обязательный распространитель целого ряда глаголов, а не только глагола *быть*, их наличие так же обусловлено семантикой глагола, как и наличие объекта, и их реализация в сочетании с некоторыми глаголами обязательна. Эти вопросы не раз выдвигались в «традиционной» лингвистике⁹. Речь идет об Адв в предложениях *Отец был в саду; Книга находится на месте; Я попал сюда* и др.

Следовательно, среди предложений-моделей необходимо выделять не только предложения с объектами (например, $N_1 - VFin - N_4$, $N_1 - VFin - N_2$ и т. п.), но также предложения с некоторыми видами Адв, в частности с АдвЛок и АдвДир¹⁰. Это предложения-модели $N_1 - VFin - AdvLoc$, $N_1 - VFin (-N_4) - AdvDir$. Необходимо установить классы глаголов, субституирующих VFin в этих формулах — классы, аналогичные классам объектных глаголов¹¹.

Адв можно считать обязательным распространителем глагола (и, таким образом, объяснить как результат экспансии VP на уровне НС) только тогда, когда появление его вызвано семантикой глагола и нельзя вывести его другим путем, например, посредством правил трансформации. В этом смысле нуждаются в уточнении некоторые выводы интересной работы Р. Шедлих, относящей к глаголам с обязательными Адв (в

+ (VE), так и из Vb, где Адв является возможной реализацией VK (Verbalkomplement): $Vb \rightarrow V + VK$.

⁵ См.: З. С. Харрис, Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре, сб. «Новое в лингвистике», II, М., 1962, стр. 627.

⁶ Выделение односоставных предложений-моделей типа *Моросит* не означает, что любое односоставное глагольное предложение является его реализацией. Нужно считаться также с наличием односоставных предложений — трансформов предложений двусоставных.

⁷ См.: Ф. Даниш, Опыт теоретической интерпретации синтаксической омонимии, ВЯ, 1964, 6.

⁸ См.: З. С. Харрис, указ. соч., стр. 627.

⁹ Так, в книге В. Шмиллауэра «*Novočeská skladba*» (Прага, 1966, стр. 257) различаются Адв дополняющие (более или менее обязательный компонент) и Адв определяющие (факультативный компонент).

¹⁰ К АдвЛок и АдвДир нами относятся все слова или словосочетания, позволяющие субституировать их местоименными Адв *там, туда* и т. п., т. е. и первичные морфологические, и вторичные синтаксические.

¹¹ Подобная задача ставится в диссертации: R. Schädlich, *Zur Syntax des Adverbials im Deutschen*, Berlin, 1965; результаты наблюдений автора отчасти совпадают с нашими.

отличие от факультативных Adv, не оказывающих влияния на выбор того или иного глагола), такие конструкции, как, например, *übernachten* + AdvLoc¹², хотя связь с глаголом весьма свободная; представляется неправомерным выводить их из того же «узла», что и объекты¹³.

Неустановленной остается у Р. Шедлих граница между Adv, оказывающим влияние на выбор глагола, и Adv, такого влияния не оказывающим; в нашем понимании — граница между Adv, входящим вместе с глаголом в предложение-модель, и Adv, в такую модель не входящим, так как оно выходит за рамки уровня НС данного предложения. Чтобы различить эти два типа, необходимо не только учитывать семантику глагола и необходимость или же факультативность Adv, но также и возможную связь Adv с уровнем НС или с трансформационным уровнем.

1.3. Здесь подвергается анализу материал, почерпнутый из «Правды» и из мемуаров И. Эрвбурга «Люди, годы, жизнь», всего 5000 глагольных форм (в стороне оставляем глагол *быть*, ввиду затруднений, связанных с разграничением нулевой формы презенса и эллисиса). Материал «Правды» содержит 1234 формы совершенного вида (СВ) и 1266 несовершенного вида (НСВ), мемуары — 1188 СВ и 1312 НСВ. В «Правде» встретилось на 2500 форм всего 378 AdvЛок (195 с НСВ, 183 с СВ) и 237 AdvДир (118 с СВ и 119 с НСВ), у И. Эрвбурга 323 AdvЛок (198 с НСВ и 125 с СВ) и 204 AdvДир (142 с СВ, 63 с НСВ).

2. Анализ AdvЛок 2.1. Выделяем в качестве предложения-модели предложение, компонентами которого являются $N_1 - VFin - AdvLoc$. AdvЛок является облигаторным компонентом глагола, и его отсутствие воспринимается как редукция полной структуры. Модель $N_1 - VFin - AdvLoc$ следует отграничить от другой модели, в которой Adv появляется лишь как факультативный компонент, т. е. реализуется модель $N_1 - VFin$, $N_1 - VFin - N_1$, $N_1 - VFin - AdvnonLoc$. Внешняя структура этих двух моделей совпадает, ср.: *Мы живем на площади; Там оставалось зерно; В личном деле техника отсутствуют документы; Он лежал в гробу; Во Франции менялись правительства; В опере играли только женщины; Под ногами чавкает грязь; В хозяйствах заканчивается сев* и т. п.

Реализацией модели $N_1 - VFin - AdvLoc$ с глаголом НСВ считаем те предложения, глагол которых входит в класс глаголов со значением «находиться»: *быть, бывать, бытовать, находиться, покоиться, иметься, присутствовать, жить, отсутствовать* и др. Глаголы *сидеть, лежать, стоять, ночевать* и др., отнесенные Р. Шедлих в немецком к глаголам, нуждающимся в AdvЛок, и Н. Ю. Шведовой в русском к глаголам с так называемым «слабым» управлением в отличие от глаголов с «самостоятельным распространителем», не детерминирующим глагол¹⁴, по нашему мнению, ведут себя как нестатальные субъектные глаголы (*расти, процветать, плескаться, чавкать* и др.), занимающие позицию VFin в реализации модели $N_1 - VFin$. AdvЛок представляет в сочетании с ними лишь факультативный компонент, не вытекающий из семантики глагола, несмотря на его относительную частоту.

Модель $N_1 - VFin - AdvLoc$ с глаголом СВ реализуется редко, так как глаголы со значением «находиться» — в большинстве случаев *imprefectiva tantum*. Примеры: *В Кабуле Суриц пробыл недолго; Я побывал в разных странах* и т. п. Сюда же относятся глаголы, в нашем материале не засвидетельствованные, как, например, *очутиться*.

2.2. Реализация AdvЛок в рамках предложения обычно не вызывает семантикой глагола, связь AdvЛок с глаголом чаще всего факультативна; в ряде случаев AdvЛок воспринимается как компонент, детерминирующий все предикативное ядро предложения в целом¹⁵, т. е. выражающий пространство, куда локализуется вся предикация, или же место, на котором находится субъект или объект действия. Но в предложении-модели

¹² R. S c h ä d l i c h, указ. соч., стр. 13—14.

¹³ См. в указ. соч. М. Б и р в и ш а: NV → Vb + (VE), VE = Obj, Adv.

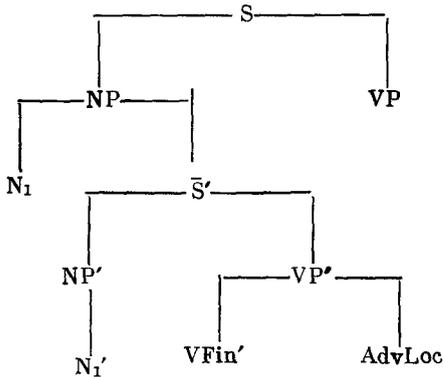
¹⁴ См.: Н. Ю. Ш в е д о в а, указ. соч.

¹⁵ См., например: «Грамматика русского языка» [АН СССР], II, 1, М., 1954, стр. 29.

ли $N_1 - VFin - AdvLoc$ AdvЛок выполняет функцию, аналогичную функции объекта, и глагол является релятором между N_1 и AdvЛок. Внутренние отношения AdvЛок к действию (или ко всей предикации), к субъекту или объекту действия нельзя установить на уровне НС. AdvЛок на этом уровне можно вывести посредством экспансии $VP \rightarrow Vb + Adv$, но порождение всех AdvЛок из узла VP затушевывает фактическое его отношение к субъекту или к объекту.

Чтобы установить эти внутренние отношения, нужно выйти за рамки уровня НС и попытаться сформулировать некоторые правила трансформации.

2.2.1. В ряде случаев AdvЛок выражает место нахождения субъекта во время действия, т. е. имеется скрытая предикативная связь между AdvЛок и N_1 , хотя формально она ничем не сигнализирована, так как AdvЛок примыкает к VFin. Отношение к N_1 станет понятным, если исходить из инкорпорации предложения $N_1 - VFin - AdvLoc$ ($V =$ «находиться») в позицию NP матрицевого предложения (глагол матрицевого предложения может быть как СВ, так и НСВ, в то время как глагол инкорпорированного предложения всегда НСВ) — при условии, что N_1 матрицевого предложения тождественно N_1 инкорпорированного предложения. Схематически можно изобразить инкорпорацию следующим образом (порождается только NP):

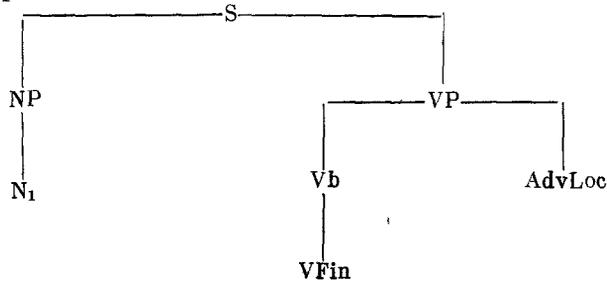

Из инкорпорированного предложения можно вывести как придаточное определительное предложение в результате подстановки в позицию N_1' относительного местоимения, так и несогласованное определение в результате элиминации или же нулевой реализации N_1' и $VFin'$: *Женщины в деревьях держались приниженно; Что-то в нем клокотало*. Используем тот же прием, посредством которого В. Моч порождает отдельные типы аппозиции в немецком языке ¹⁶. В случае несогласованного определения элиминируются узлы VP' и \bar{S}' , и AdvЛок выводится непосредственно из NP матрицевого предложения; результатом является определение N_1 .

Если устранить примыкание AdvЛок к NP матрицевого предложения и присоединить его секундарно к VP матрицевого предложения, т. е. уподобить AdvЛок, порождаемому непосредственно из VP (таким образом получается AdvЛок в предложении, являющемся реализацией модели $N_1 - VFin - AdvLoc$, см. выше 2.1), то в этом случае AdvЛок можно свободно перемещать в рамках результирующего предложения. Образуются предложения вроде: *В бочажке плещутся партизаны; Под ногами*

¹⁶ См.: W. Motsch, Untersuchungen zur Apposition im Deutschen, сб. «Studia grammatica», V, Berlin, 1965.

чакает грязь и др. Схематически результат трансформации можно изобразить следующим образом:

Порядок компонентов результирующего предложения оставляем в стороне. Он регулируется в первую очередь положением предложения в контексте, т. е. актуальным членением.

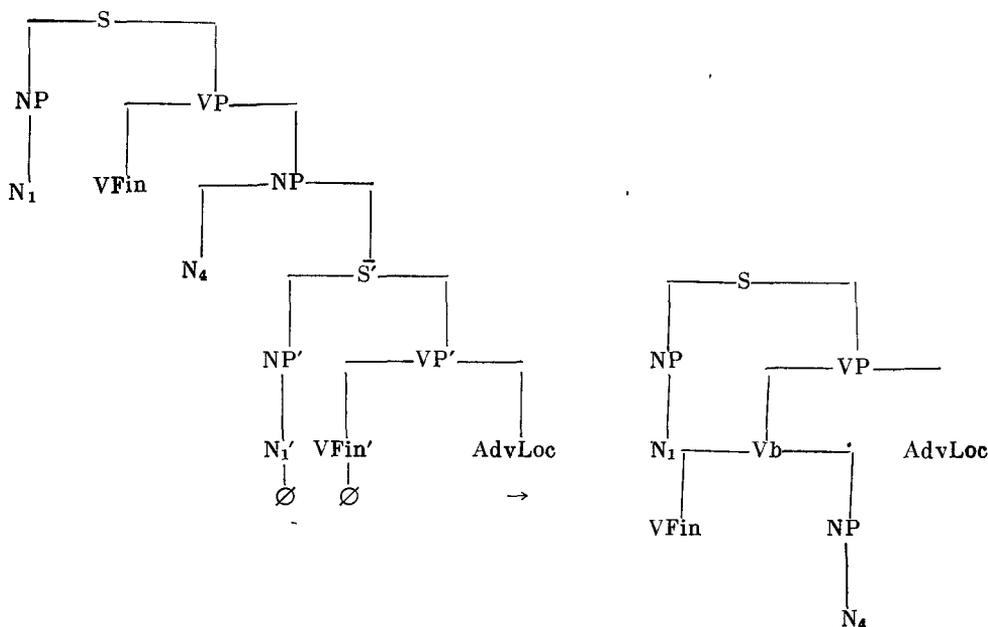
2.2.2. Предложение N_1 — VFin — AdvLoc (VFin в значении «находиться») можно инкорпорировать также в позицию объекта матрицевого предложения при условии, что N_1 инкорпорированного предложения и объект матрицевого предложения тождественны.

Ф. Копечны считает AdvLoc в предложениях вроде *Viděl knihu na stole*; *Našli ho v polích* и т. п. вторым сказуемым (doplňěk) ¹⁷. Сходные синтаксические отношения характерны, по его мнению, для предложения *Na stole uviděl knihu*; однако иной порядок компонентов оказывает влияние на интерпретацию AdvLoc, которое воспринимается здесь как обстоятельство места, так как оно стоит в одном ряду с *Na poli viděl bratra lépe*, где *na poli* соотнесено с субъектом и, таким образом, является Adv.

Различная интерпретация *na poli* в случае *Na poli viděl bratra lépe* (Adv) и в случае *Viděl bratra na poli* (второе сказуемое) представляется неправомерной; в обоих случаях мы имеем дело с той же скрытой второй предикацией. Но важна отмеченная Копечным двойкая возможность трактовки AdvLoc в сочетании с некоторыми объектными глаголами. В частности, это касается глаголов *sentienti* *видеть*, *слышать*: *В одном из музеев Пабло увидел ракушку*; *В Индии я увидел современную живопись*. Двойкая интерпретация возможна иногда также у других глаголов: *В гараже мы познакомились с Гальмизьяном Димухамедовым*. Однако чаще всего лексическое значение AdvLoc снимает двузначность. Например, в следующих предложениях AdvLoc недвусмысленно выражает место, на котором находится объект: *Я заметил под одним из них подпись*; *Я прочитал в журнале несколько стихотворений*; *Кто в огромном клубе истории разыщет нить*; *Художник на первой странице нарисовал Кремль* и т. п. Если лексического значения AdvLoc мало для устранения двузначности, то помогает весь контекст: *На вокзальном перроне мы увидели товарищей* — из контекста вытекает, что говорящий находился в поезде, а не на перроне. Схематически инкорпорацию в позицию объекта в секундарное примыкание AdvLoc к VP матрицевого предложения можно изобразить в виде схемы (см. стр. 37).

В результате инкорпорации предложения N_1 — VFin — AdvLoc в позицию объекта можно получить также несогласованное определение (см. 2.2.1.). Внешняя структура N_1 — VFin — N_4 — AdvLoc двузначна, AdvLoc можно интерпретировать или как определение, или же как Adv полупредикативного характера, свидетельством чего является его подвижность: *Я посмотрел стихи в журналах* — *Я посмотрел в журналах стихи*.

¹⁷ См.: Fr. K o p e č n ý, *Základy české skladby*, Praha, 1958, стр. 245, 251.

Атрибутивное АдвЛок, возникшее в результате редукции инкорпорированного предложения, может детерминировать любое существительное в любой синтаксической функции. Атрибутивное АдвЛок следует отграничивать от АдвЛок в позиции синтаксического приложения. Так, в предложении *в Москве на Красной площади — на Красной площади* является приложением, а в предложении *на Красной площади в Москве — в Москве* является определением¹⁸.

2.2.3. Посредством инкорпорации предложения $N_1 - V_{Fin} - AdvLoc$ (V_{Fin} в значении «находиться») в позицию субъекта матрицевого предложения можно объяснить наличие неопределенно-личных предложений вроде: *Нас здесь отправят; Здесь даже выспаться не дадут; (Когда) у нас рассказывают о печальном событии; (Он увидел, как) в Советском Союзе любят Гюго; В Турции меня не печатают* и т. п. Эти предложения можно объяснить как результат трансформации «генерализации» в терминологии П. Адамца¹⁹: *В Турции меня не печатают ← В Турции N меня не печатает*. По мнению П. Адамца, результатом такой же трансформации являются безличные предложения *В углу замушрало; Вдали засвистело* и т. п. АдвЛок в этих и им подобных предложениях воспринимается как замещение устраненного субъекта, с которым Адв предположительно соотнесено на правах атрибута. Аналогичное явление мы имеем в случае *Тут к нему в светлых пуговицах подошел; С железными челюстями разжал их* и т. п.²⁰. Следовательно, выгоднее исходить из порядка N в *Турции меня не печатает*, т. е. с атрибутивным АдвЛок, остающимся после редукции инкорпорированного атрибутивного предложения.

¹⁸ См.: Н. К ř í ž k o v á, K pojetí přístavku v ruské a české gramatické tradici, «Acta Universitatis Palackianae Olomucensis», Philologica, IV, 1961, стр. 40—41, 43—44. Атрибутивные и аппозитивные АдвЛок различает также Р. Шедлих.

¹⁹ См.: П. А д а м е ц, К вопросу о трансформационном анализе предложений без номинатива и с неядерным номинативом в современном русском языке, «Slavica Pragensia», VII, 1965, стр. 76—77.

²⁰ Примеры взяты из статьи: В. И л е к, Volba a postavení subjektu v ruštině a v češtině, сб. «Studie a práce lingvistické», I, Praha, 1954, стр. 291. Б. Илек объясняет их вытеснением номинатива из функции субъекта.

Не считаем результатом трансформации «адвербиализации» *В ухе болит* (← *Ухо болит*)²¹ или же трансформации «безличности» *На громадном дворе казалось очень темно* (← *Громадный двор казался очень темным*)²². Трансформация «адвербиализации» у П. Адамца очень ограничена — см. возможное *В ухе болит* (← *Ухо болит*), но только *Голова (глаз, рука, нога, палец, спина...)* *болит, зубы болят* и т. п. С другой стороны, имеется только *В горле першит*. Безличные конструкции вроде *В ухе болит* допускают такую же интерпретацию, как и *В углу зашуршало*, т. е. N_1 в *ухе болит* → *В ухе болит*. Не связаны отношением трансформации предложения *Двор казался темным* и *На дворе казалось темно*. Ср., например, *Лес казался темным* (мы смотрели издали) и *В лесу казалось темно* (мы находились в лесу).

2.2.4. Отсутствие N_1 в предложениях вроде *В Советском Союзе любят Гюго; В углу зашуршало; В ухе болит* и т. п. сближает эти предложения с другими конструкциями, в которых АдвЛок не выводится из N_1 — VFin — AdvLoc с глаголом со значением «находиться».

Р. Шедлих среди глаголов с обязательным АдвЛок приводит также *sich abspielen, entstehen*²³. В русском языке также имеются глаголы СВ и НСВ со значением «произойти» (например, *произойти* — *происходить, осуществиться* — *осуществляться* и др.), компонентом которых является АдвЛок. АдвЛок обозначает не место нахождения субъекта или объекта, а место, где что-нибудь происходит. Глаголы вроде *произойти, случиться* и т. п. могут выполнять функцию сказуемого в основном лишь тогда, когда позиция субъекта занята существительным со значением действия-события (или субститутом, т. е. местоимением)²⁴: *В личной жизни Эюара произошли перемены; Встречи проходили всюду; Здесь состоялась беседа; В клубе состоялась разговор* и др. Правда, в отличие от глаголов со значением «находиться» отмеченные глаголы могут реализовать VFin в предложении N_1 — VFin без компонента, отсутствие которого нельзя считать эллипсисом. Но АдвЛок (или же АдвТемп), чаще всего сопровождающее эти глаголы на правах факультативного компонента, нельзя вывести из какого-либо другого предложения-модели, оно является потенциальным компонентом предложения N_1 — VFin — AdvLoc (AdvTemp, AdvCaus...), содержащего глагол со значением «произойти» и в позиции N_1 существительное, выражающее событие.

Можно возразить, что предложение с отглагольным существительным в позиции субъекта нельзя относить к «ядерным» предложениям, так как оно предполагает сперва номинализацию глагольного комплекса. Однако если рассматривать номинализацию как явление словообразовательного характера, то N_1 — VFin — AdvLoc (VFin = «произойти») можно отнести к предложениям-моделям. Задан не только класс глаголов, способных занять позицию VFin, но также класс имен, занимающих позицию N_1 .

Посредством инкорпорации какого-нибудь предложения в позицию субъекта матрицевого предложения с глаголом со значением «произойти» — N_1 — VFin — AdvLoc — можно объяснить большое количество АдвЛок в разного рода предложениях. Инкорпорация имеет своим следствием элиминацию VFin матрицевого предложения и вторичное прикрепление АдвЛок матрицевого предложения к VFin инкорпорированного предло-

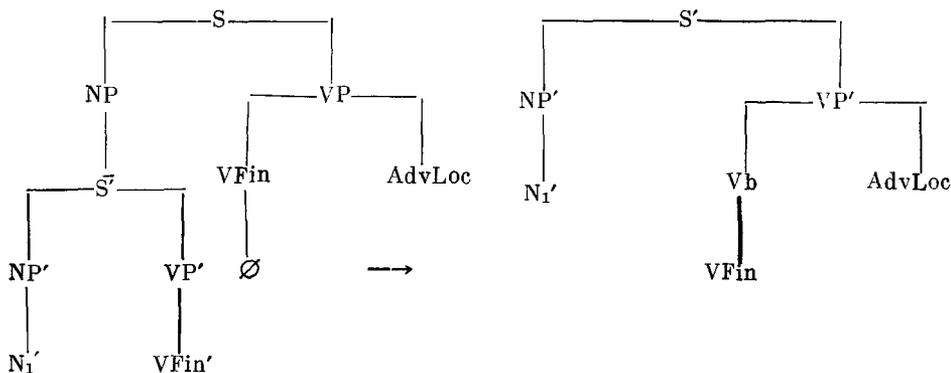
²¹ Ср.: П. Адамца, указ. соч., стр. 75—76.

²² Ср.: Р. Ружичка, О трансформационном описании так называемых безличных предложений в современном русском литературном языке, ВЯ, 1963, 3, стр. 28.

²³ R. Schädlich, указ. соч., стр. 13.

²⁴ См.: Н. Кřížková, Substantiva s dějovým významem v ruštině a v češtině, сб. «Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české», III (в печати).

жения. АдвЛок относится ко всему предложению в целом, оно выражает место, куда локализована предикация²⁵. Ср.: *Многое изменилось и в мире, и на родине Неруды; Театр произвел огромное впечатление в Париже; Сборник вышел в Мексике* и т. п. Инкорпорация и следующие за ней трансформации изображены в следующей схеме:

Таким образом можно объяснить также предложения с АдвЛок, соотношенным с субъектом: их результирующая структура одинакова; ср.: *На аэродроме полицейские повертели наши паспорта*. АдвЛок выражает место нахождения субъекта, но одновременно оно относится ко всей предикации.

Объяснение АдвЛок посредством инкорпорации какого-либо предложения в позицию NP матрицевого предложения $N_1 - VFin - AdvLoc$ ($VFin = \text{«произойти»}$) выгодно также в случае *Нас здесь отравят* и т. п., т. е. *Нас отравят + здесь*.

Глагол инкорпорированного предложения может быть как СВ, так и НСВ; вторично примкнувшее к $VFin$ инкорпорированного предложения АдвЛок не исключает также глаголы передвижения вроде *идти — прийти*, хотя они (особенно СВ) сочетаются с АдвЛок редко: *На дежурстве моего сменщика в машине полетела крестовина кардана; В Шанхае нас повели в большую типографию*. Положение в чешском или словацком языках сходно с положением в русском²⁶.

2.3. Посредством инкорпорации предложения $N_1 - VFin - AdvLoc$ ($VFin$ в значении «находиться») в позицию субъекта или объекта матрицевого предложения или же инкорпорации какого-либо предложения в позицию NP матрицевого предложения $N_1 - VFin - AdvLoc$ ($VFin$ в значении «произойти») можно объяснить подавляющее большинство предложений, содержащих АдвЛок. Результирующая структура $N_1 - VFin - N_1 - AdvLoc$ (с возможными вариантами порядка слов) становится образцом, под который подводятся конструкции с ожидаемым АдвДир: *(Лысюк спрятал документы в бутылку и) закопал во дворе; разместились в тридцати комфортабельных вагонах; (статуэток), спрятанных в сарае; (со всяким сбродом), погрязшим в преступлениях* и т. п. Вместо предложения, например, *Спрятал статуэтку в сарай* (см. выше *спрятал документы в бутылку*) и т. п., реализующего модель $N_1 - VFin - N_4 - AdvDir$, появляется $N_1 - VFin - N_4 - AdvLoc$.

²⁵ Ср.: «Грамматика русского языка», II, 1, стр. 29, а также стр. 94

²⁶ Э. Паулини считает, что в словацком глаголы СВ типа *ide* исключают АдвЛок и сочетаются только с АдвДир (см. указ. соч., стр. 54).

Разница между предложениями со структурой $N_1 - VFin - N_4 - AdvDir$, которую можно считать предложением-моделью, и предложениями со структурой $N_1 - VFin - N_4 - AdvLoc$, возникшей в результате конденсации двух предложений, нейтрализуется в предложениях вроде *Они поставят перед станками подмости; Пытаются вбить клин между руководителями и массами*. Эти предложения можно интерпретировать как с AdvLoc, так и с AdvDir, но Adv принимает форму AdvLoc. Ср.: *Мы хотим поставить вас во главе комитета*. Тенденция к стиранию различия между AdvLoc и AdvDir очевидна и для других славянских языков. Ср. в чешском языке разговорное *Kde jdeš* (= куда идешь), не отличающееся по форме от *Kde jsi?* (= где ты). Русскому там — туда соответствует в чешском литературном языке единственная форма *tam*.

2.4. Р. Шедлих объясняет AdvLoc в предложениях вроде *Auf dem Bahnhof fragten wir nach der Abfahrtszeit des Zuges* как результат редукции предложения с темпоральным значением; AdvLoc замещает обстоятельство времени. Таким образом, исходным является предложение *Als wir auf dem Bahnhof waren, fragten wir...*²⁷.

Эта интерпретация, несомненно, заслуживает внимания также при трактовке русских конструкций с AdvLoc, соотносенными с субъектом или объектом, локальное значение которых усложнено темпоральным оттенком («когда он был там», «будучи там»): *Однажды в Вроцлаве Эюар рассказал мне историю; Во Франции я не скажу об этом ни слова; Пять лет спустя в Индии я понял...; На первом банкете я обомлел*. Здесь темпоральное значение наслаивается на основное локальное значение. Сближение с AdvTemp вторично, можно говорить о транспозиции (переносом употребления) AdvLoc, причем AdvLoc сохраняет локальное значение и после транспозиции в позицию AdvTemp. Возникает своеобразное противоречие между локальным значением Adv и позицией, которую оно секундарно заняло. Все приведенные выше предложения выводятся или из инкорпорации $N_1 - VFin - AdvLoc$ ($VFin$ = «находиться») в позицию субъекта матрицевого предложения, или же из инкорпорации предложения в позицию NP матрицевого предложения $N_1 - VFin - AdvLoc$ ($VFin$ = «произойти») и стоят в одном ряду с предложениями типа *(В Китае я не нашел того), что в Европе мы называем народным искусством* и т. п. Можно исходить также из редукции придаточного темпорального предложения, содержащего AdvLoc. Та же внешняя структура допускает двойную трактовку. AdvLoc может восходить прямо к исходному предложению $N_1 - VFin - AdvLoc$, но может быть результатом редукции этого предложения после его трансформации в придаточное темпоральное. Примарным считаем предложение, не усложненное темпоральным значением.

Внешне однозначная интерпретация Р. Шедлих на самом деле тоже двузначна, достаточно в контексте *Wir kamen auf den Bahnhof. Auf dem Bahnhof fragten wir nach der Abfahrtszeit...* заместить второе *wir* другим объектом, например *Auf dem Bahnhof fragte eine Frau nach...* Правда, и в этом случае не исключена интерпретация *Als wir auf dem Bahnhof waren, fragte eine Frau*, но возможность вставления во второе предложение *dort*, т. е. *Als wir auf dem Bahnhof waren, fragte dort...*, свидетельствует о том, что *Auf dem Bahnhof fragte eine Frau nach...* является результатом конденсации *Auf dem Bahnhof war eine Frau + Eine Frau fragte nach...* Таким же образом можно объяснить приведенное Р. Шедлих предложение с *wir*.

2.5. Приведем некоторые наблюдения над порядком слов результирующих структур с AdvLoc.

Как в предложениях, содержащих AdvLoc со скрытым отношением к субъекту или объекту, так и в предложениях с AdvLoc, относящимся ко всей предикации в целом, после проведения соответствующих редукций или элиминаций AdvLoc занимает постпозицию по отношению к глагольному комплексу, к которому оно секундарно прикреплено. Положение

²⁷ R. Schädlich, указ. соч., стр. 58—59. К AdvTemp относит часть Adv со значением места В. М. Ф и л и п п о в а в статье «Глагольно-именные словосочетания с временным значением в современном русском языке» (сб. «Исследования по грамматике русского литературного языка», М., 1955). См. также: А. А. К о к а, Конструкции с временным значением в современном русском языке, сб. «Вопросы изучения русского языка», Алма-Ата, 1955. В. М. Филиппова относит AdvLoc к AdvTemp, например, в следующих предложениях: *У развилки дорог он повернул направо; На жароде она все думала; В лифте он все время смотрел на меня* и т. п. В этом: случае они «...указывают на обстановку, в которой происходит действие, а не на место непосредственно связанное с действием» (указ. соч., стр. 194).

в конце оно сохраняет в том случае, если оно — ядро высказывания. Но обычно положение результирующей структуры в контексте требует перестановки ее компонентов. AdvLoc перемещается в позицию исходной части, т. е. порядок слов перестраивается посредством правил трансформации. Оставляем в стороне предложения, содержащие, кроме AdvLoc, еще другие Adv. Остановимся лишь на исходном порядке компонентов (1) $N_1 - VFin - AdvLoc$, (2) $N_1 - VFin - N_1 - AdvLoc$.

В структуре (1), если AdvLoc не является ядром высказывания или несогласованным атрибутом (*Он родился в Бомбее*), ядром высказывания бывает, как правило, N_1 . Следовательно, первый шаг (правило трансформации) состоит в перестановке $NP - VP \rightarrow VP - NP$, второй шаг является пермутацией в рамках VP, т. е. $VFin - AdvLoc \rightarrow AdvLoc - VFin$: *Под ногами чавкает грязь; Вокруг суетились монахи; В опере играли только женщины*. Порядок $VFin - AdvLoc - N_1$ не исключен, но он встречается редко и является стилистически маркированным.

Структура (2) представляет больше возможностей для аранжировки компонентов результирующего предложения.

а) Порядок $N_1 - VFin - N_1 - AdvLoc$ не меняется, если AdvLoc является ядром высказывания: *Он как-то увидел индейцев на берегу озера*. N_1 в качестве исходной части может стоять в начале: *1930 год мы с Любой встречали в Берлине*.

б) Ядром высказывания в собственном смысле слова является N_1 , но AdvLoc не входит в исходную часть. В таком случае меняются местами $N_1 - AdvLoc \rightarrow AdvLoc - N_1$: *Я прочитал в журнале несколько стихотворений; Он рассказывал в Доме литераторов о современной поэзии*.

в) AdvLoc входит в исходную часть высказывания, в то время как N_1 является ядром. AdvLoc ставится в абсолютно препозитивное положение, порядок остальных компонентов не меняется: $N_1 - VFin - N_1 - AdvLoc \rightarrow AdvLoc - N_1 - VFin - N_1$. Таким образом сохраняется аранжировка компонентов предикативного ядра предложения, в котором VFin выполняет функцию релятора между N_1 и N_i : *В одном из музеев Пабло увидел ракушку; На сцене театров ежевечерне Гамлет говорил о флейте и лжи*. Этот порядок способствует сохранению «шва» между AdvLoc и остальной частью предложения. Для русского языка — в отличие, например, от чешского — его можно считать характерным.

г) «Шов» между AdvLoc и остальной частью предложения стирается, т. е. AdvLoc вклинивается между N_1 и VFin: $AdvLoc - N_1 - VFin - N_1 \rightarrow N_1 - AdvLoc - VFin - N_1$. Ср.: *Художник на первой странице нарисовал Кремль* ← *На первой странице художник нарисовал Кремль*. Этот порядок компонентов может быть вызван, например, трансформацией в вопросительное предложение: *Кто в огромном клубке истории развяжет нить?* Экспрессивный порядок представляет предложение *Джигит даже в большом табуне может рассмотреть хромую лошадь*. Стирание «шва» между AdvLoc в положении исходной части высказывания и остальной частью характерно и для чешского. Меняются местами N_1 и VFin, т. е. $AdvLoc - N_1 - VFin - N_1 \rightarrow AdvLoc - VFin - N_1 - N_1$. В случае препозиции AdvLoc этот порядок в чешском обязателен. Не чужд он и русскому языку. Как правило, с таким инверсионным порядком связано выдвижение первого члена²⁸.

д) Более выразительна перестановка компонентов, если N_1 становится ядром высказывания и занимает положение в конце. Можно сказать, что в этом случае меняются местами N_1 и AdvLoc, т. е. $N_1 - VFin - N_1 - AdvLoc \rightarrow$

²⁸ См.: Н. К ř í ž k o v á, К slovosledu v ruštině a v češtině, «Ruský jazyk», XIII, 4, 1962—1963

→ AdvLoc — VFin — N_1 — N_1 , и одновременно VFin — N_1 → N_1 — VFin, т. е. VFin в качестве релятора занимает позицию между N_1 и N_1 . Результирующим является порядок AdvLoc — N_1 — VFin — N_1 .

3. Анализ AdvDir. 3.1. Обычно считается, что AdvDir более тесно детерминирует глагол, чем AdvLoc. Например, Р. Шедлих все AdvDir выводит на последней ступени экспансии VP, т. е. относит их к Adv, оказывающим влияние на семантическую классификацию глаголов. AdvDir во многих случаях действительно являются облигаторными компонентами глагола. Однако их отношение к глаголу неодинаково. Наряду с облигаторными компонентами глагола и, следовательно, компонентами предложений-моделей N_1 — VFin — AdvDir/ N_1 — VFin — N_4 — AdvDir, существуют также AdvDir, наличие которых нужно считать вторичным и лишь отчасти обусловленным семантикой глагола.

На основании семантики все AdvDir можно классифицировать — согласно традиции — в зависимости от того, выражают ли они путь действия-движения (AdvDir₁, «по какому пути»), исходную точку действия-движения (AdvDir₂, «откуда») или же его конечный пункт (AdvDir₃, «куда»). Представляется излишним выделение в качестве особой разновидности AdvDir, выражающих «общее направление движения», вроде *Человечество идет вперед*, *Полетел за тридевять земель* и т. п.²⁹, поскольку эти Adv представляют собой лишь разновидность AdvDir₃.

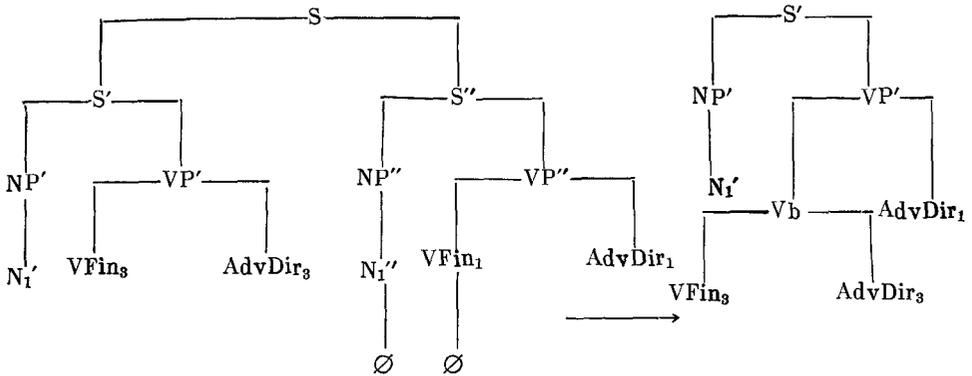
3.2.1. AdvDir₁ входят в состав предложения-модели N_1 — VFin — AdvDir или же N_1 — VFin — N_4 — AdvDir, в котором глагол образует открытый, но немногочисленный класс глаголов со значением передвижения, субъектных и объектных (*Мальчик шагает по улице*; *Партия ведет народ по пути строительства коммунизма*). Передвижение может быть как однонаправленным, так и разнонаправленным, как однократным, так и повторяющимся. Необходимо отметить, что AdvDir₁ входит в предложение-модель лишь тогда, когда глагол выражает простое передвижение без его исходного или конечного пункта: *Шоферы бесперебойно водят машины по маршрутам*; *По небу ползли облака*; *Ходят гости по гаражу*; *Мы бродили по развалинам*; *По московскому асфальту идет весна*; (*травь*), *через которые продирается доктор*, и т. п.

Выбор глагола в зависимости от его вида ограничен — преобладают бесприставочные глаголы НСВ. Из глаголов СВ встречаются отчасти приставочные глаголы с по-, выражающим меру (*побродить по городу*), с поингрессивным (*У меня мурашки пошли по коже*; *Поэтически он пошел по другой дороге*). Другие разновидности приставочных глаголов СВ в нашем материале не засвидетельствованы.

Случаи связи AdvDir₁ с глаголами СВ или НСВ, выражающими исходный или конечный пункты движения, можно объяснять как результат конденсации предложений-моделей с разными глаголами. Условием для конденсации является тождество субъектов этих предложений. Если VFin₁ примарно связанное с AdvDir₁, обозначить VFin₁ (глаголы, выражающие передвижение без уточнения его исходного или конечного пункта), глаголы, примарно связанные с AdvDir₂ — VFin₂ (глаголы, выражающие передвижение от исходного пункта), и глаголы, связанные с AdvDir₃ — VFin₃ (глаголы, выражающие передвижение к конечному пункту), то конденсацию можно представить в виде схемы (см. стр. 43).

В результате конденсации элиминируется N_1'' и VFin₁. Вследствие этого AdvDir₁ примыкает к глагольному комплексу, содержащему VFin₃. Реализацией структуры, выводимой таким путем, является, например, *Он приехал в город по новой дороге*. Ср. еще: *Через окно врывался ветер ней*;

²⁹ См.: «Грамматика русского языка», II, 1, стр. 581, 583.

Вошел в дом через заднее крыльцо; Прыгнул к ней через окно. Таким же образом можно интерпретировать некоторые конструкции с элиминированными АдвДир₂ или АдвДир₃, если глагол в своей семантике содержит направление: Они спускаются по крутой тропинке.

3.2.2. С АдвДир₁ изредка сочетаются глаголы, не выражающие передвижения: Солнце печет сквозь маскированное покрытие, чеш. *Leset se ozývalo volání* (пример Ф. Копечного). Очевидно, что АдвДир₁ в *Leset* (или *po lese*) *se ozývalo volání* не обусловлено семантикой глагола, см. аналогичное русское *По лесу раздавались голоса*. Результирующую структуру можно объяснить как результат конденсации N₁ — VFin + N₁ — VFin₁ — AdvDir₁, т. е. *Голоса раздавались + Голоса — VFin₁ — по лесу*.

. Сочетания вроде *смотреть через окно, увидеть снег через щель* (примеры академической Грамматики) и т. п. посредством конденсации с предложением, содержащим VFin₁, объяснять нельзя. Более выгодным кажется исходить из инкорпорации предложения в позицию субъекта (= существительное со значением действия-события) в матрицевом предложении N₁ — VFin₁ — AdvDir₁ (см. ниже 3.3.3). Возникает вопрос, можно ли АдвДир₁ считать здесь АдвДир в собственном смысле слова — ведь в ряде случаев оно воспринимается как Адв образа действия, причем возможна субституция через значение «как», «каким путем».

3.3. В дифференцированном подходе нуждаются также АдвДир₂, выражающие исходный пункт действия-движения: *Автобусы сходили с линии; Актер исчез со сцены; Издалека раздался голос; Позвонили с аэродрома; С базы мы вышли перед вечером; (...) которое заряжается с дула; Свади слышу шелест травы* и т. п.

3.3.1. АдвДир₂ можно классифицировать, исходя из облигаторной или факультативной сочетаемости с глаголом, а также из совместной встречаемости с АдвДир₃: *Приехал из Испании в Париж; Спутник сумел передать программы из Москвы во Владивосток* и др.

Не совсем точно формулировка Ю. Д. Апресяна: «...любой русский глагол, способный управлять двумя предложно-падежными формами со значением точки или источника (*из чего, с чего*), может быть употреблен и с предложно-падежными формами, обозначающими конечную точку (*во что, на что*)... Обратное, вообще говоря, неверно; существуют глаголы, управляющие предложно-падежными формами *во что, на что* и не способные управлять формами *из чего, с чего*...»³⁰. Автор считает, что «... среди форм со значением направления сильнее управляются формы со значением конечной точки, чем формы со значением начальной точки (источника)»³¹. Можно действительно привести ряд глаголов, сочетающихся как

³⁰ Ю. Д. Апресян, *Опыт описания...*, стр. 53—54.

³¹ Там же, стр. 54.

с AdvDir₂, так и с AdvDir₃, и наряду с ними ряд глаголов, способных «управлять» лишь AdvDir₃. Но можно привести также глаголы, допускающие лишь употребление AdvDir₂ и исключают AdvDir₃, по крайней мере в каком-либо из своих частных значений.

Там, где мы имеем дело с глаголами, сочетающимися как с AdvDir₂, так и с AdvDir₃, необходимо учитывать следующие возможности:

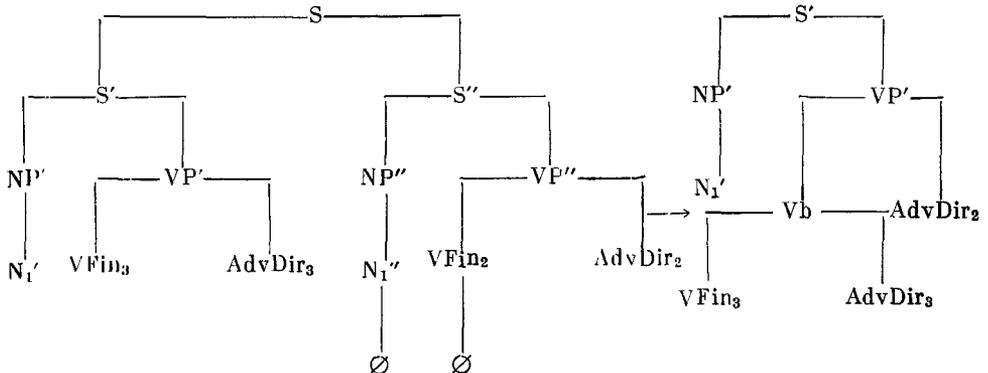
а) AdvDir₂ встречается наряду с AdvDir₃; наличие AdvDir₃ необязательно. Ср.: *Из Москвы на родину вылетела делегация; Плышет лодочка с завода на завод; Мы завозим плитку из Тересвы; Сверху капает влага с широких листьев;*

б) AdvDir₂ обусловлено одновременным наличием AdvDir₃. Ср.: *Прямо к аэродрома он поехал на улицу Куйбышева; От стремления он перешел к созданию* и т. п. Пропуск AdvDir₃ делает невозможным употребление AdvDir₂.

Облигаторные AdvDir₂ можно искать прежде всего среди сочетаний с глаголами, исключают одновременно употребление AdvDir₃. Они являются компонентами предложения-модели $N_1 - VFin_2 - AdvDir_2$, $N_1 - VFin_2 - N_4 - AdvDir_2$. В этих случаях значение направления от исходной точки содержится в самом глаголе (см. приставки *вы-, от-, о-*), AdvDir₂ его лишь конкретизирует. Глагол может быть СВ и НСВ: *Автобусы сходили с линии; Моторы выходят из строя; Человек выпадает из жизни; Его отстранили от работы; Он снял руку со своего плеча* и т. п.

Реализацией предложения-модели с AdvDir₂ являются также некоторые предложения с AdvDir₂, не исключают факультативные AdvDir₃: *Из Москвы на родину вылетела делегация; Достал из чемодана образцы пшеницы; Они начали выбрасывать вещи из чемоданов; Из книги вылетает стая голубей* и т. п. AdvDir₃ обусловлено в этих случаях хотя бы потенциальным наличием AdvDir₂. Реализацией того же предложения-модели можно считать также предложения, глагол которых потенциально выражает оба направления: *Плышет лодочка с завода на завод; Мы летели из Стокгольма.*

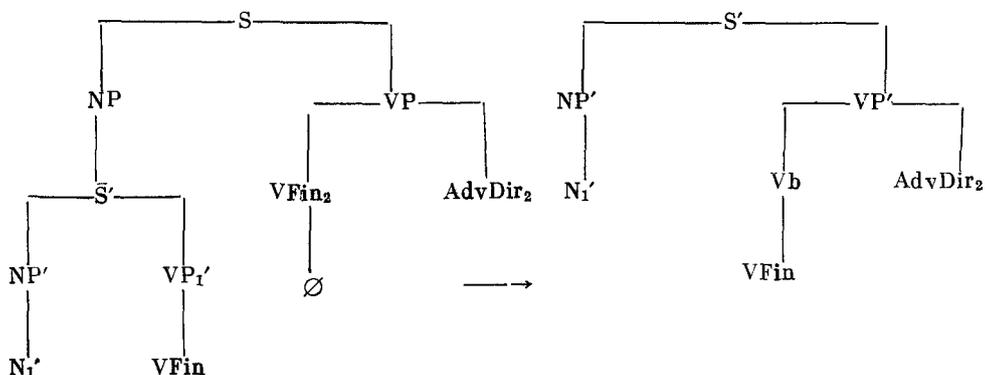
3.3.2. Все остальные случаи наличия AdvDir₂ нужно считать вторичными, т. е. возникающими в результате конденсации какого-либо предложения с предложением-моделью, содержащим AdvDir₂. По нашему мнению, сюда относятся те предложения, в которых наличие AdvDir₂ обусловлено одновременным наличием AdvDir₃. Глагол выражает направление к какому-либо конечному пункту (входит в класс VFin₃). В подобных случаях мы имеем дело с конденсацией $N_1 - VFin_3 - AdvDir_3 + N_1 - VFin_2 - AdvDir_2$ с тождественными N_1 . В результате конденсации элиминируется повторяющееся N_1 и VFin₂, AdvDir₂ вторично примыкает к глагольному комплексу с VFin₃. См. схему:

Наличие AdvDir₂ делает возможным сочетания типа *вбежать из коридора*. См. потенциальное *Брат стремительно вбежал из коридора в комнату*. AdvDir₂ может в некоторых случаях отсутствовать, но потенциально оно налично.

3.3.3. Особо нужно отметить неопределенно-личные предложения вроде *Из секретариата мне позвонили*, в которых AdvDir₂ субституирует подлежащее (см. аналогичное явление в 2.2.3.). Их можно объяснить как результат инкорпорации предложения N₁ — VFin — AdvDir₂ (VFin = «происходить» откуда-л.) в позицию субъекта матрицевого предложения. Вследствие редукции инкорпорированного предложения Adv примыкает к N₁ на правах его атрибута (несогласованного). Если дальше трансформировать личную конструкцию в неопределенно-личную, в результате чего элиминируется N₁, то AdvDir₂ или вторично примыкает к глагольному комплексу матрицевого предложения, или же воспринимается как субститут элиминированного N₁, т. е. «субстантивируется»: N₁ из секретариата мне позвонил → Из секретариата мне позвонили.

Но предложения типа *Звонили с аэродрома* сближаются с предложениями *Брат позвонил мне из Москвы* и т. п. Ср., например: *Оттуда писал письма; Оттуда двое людей спустили «пикап»; Пабло хотел хотя бы из окна увидеть Сибирь*. Многочисленные примеры приводят словари: *наблюдать за чем-н. с вышки, говорить с кафедры, стрелять с башни* и др. Логически можно такие предложения (или опирающиеся на них словосочетания) интерпретировать как конденсацию, например, *Брат написал мне + Брат был в Москве, Они стреляли + Они были на башне*. На самом деле результирующее предложение построено таким образом, как будто действие направлено из какого-либо пункта. Этот факт можно объяснить, если в основу результирующего предложения положить матрицевое предложение N₁ — VFin₂ — AdvDir₂, в позицию субъекта которого инкорпорируется другое предложение (как субститут возможного в этой позиции существительного со значением действия-события). Инкорпорация имеет своим следствием элиминацию VFin₂, и AdvDir₂ примыкает к глагольному комплексу инкорпорированного предложения. См. схему:

Таким же образом объясняются предложения *Забор подгнил снизу, Я начал изнутри понимать* и т. п. Посредством конденсации матрицевого предложения с предложением, субъект которого тождествен объекту матрицевого предложения, можно объяснить примеры типа *Его ждали дома с работы*. AdvDir₂ сочетаются с глаголами обоих видов. В мемуарах И. Эренбурга преобладает СВ.

3.4. AdvDir₂ тоже классифицируются в зависимости от обязательного или факультативного их появления в сочетаниях с определенными классами глаголов и от совместной встречаемости с AdvDir₂. Выделяются:

а) AdvDir₃, не допускающие в сочетании с определенным глаголом (по крайней мере в одном из его значений) одновременного употребления AdvDir₂. Ср.: *На стол легли комья; В лифт это не войдет; Тракторист заделал в грунт семена; Хлеб засыпали в хранилища; Они вкопали машины в землю* и др.

б) AdvDir₃, наличие которых при глаголе не исключает AdvDir₂. Сюда входят как AdvDir₃, факультативно чередующиеся с AdvDir₂ или же вызывающие одновременное употребление AdvDir₂, так и AdvDir₃, наличие которых обусловлено одновременным наличием AdvDir₂. Примеры см. в 3.3.1.

3.4.1. AdvDir₃, входящие в состав предложения-модели, представлены в разделе а). Глагол выражает направление к конечному пункту движения (например, с приставкой *в-*: *они вкопали машины в землю*). Он может быть субъектным или объектным (как правило — переходным), СВ и НСВ.

В предложение-модель входят также AdvDir₃, обуславливающие наличие возможных AdvDir₂; отсутствие AdvDir₃ можно трактовать как эллипсис. Примеры см. в 3.3.1. Ср. также: *В эти бригады перешли шесть коммунистов; К дому подъехала установка; В Ярославское хозяйство зачастили гости; Мы добрались до Будапешта; Меня повели в театр; Он клал на столик револьвер; На завод пришла директива; В Москву прибыл заместитель; Ящик доносит до нас музыку; Эмир прислал представителей в Москву* и др. О примарной сочетаемости приставочных глаголов с *при-* AdvDir₃ свидетельствуют следующие данные: в нашем материале *приехать* 14 раз сочетается с AdvDir₃ и 3 раза с AdvDir₂, *прийти* 15 раз с AdvDir₃, AdvDir₂ в сочетании с ним не засвидетельствовано.

Сюда же относятся AdvDir₃ в сочетании с глаголами, потенциально выражающими направление от исходного пункта к конечному пункту: *Деньги шли в ее собственный карман; Молодежь тянется к технике; До Иркутска мы ехали поездом* и т. п.

3.4.2. AdvDir₃ в сочетании с глаголами, выражающими направление от исходного пункта (приставочные глаголы с *вы-, от-, с-, у-*) и примарно сочетающиеся с AdvDir₂, не входят в предложение-модель: *Гости выехали на родину; На небо выплыла пирога месяца; Он уехал в Швейцарию; Механизаторы вывели агрегаты на поля; Юго увел меня в ванную*. Эти конструкции можно объяснить как результат конденсации $N_1 - VFin_2 (-N_4) - AdvDir_2 + N_1 - VFin_3 (-N_4) - AdvDir_3$; условием для конденсации является тождество N_1 обоих предложений. Схему подобной конденсации см. в 3.3.2.

Примарная сочетаемость VFin₂ с AdvDir₂ подтверждается статистическими данными. Правда, в некоторых случаях в сочетании с глаголами, выражающими направление от исходного пункта, преобладает AdvDir₃. Это связано с более высокой частотностью AdvDir₃ по сравнению с AdvDir₂. По-видимому, указание на конечный пункт действия-движения важнее указания на его исходный пункт, потенциальный эллипсис AdvDir₂ встречается чаще. Этим объясняется вывод Ю. Д. Апресяна, что «...среди форм со значением направления сильнее управляют формы со значением конечной точки, чем формы со значением начальной точки (источника)»³². В нашем материале засвидетельствовано 312 AdvDir₃ и всего 80 AdvDir₂.

Из сказанного вытекает, что мы не признаем глаголов с так называемой «битранслативной двухадвербиальной интенцией»³³, так как совместная встречаемость AdvDir₂ и AdvDir₃ объясняется конденсацией двух предложений с двумя разными AdvDir, из которых только одно тесно связано с глаголом результирующего предложения, в то время как второе примарно связано с эллиминированным глаголом второго предложения.

3.4.3. Результатом конденсации являются также предложения с AdvDir₃, глагол которых не выражает направления: *Гитлеровцы собрали*

³² Там же, стр. 53.

³³ См.: Р. М р а з е к, указ. соч., стр. 58.

детей в школу; Его назначили послом в Норвегию и т. п. По-видимому, мы имеем дело с приспособлением конструкций с AdvЛок к конструкциям с AdvДир. См.: *Его назначили послом в Норвегию* ← *Его назначили послом в Норвегии*; *Гитлеровцы собрали детей в школу* ← *Гитлеровцы собрали детей в школе*. AdvЛок можно получить посредством инкорпорации N₁ — VFin (в значении «находиться») — AdvLoc в позицию объекта матрицевого предложения (см. 2.2.2.). Обратное явление, т. е. вытеснение ожидаемого AdvДир₃ посредством AdvЛок, было отмечено в 2.3.

3.5. AdvДир и AdvЛок в нашем материале встречаются совместно исключительно редко. Засвидетельствованы лишь предложения с AdvЛок + AdvДир₃. Ср.: *За границей он шел в кино*; *В католических странах женщины не должны входить в храм (с непокрытой головой)*; *В прокуратуре письмо положили в ящик*. Результирующие конструкции можно получить посредством конденсации предложений с AdvЛок и с AdvДир. Как правило, предложение с AdvДир инкорпорируется в позицию субъекта матрицевого предложения с AdvЛок. См. 2.2. Не исключено появление наряду с AdvЛок также AdvДир₂ и AdvДир₁.

4. Несколько замечаний о положении AdvЛок и AdvДир в результирующей структуре. Оба типа Adv отличаются друг от друга положением в предложении, т. е. в структуре, в которой была проведена возможная перестановка компонентов. Исходное положение AdvЛок и AdvДир — одинаковое, т. е. они находятся в конце предложения. В зависимости от контекста AdvЛок или AdvДир могут быть отнесены к ядру высказывания или же к исходной части³⁴, что и вызывает перестановку компонентов (см. 2.5). Возможности у AdvЛок и AdvДир одни и те же.

В результирующей структуре AdvЛок и AdvДир могут быть как исходной частью высказывания, так и его ядром, они могут находиться как перед глаголом, так и за глаголом.

Приводим данные, извлеченные из «Правды» (первые два столбца) и из мемуаров И. Эренбурга (следующие два столбца). Оба текста дают в основном одни и те же результаты. Для обоих характерно примерно одинаковое соотношение AdvЛок и AdvДир в положении ядра (Я) и исходной части (ИЧ) высказывания. В таблице приведены Adv в сочетании с VFin, инфинитивом (Inf), причастиями и деепричастиями (VPart).

	VFin				Inf				VPart			
	Я	ИЧ	Я	ИЧ	Я	ИЧ	Я	ИЧ	Я	ИЧ	Я	ИЧ
AdvLoc — V	5	180	—	158	1	6	2	4	—	1	—	—
V — AdvLoc	87	26	108	23	16	10	8	4	36	8	15	3
Всего	92	206	108	181	17	16	10	8	36	9	15	3
AdvDir — V	1	61	2	33	1	3	—	3	—	—	—	—
V — AdvDir	93	31	109	20	22	4	20	3	18	3	15	—
Всего	94	92	111	53	23	7	20	6	18	3	15	—

Из таблицы видно, что для AdvЛок характерна в сочетании с VFin позиция исходной части высказывания (в этой позиции они встречаются примерно в два раза чаще, чем в позиции ядра); для AdvДир в «Правде» характерно равномерное распределение в обеих позициях, в мемуарах преобладает позиция ядра. Обе разновидности Adv объединены почти абсолютной невстречаемостью в позиции ядра при порядке Adv — V. Это естественно, так как отмеченный порядок является в стилистическом отношении маркированным и в языке газеты или мемуаров встречается относительно редко.

³⁴ Имеется в виду так называемое актуальное членение предложения, его функциональная перспектива.

Следовательно, порядок Adv — V типичен для Adv как исходной части высказывания и в первую очередь характерен для AdvЛок.

Для нефинитных форм, за исключением инфинитива, характерен порядок V — Adv. AdvЛок и AdvДир выступают, как правило, в позиции ядра структуры, являющейся результатом трансформации конструкций с финитными формами. Более частое появление порядка Adv — V в случае инфинитива можно объяснить отчасти сочетанием инфинитива с фазисными глаголами, модальными глаголами или предикативами, вместе с которыми он ведет себя как финитная форма, для которой порядок Adv — V следует признать нормальным, отчасти тем, что инфинитив встречается в инфинитивных предложениях, для которых порядок Adv—V обязателен (*Где ему погоронить отца?*).

5. Как AdvЛок, так и AdvДир входят в состав предложения-модели, если их наличие обусловлено семантикой глагола. Глагол представляет в этих случаях релятор между субъектом и Adv. Значительное количество AdvЛок и AdvДир, являющихся факультативным компонентом глагола, объясняется как результат конденсации какого-либо предложения с предложением-моделью, содержащим AdvЛок или AdvДир.

Разница между AdvЛок и AdvДир заключается в том, что преобладающее большинство AdvЛок появляется в предложении как результат конденсации (инкорпорации), в то время как все три разновидности AdvДир обычно входят в предложение-модель как обязательный компонент глагола. Это и сближает AdvДир с объектным компонентом. Однако в некоторых случаях AdvДир является результатом конденсации, что сближает его с AdvЛок и отличает от объектной детерминации. Будучи обязательным компонентом глагола, объект, как правило, входит в состав предложения-модели и не является результатом скрещения с другими предложениями.

Е. В. ЧЕШКО

СИСТЕМА ПАДЕЖЕЙ ДРЕВНЕБОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

Нашей задачей является построение падежных корреляций и определение морфологических значений падежей древнеболгарского языка¹.

В значении падежа предлагается различать семантические функции, являющиеся наиболее обобщенными контекстными значениями падежей, и морфологическое значение как инвариантное значение, представленное в виде набора дифференциальных признаков. При построении корреляций учитываются только субъектно-объектные функции и не принимаются во внимание обстоятельственные.

Дифференциальные признаки падежной системы выводятся на основе исследования привативных корреляций семантических функций беспредложных падежей. Исключение представляет только локатив, который в языке древнейших памятников функционирует в основном уже как предложный падеж. Исследование показало, что место беспредложного локатива в системе падежей древнеболгарского языка занял локатив с предлогом *о*.

В данной статье будут рассмотрены следующие вопросы: I. Главные семантические функции падежей; II. Корреляции семантических функций и корреляции падежных признаков; III. Морфологические значения падежей; IV. Локатив с предлогом *о* как член системы падежных противопоставлений.

Исследование проведено на материале восточноболгарских текстов Саввиной книги и Супрасльской рукописи².

I. Поскольку основной сферой употребления беспредложных падежей является сфера субъектно-объектных отношений, целесообразно определять семантические функции падежей путем различных характеристик субъектов и объектов действия. Характер субъекта и объекта, а также количество объектов, возможных при глаголе, определяется характером глагольного действия. Существенным в этом отношении оказывается различие глаголов восприятия и отношения и глаголов активного действия.

В сфере объекта различаются следующие четыре семантические функции. **Объект восприятия и отношения**, который может быть не только при глаголах так называемого внутреннего действия, но также при некоторых глаголах внешнего действия, характеризуется тем, что он не подвергается никакому воздействию со стороны субъекта, являясь для него лишь источником какой-то информации, впечатлений и т. п. Данный тип объекта находим при глаголах, характеризующих восприятие внешнего мира субъектом (действия органов чувств, памяти,

¹ Данная работа была выполнена в связи с исследованием истории склонения в болгарском языке.

² Данное ограничение, продиктованное общим замыслом нашей работы, оправдано публикацией книги К. И. Ходовой «Система падежей старославянского языка» (М., 1963), в которой дано полное синхронное описание синтаксического функционирования беспредложных падежей старославянского языка с учетом материала всех старославянских памятников.

мысли), отношение к объекту, эмоции субъекта, его реакцию на данное восприятие, которая может быть выражена в действиях, ставящих субъект в какое-то другое отношение к объекту, но не затрагивающих сам объект непосредственно. Например: *тоико онъ оуклаинаше са ка*. Супр. 365—29; *мира и съѣкоуькниа*. вѣгакии. Супр. 200—10 и т. п.

При глаголах, обозначающих активное воздействие на внешний мир, могут быть три типа объекта: 1) объект действия непосредственно подвергается действию; он может создаваться в процессе данного действия (внутренний объект) или претерпевать какие-либо изменения в своем состоянии, положении и т. п. в результате целенаправленного воздействия субъекта (внешний объект); 2) воспринимающий объект является восприимчиком адресованной ему информации, предметов и действий, но не подвергается при этом непосредственному физическому воздействию со стороны субъекта; 3) инструментальный объект является орудием произведения действия.

В сфере субъекта соответственно различаются субъект действия и субъект восприятия и отношения. Первый всегда активен, выступает как источник действия, второй является пассивным.

Выделение названных субъектно-объектных семантических функций оправдано тем, что они выступают в древнеболгарском языке как главные функции разных падежей.

Главной функцией падежа мы называем такую функцию, для которой он является доминирующей формой выражения и в которой он выступает в позиции максимального противопоставления падежей в контексте, когда при глаголе представлена максимально полная цепочка возможных при нем субъектно-объектных падежей. Так, в примере *ѣдинъ отъ воинъ копиемь емоу ребра проводе*. Сав. 129, Йо. XIX, 34 именительный выступает в функции субъекта действия, винительный в функции объекта действия, творительный в функции инструментального объекта и дательный в функции воспринимающего объекта; это главные функции указанных падежей. Не главные функции падежа более строго контекстно обусловлены и проявляются при условии отсутствия в цепочке падежа, для которого эта функция является главной. Так, функция объекта действия является главной функцией винительного падежа в частности потому, что другие падежи могут выступать в этой функции лишь при отсутствии в цепочке винительного падежа.

Дательный и родительный падежи имеют варианты главной функции, которые проявляются при глаголах разной семантики во взаимоисключающих позициях.

Вариантом главной функции дательного падежа является функция субъекта восприятия и отношения, широко представленная в древнеболгарском, в частности в инфинитивных конструкциях, например: *колико паче би оужасати са намъ хъ исоуса*. Супр. 149—2; *мычѣлъ ликси страхы оубоати са намъ*. 176—16. Таким образом, дательный падеж в древнеболгарском выступает как падеж воспринимающего предмета, который может выполнять функцию субъекта или объекта.

Главную функцию родительного падежа можно определить как функцию объекта восприятия и отношения. Ее вариантом при глаголах действия считаем функцию объекта неполного охвата действием или объекта, остающегося за пределами действия.

В функции объекта восприятия и отношения могут употребляться все падежи. Винительный: *слышакъ же юноша слово се*. Сав. 45, Мт. XIX, 22; дательный: *не вси разоумѣ стѣ словоу*. Сав. 43, Мт. XIX, 11; *радовахъ са емоу*. Сав. 58, Лук. XIII, 17; локатив: *и оупеваниї вѣии надѣа са*. Супр. 552—14; творительный: *к'то не вѣсчоудитъ са острожъ вѣрожъ сеж-*

Супр. 55—14. Однако чаще всего в этой функции выступает родительный падеж. Например: *стѣи хъ словесъ да слышимъ*. Супр. 452—26; и *разоумѣвши своего зѣла въскрича съ всѣми*. Супр. 43—23. К. И. Ходова также отмечает, что при глаголах восприятия *видѣти, съмотрити, слоушати, слышати, оуслышати, послоушати, внимати, желати, желѣти, хотѣти, въсхотѣти* родительный употребляется чаще, чем винительный³.

При некоторых глаголах объект отношения может быть выражен только родительным падежом. По наблюдениям К. И. Ходовой, к числу таких глаголов относятся *жаждати, жьдати, ненавидѣти*⁴, *жьдати, чаѣти, искати, възискати, прѣсити, въспросити, трѣбовати, плахати, трепетати, бѣгати, оубѣжати, отъстѣжити*⁵. При непереходных глаголах с частицей *са*, требующих объекта отношения, употребляется родительный, который лишь в редких случаях чередуется с другими беспредложными падежами. При глаголах восприятия и отношения очень редко встречается цепочка из двух объектных падежей и нет случаев с цепочкой из трех объектных падежей. Пример первой: *да кмоу не бждеть видѣти голъ прѣсии*. Супр. 187—8.

При глаголах действия в позиции противопоставления дательному и творительному родительный падеж может заменять винительный в условиях, когда допустима частичная объективация и нужно показать, что объект не в полной мере охвачен действием, а также в отрицательных конструкциях и в конструкциях с супином. Во всех этих случаях родительным обозначен объект, остающийся за пределами действия. В этой же функции выступает родительный при глаголах отчуждения в цепочке ИВРТ. Например: *иже дѣлатель добрыи разлжча доухомъ стѣимъ пѣвы п'шеница*. Супр. 143—20.

Таким образом, функции объекта восприятия и отношения и неполного охвата действием проявляются при глаголах разной семантики и могут рассматриваться как варианты главной функции родительного падежа.

В корреляциях с разными падежами родительный и дательный падежи выступают в том или другом варианте своей главной функции.

Если главная функция родительного падежа — функция объекта восприятия и отношения — может быть выражена всеми падежами, то главная функция творительного — функция инструментального объекта — другими беспредложными падежами, кроме творительного, выражена быть не может. Это определяет место родительного и творительного падежей как первого и последнего членов в цепочке коррелятивных падежей. Остальные падежи располагаются между ними.

1. Функция объекта восприятия и отношения (функция объекта неполного охвата действием)	}	Р.	}	В.	}	Д.	}	И.	}	Т.
2. Функция объекта действия										
3. Функция воспринимающего объекта (субъекта восприятия)										
4. Функция субъекта действия										
5. Функция инструментального объекта										

Каждый последующий падеж коррелятивной цепочки может выступать в функции предыдущих членов, хотя бы в одном из ее вариантов.

II. Главные семантические функции падежей древнеболгарского языка отвечают критериям определения главного значения падежа, сформулированным Р. Якобсоном в работе «*Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre*»

³ К. И. Ходова, указ. соч., стр. 60, 61.

⁴ Там же, стр. 62.

⁵ Там же, стр. 67.

применительно к корреляции винительного — именительного падежей. Это определение показывает связь синтагматического и парадигматического планов, определяя место главного значения в корреляции и в контексте одновременно: «То специфическое значение, которое прямо противопоставлено коррелятивному падежу, т. е. в данном случае значение действующего субъекта или, точнее, значение субъекта переходного действия, является главным значением именительного падежа. В этом значении другой падеж, кроме именительного, невозможен. Можно, например, сказать *детей пришло!*, *никого не было!*, но можно сказать только *дети собирали ягоды*, *никто не пел* и нельзя *детей собирало ягоды*, *никого не пело»* ⁶.

Из данного определения следует, что речь идет не о корреляции признаков, а о корреляции значений, которые могут занять определенную позицию в контексте. Так, под специфическим значением именительного падежа подразумевается значение субъекта действия, которое при переходном глаголе, т. е. в синтагматическом противопоставлении коррелятивному винительному падежу, может быть выражено только именительным падежом.

В отличие от специфического значения (значения действующего субъекта), о котором сигнализирует форма именительного падежа (сигнализация о *не-α* у Якобсона), его комбинаторное значение, совпадающее с коррелятивным (значение объекта действия в страдательной конструкции), создается контекстом, в котором страдательная форма глагола сигнализирует о направленности действия на предмет, обозначенный именительным падежом. При этом главное значение именительного падежа нейтрализуется, т. е. данный контекст представляет собой позицию нейтрализации главного значения падежа.

В соответствии с изложенным корреляция отношения к действию принимает следующий вид:

В. объект действия (коррелятивное значение)	И.	{ объект действия (комбинаторное значение) субъект действия (специфическое, оно же и главное значение немаркированного падежа)
---	----	---

Данная корреляция на первый взгляд может показаться лишь другой формой рулировкой корреляции признаков:

В. сигнализация о наличии признака α (= предмет должен подвергнуться действию)	И.	{ отсутствие сигнализации о наличии признака α сигнализация о признаке не-α (предмет не подвергается действию, а действует сам)
---	----	--

Эта кажущаяся идентичность объясняется тем, что винительный и именительный падежи противопоставлены только по одному признаку. В действительности же значения винительного объекта действия и именительного субъекта действия созданы комбинацией признаков, что становится очевидным из корреляции с другими падежами. Эти корреляции показывают, например, что объект действия, обозначенный винительным падежом, отличается не только от субъекта действия (корреляция отношения к действию), но также от объекта, выраженного дательным падежом (корреляция положения), и от объекта, выраженного родительным падежом (корреляция охвата действием).

⁶ R. Jakobson, Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre, TCLP, 6, 1936, стр. 253. Некоторые отличия нашей позиции от концепции Р. О. Якобсона были изложены в статье «К вопросу о надежных корреляциях» (ВЯ, 1960, 2).

В корреляции с дательным падежом родительный выступает в основном варианте своей главной функции, выражая объект восприятия и отношения:

Р. объект восприятия и отношения Д. { объект восприятия и отношения
воспринимающий объект

Общей чертой указанных объектов является то, что обозначаемые ими предметы остаются за пределами действия. Различие состоит в том, что направление действия оказывается диаметрально противоположным: объект восприятия и отношения представляет собой предмет, являющийся источником информации для субъекта; воспринимающий объект — предмет, которому направляется информация. Это дает основание предположить, что признак, о котором сигнализирует родительный падеж, может быть определен как направленность действия от объекта. Специфическим значением дательного будет сигнализация о направленности действия к объекту.

С точки зрения этого различия можно объяснить и корреляцию охвата родительного-винительного падежей. В этом случае сигнализация о направленности действия от объекта находит свою реализацию в том, что ограничивает возможности родительного падежа в выражении функции объекта действия теми случаями, когда от предмета (обычно вещества) отнимается какая-то его часть. Специфическое значение винительного, как и дательного, в этом случае может быть определено как сигнализация о направленности действия к объекту. Корреляция признаков примет следующий вид:

Р. направленность действия от объекта В. Д. { направленность действия от объекта
направленность действия к объекту

Объектные конструкции с предлогами, образуемые данными падежами, подтверждают указанное противопоставление падежей по признаку направленности. Родительный падеж образует конструкции с предлогом *отъ*, дательный и винительный с направлятельными предлогами: *къ + Д*; *въ, на, за + В*⁷.

Итак, родительный падеж сигнализирует о направленности действия от предмета, что при глаголах действия реализуется как свидетельство о неполном охвате предмета действием; в противоположность этому специфическое значение винительного и дательного сигнализирует о направленности действия к объекту, что у винительного реализуется как полный охват предмета действием, а у дательного — как отсутствие охвата действием. Этим определяется различие объекта действия и воспринимающего объекта.

Противопоставление этих функций основано на противопоставлении признаков центральности и периферийности. Какой из падежей выступает в роли маркированного и какой в роли немаркированного, зависит от того, какой из этих признаков способен к нейтрализации в данной системе языка.

Употребление падежей в древнеболгарском отличается рядом особенностей от употребления тех же падежей в современном болгарском. В древнеболгарском сфера употребления винительного оказывается более узкой, а сфера употребления дательного более широкой.

Винительный падеж в древнеболгарском не может обозначать воспринимающий предмет, который бы одновременно не являлся объектом дей-

⁷ Описание объектных значений падежей с этими предлогами дано в книге: С z. B a r t u l a, Związki czasownika z dopełnieniem w najstarszych zabytkach języka staro-cerkiewno-słowiańskiego, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964, стр. 48—54.

ствия. Это, в частности, проявляется в том, что древнеболгарский винительный не известен в функции субъекта восприятия и отношения. Употребление винительного, подобное современному болгарскому *боли ме главата*, в древнеболгарском не зафиксировано. Различия наблюдаются и в объектном употреблении винительного. Так, в современном болгарском языке винительный возможен при глаголах речи, не заключающих в своей семантике побуждения к совершению определенного действия. Например, он употребляется при глаголах *заговоря*, *заприказвам* в значении «начать разговор, беседу», *придумвам* «приговаривать, повторять», *поздравя*, *посъветвам*, *нагрубя*, *гълча*; ср.: «за какво да я заговори» (Г. Караславов), «пиши му, съветвай го и ти» (М. Грубешлиева).

В древнеболгарском винительный употребляется лишь с такими глаголами речи, которые заключают в своей семантике момент непосредственного побуждения к совершению определенного действия. Таковы глаголы со значением «выполнить просьбу; явиться на зов»: *молити*, *умолити*, *звати*, *призвати*, *приглашати*. Например: *зане моаж та казнь црьскъ и волърьскъ въскорѣ съкончачи о мьнѣ*. Супр. 101—29; *призъваеъ же сакелара глагола кмоу*. Супр. 121—14. Или это глаголы, обозначающие действия, которые вызывают определенное выраженное в значении глагола изменение в состоянии, поведении, убеждениях воспринимающего лица. Таковы глаголы *оучити*, *оутѣшати*, *оужасити*, *възвеселити*, *съблазнити*, *облъстити* и в том же значении *лъстити*. Например: *почто... лъстиши ны... отъстѣпнѣти отъ ба живаго*. Супр. 87—13; *ръци ми ты кто кси лъстан многыа и оръвращаа а отъ жрътеъ въжъскынухъ и оучаа а инон вѣрѣ*. Супр. 155—4. Таким образом, функция воспринимающего объекта в древнеболгарском не является такой функцией винительного падежа, в которой происходит нейтрализация главной функции винительного — функции объекта действия. Поэтому она не может рассматриваться как комбинаторное, противопоставленное специфическому, значение винительного падежа, подобное тому, которое находим в современном болгарском языке.

Напротив, древнеболгарский дательный, имеющий более широкий круг функций, чем дательный современного болгарского языка, обладает комбинаторной функцией объекта действия, в которой нейтрализуется его главная функция — функция воспринимающего объекта. Это возможно, в частности, в инфинитивных конструкциях со страдательным причастием, где дательным падежом обозначен неодушевленный предмет. Например: *тои пакы глинънымъ бръникъмъ гръньчаремъ сътворенѣ быти*. Супр. 396—20. Дательный местоимения *тои* здесь указывает на неодушевленный предмет, что исключает возможность толкования значения дательного как субъекта восприятия при инфинитиве. Окружающий контекст показывает, что речь идет о действии уже совершившимся, что исключает фактор модальности в толковании данного примера. Конструкция со страдательным причастием от глагола активного переходного действия, наличие при нем творительного инструментального объекта (*глинънымъ бръникъмъ*) и творительного субъекта действия (*гръньчаремъ*) делают бесспорным определение функции дательного как функции объекта действия. При этом предмет, обозначенный дательным падежом, создается в процессе данного действия, т. е. здесь представлен так называемый внутренний объект, который, по признанию Р. Якобсона, наиболее резко противопоставлен значению дательного падежа как падежа внешнего объекта. Таким образом, функция объекта действия в приведенном употреблении может рассматриваться как комбинаторное значение дательного падежа, в котором его специфическое значение оказывается нейтрализованным.

именительный и творительный падежи имеют в качестве специфического значения признак активности.

Родительный по отношению к дательному и творительному определяется как центральный падеж, а по отношению к творительному и именительному как пассивный.

Таким образом, отношение падежей к дифференциальным признакам падежей системы примет следующий вид:

№ корреляций	Маркированные падежи	Название признака	Немаркированные падежи
1.2	Р.	Направленность от объекта	В. Д.
3.5	И. В.	Центральность	Т. Д.
4.6	В. Д. Р.	Пассивность	И. Т.

III. Морфологическое значение родительного падежа определяется тем, что, сигнализируя о признаке пассивности, как винительный и дательный падежи, он противопоставлен им обоим по признаку направленности действия от объекта.

Данный признак по-разному определяет место родительного падежа в корреляции положения по отношению к винительному (именительному) и дательному (творительному) падежам. Родительный падеж оказывается центральным по отношению к периферийным падежам, но периферийным по отношению к центральному винительному. Следует учесть, однако, что, выступая в функции объекта неполного охвата действием и в функции объекта восприятия и отношения, родительный чаще находится в позиции взаимозаещения с винительным, нежели в позиции совмещения. Последнюю находим лишь при глаголах отчуждения или наполнения — насыщения, при которых винительный обозначает объект полного охвата, и, следовательно, объект, более тесно связанный с действием, а родительный — объект неполного охвата (при глаголах наполнения, насыщения) или объект, от которого направлено действие и который остается за пределами действия (при глаголах отделения, отчуждения); это и определяет его более периферийное положение по сравнению с объектом действия, обозначенным винительным падежом. Таким образом, периферийность по отношению к винительному обусловлена признаком направленности от объекта, и, следовательно, не может рассматриваться как самостоятельный дифференциальный признак родительного падежа. Напротив, признак центральности является коррелятивным признаком родительного падежа по отношению к периферийным падежам дательному и творительному. Это проявляется в том, что по отношению к родительному эти падежи всегда занимают более периферийную позицию, хотя они противопоставлены родительному падежу не по одному этому признаку.

Падежом, противопоставленным родительному только по признаку периферийности, должен явиться локатив. При глаголах действия более периферийное положение локатива проявляется в том, что он не может означать предмет, от которого берется часть, но обозначает предмет, которого действие лишь касается.

Итак, морфологическое значение родительного падежа определяется тремя коррелятивными признаками — пассивности, центральности и направленности действия от объекта, о которых сигнализирует родительный падеж.

Морфологическое значение винительного падежа определяется тем, что он, как родительный и дательный, сигна-

лизирует о признаке пассивности, в противоположность именительному и творительному падежам; как именительный, он сигнализирует о признаке центральности в противоположность дательному и творительному падежам; наряду с дательным он входит как немаркированный член в корреляцию направленности действия от объекта, маркированным членом которой является родительный падеж.

Морфологическое значение дательного падежа определяется как значение падежа, сигнализирующего о признаке пассивности (в чем он тождествен с винительным и родительным падежами) и выступающего как немаркированный член в корреляции положения (наряду с творительным) и корреляции направленности (наряду с винительным). Говоря другими словами, дательный падеж обладает коррелятивным признаком пассивности и специфическими признаками направленности к объекту и периферийности.

Морфологическое значение именительного падежа определяется коррелятивным признаком центральности в противоположность творительному падежу и специфическим признаком активности в противоположность винительному.

Морфологическое значение творительного падежа определяется двумя специфическими признаками — активностью и периферийностью. Первый является у него общим с именительным в отличие от пассивных падежей — дательного, винительного и родительного; второй — общим с дательным в противоположность центральным падежам — именительному, винительному и родительному.

IV. Остается рассмотреть вопрос о месте локатива в системе падежей древнеболгарского языка. Место это в значительной степени уже определено системой дифференциальных признаков. Это пассивный, периферийный падеж (как дательный), который должен быть противопоставлен дательному по признаку направленности, признаку, объединяющему локатив с родительным падежом.

В беспредложном употреблении объектный локатив представлен ограниченным количеством однотипных примеров, не позволяющих определить его главную функцию еще и потому, что беспредложный локатив не встречается в синтагматическом противопоставлении другим объектным падежам. Поэтому следует обратиться к предложным конструкциям объектного локатива.

Всеми свойствами падежа, который должен занять определяемое системой место локатива, обладает в древнеболгарском локатив с предлогом *о*, главной функцией которого является функция изъяснительного объекта, обусловленная признаками пассивности, направленности от объекта и периферийности.

Функция изъяснительного объекта, являющаяся главной функцией локатива с предлогом *о*, представлена в позиции противопоставления главным функциям всех других падежей. В синтагматических цепочках локатив изъяснительного объекта может быть противопоставлен объекту действия (ИВоЛ), объекту восприятия и отношения (ИРоЛ, ИДоЛ), воспринимающему объекту (ИВоЛ), субъекту восприятия и отношения (ДИоЛ)¹⁰. В позиции максимального противопоставления локатив находим при глаголах сообщения. Таковы цепочки ИВДоЛ, ИДТоЛ. Например: слыши оубо что ти о семъ мжи... пророкъ рече. Супр. 246—6, тѣмъ проповѣдаж вамъ о вѣдѣштимъ. Супр. 129—12. Все падежи выступают здесь в своих главных функциях: именительный в функции субъ-

¹⁰ В указанных цепочках на первом месте ставится падеж субъекта, далее в порядке убывающей силы управления стоят падежи, выражающие объектное значение.

екта действия, винительный в функции объекта действия, дательный в функции воспринимающего объекта, творительный в функции инструментального объекта и локатив в функции изъяснительного объекта. Родительный в противопоставлении локативу с предлогом *о* представлен при глаголах просьбы, требования. Например: *о томъ проса проштенья*. Супр. 528—15, где он обозначает требуемый предмет (функция объекта восприятия и отношения).

Функция изъяснительного объекта в определенных контекстах может быть выражена дательным, например: *томъ ли та наказа оучитель* Супр. 411—3 (Ср.: *Очѣ накази ма о хъчѣ* Супр. 524—23) или винительным: *облаче кок наоучита ма*. Супр. 475—30 (Ср.: *о бжджштимъ оуча*. Супр. 476—8).

Главная функция локатива с предлогом *о* определяется признаками пассивности, направленности от объекта и периферийности. Признаки пассивности и направленности от объекта объединяют локатив с родительным падежом. Отличает его от родительного признак периферийности.

Признак направленности от объекта проявляется прежде всего в функции объекта восприятия и отношения. Например: *онъ же слышавъ и съжалнѣъ си о напасти сватънихъ цръкъвѣъ*. Супр. 199—16. Локатив в этой функции может выступать в позиции взаимозамещения с родительным, например: *самъ себе да са плачетъ о мнѣ во нѣсть трѣбѣ плакати са*. Супр. 102—15. Если при глаголе восприятия употреблены оба падежа, объект, обозначенный локативом с предлогом *о*, займет периферийное положение. Например: *не боиши ли са мене о семъ*. Супр. 139—5. Родительный выступит при этом в своей главной функции объекта восприятия и отношения, а локатив с предлогом *о* получит изъяснительное значение.

В данном противопоставлении родительный может выступить и в другом варианте своей главной функции — объекта неполного охвата действием, например: *кодратъ радости испакниѣъ са о покании ихъ*. Супр. 108—15.

Таким образом, отношения родительного и локатива с предлогом *о* могут быть представлены следующей корреляцией:

Р. объект восприятия и отношения оЛ. { объект восприятия и отношения
изъяснительный объект

Этому соответствует корреляция признаков:

Р. центральность оЛ. { периферийность
центральность

Признак направленности от объекта отличает локатив от дательного падежа. Данное противопоставление находит реализацию в корреляции их главных функций, которые совместимы при глаголах речи. Например: *сватъни же... съповѣда кмоу все о злочьствнѣемъ оуали*. Супр. 199—14.

Корреляции функций:

оЛ. изъяснительный объект Д. { изъяснительный объект
воспринимающий объект

соответствует корреляция признаков:

оЛ. направленность от предмета Д. { направленность от предмета
направленность к предмету

Локатив изъяснительного объекта может одновременно входить в два синтагматических противопоставления — с родительным источника

информации и с дательным воспринимающего объекта, например: **отъ-вѣштаванта намъ о немъже въпрашакмъ ваю**. Супр. 257—12. Первому он противопоставлен при признаку периферийности, второму по признаку направленности.

Соотношение локатива с творительным регулируется корреляцией отношения к действию, в которой локатив занимает место маркированного пассивного падежа. Творительный и локатив с предлогом *о* в своих главных функциях совместимы в контексте. Например: (И) **ВТоЛ оутерьждаа народъ оучениимъ скзимъ о правѣи вѣрѣ**. Супр. 198—6. Локатив представлен здесь в функции изъяснительного объекта. В приведенном предложении локатив выступает как падеж с двойной зависимостью, который может быть отнесен как непосредственно к глаголу, так и к существительному, т. е. данная конструкция может быть понимаема и как приименная: *оучениимъ... о правѣи вѣрѣ*. Тогда приглагольная конструкция будет *оутерьждаа народъ оучениимъ*, как: **ин паматниж слоухъ оутерьждаа**. Супр. 340—3. Сочетание *о правѣи вѣрѣ* может относиться и к глаголу: *оутерьждаа народъ... о правѣи вѣрѣ*. Последнее подтверждается конструкцией *оутерьждаа ми о вѣрѣ господни*. Супр. 206—1. Возможность двойной зависимости ставит локатив с предлогом *о* в синтаксической цепочке после творительного орудийного.

С творительным падежом локатив не образует корреляции функций, так как творительный не имеет функции изъяснительного объекта, а локатив не выступает в функции инструментального объекта. Чтобы убедиться в этом, необходимо рассмотреть некоторые примеры, которые на первый взгляд представляют параллель творительному орудийному. Например: **фарисеи же глахъ о кънази вѣсомъ изгонитъ вѣсы**. Сав. 38, Мт. IX, 34. Однако толкование значения конструкции *оЛ (о кънази)* как значения орудия было бы ошибочным. Его следует рассматривать как значение источника или стимула действия, аналогичное тому, что представлено в примерах: **и розга не можетъ плода створити о себѣ аще не бждеть на лозѣ**. Сав. 102, Йо. XV, 4; **и сами о себѣ подвижемъ са на добро**. Супр. 415—2, и т. п.

Локатив источника действия, который может употребляться при глаголах различной семантики, часто при глаголах непереходного действия, относится к категории обстоятельственных значений, характеризующих образ действия.

Итак, анализ объектных функций локатива с предлогом *о* показывает, что место локатива в морфологической системе падежей определяется признаком пассивности, в отношении которого он выступает как маркированный падеж вместе с родительным, винительным и дательным, признаком направленности от предмета, в отношении которого он также является маркированным падежом наряду с родительным и в противоположность винительному и дательному и, наконец, признаком периферийности, который его объединяет с другими немаркированными падежами — дательным и творительным, в противоположность родительному, винительному и именительному.

А. Д. ШВЕЙЦЕР

РАЗЛИЧИЯ В ЛЕКСИКЕ
АМЕРИКАНСКОГО И БРИТАНСКОГО ВАРИАНТОВ
СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Особенности английского языка в Америке в течение длительного времени привлекают внимание лингвистов. Интерес, проявляемый к этой проблеме, определяется ее существенным значением не только для англистики, но и в кругу таких актуальных вопросов общего языкознания, как природа языка в его территориальной вариативности, вариативность литературных норм, соотношение между вариантами литературного языка, между последними и территориальными диалектами и др. В то же время приходится констатировать, что не все стороны этой проблемы получили удовлетворительное освещение в научной литературе. Так, например, сопоставительное изучение лексики литературного языка в Англии и в Америке, по существу, оставалось вне поля зрения исследователей.

Между тем изучение различительных элементов литературного английского языка на всех уровнях языковой системы, в том числе и в области лексики, приобретает особое значение, поскольку для современного английского языка характерна известная территориальная вариативность литературных норм. Признание этого факта лежит в основе самого понятия варианта литературного языка, который может быть определен как территориальная разновидность нормированного литературного языка.

Из сказанного выше следует, что известная гетерогенность присуща не только национальному английскому языку в целом с его полярными разновидностями — литературным языком и местными диалектами, но и литературному языку, который распадается на противостоящие друг другу территориальные варианты. А это в свою очередь означает, что структура современного английского литературного языка может быть представлена как макросистема, включающая микросистемы его вариантов¹.

Для выяснения реального соотношения между элементами сопоставляемых микросистем чрезвычайно важно, на наш взгляд, учитывать то обстоятельство, что, будучи частными системами, входящими в единую систему литературного языка, они характеризуются явным преобладанием общих элементов над элементами различительными. Совокуп-

¹ Понимание лексики того или иного языка как макроструктуры, состоящей из нескольких сосуществующих или пересекающихся микроструктур, было введено М. М. Маковским (см.: М. М. Маковский, Теория лексической аттракции, ВЯ, 1965, 6). Применение этой концепции к конкретному материалу английского языка см.: М. М. Маковский, Взаимодействие ареальных вариантов «слэнга» и их соотношение с языковым «стандартом», ВЯ, 1963, 5. Соотносительные понятия «макросистема — микросистема» применяются для характеристики структуры русского национального языка в «Русской диалектологии» под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой, М., 1965, стр. 10—11.

ность общих (инвариантных) элементов или зона перекрещивания (*overlap*), образуемая при наложении микросистем друг на друга, составляет их общее ядро (*common core*)²

Таким образом, сопоставительный анализ перекрещивающихся микросистем должен быть в своей основе трихотомическим. Его важнейшим условием является отнесение исследуемых явлений к одной из трех соотносительных категорий: 1) явления, составляющие специфику микросистемы *A*, 2) явления, составляющие специфику микросистемы *B* и 3) явления, относящиеся к общему ядру. Это требование должно быть распространено на анализ всех уровней языковой системы, в том числе и лексики. Применительно к нашей теме это означает, что сопоставляемые лексические единицы (лексико-семантические варианты слов, слова и устойчивые словосочетания) должны быть отнесены к одной из следующих трех групп: 1) американизмы, т. е. единицы, специфичные для американского варианта английского языка, 2) бритицизмы, т. е. единицы, специфичные для британского варианта, и 3) общеанглийские единицы, т. е. единицы общего ядра³.

Анализ, при котором нарушается указанное условие, дает искаженную картину соотношения между элементами сопоставляемых микросистем. Об этом, в частности, свидетельствуют те сопоставительные списки, которые, по замыслу авторов ряда работ⁴, должны иллюстрировать расхождения между английским языком в Англии и в Америке в области лексики. В этих списках лексические единицы обоих вариантов противопоставляются друг другу по упрощенной схеме, согласно которой одна из противопоставляемых единиц обязательно является американизмом, а другая — бритацизмом. Классическими примерами такого рода корреляций является *flat: apartment* «квартира», *leader: editorial* «передовая статья», *railway: railroad* «железная дорога», *ugly: homely* «некрасивый», *luggage: baggage* «багаж», *autumn: fall* «осень», в которых первая единица противопоставляется второй как бритацизм американизму. Между тем более дифференцированный анализ на основе указанной выше трихотомии показал бы, что такие единицы, как *flat, editorial, railway, luggage* и *autumn* являются общеанглийскими единицами, т. е. единицами общего ядра. Соотношения между сопоставляемыми лексическими единицами отнюдь не исчерпываются противопоставлениями типа *a: b*, где *a* и *b* — единицы, специфичные для того или иного варианта. Значительно чаще, как мы увидим ниже, образуются противопоставления типа $\frac{a}{c} : c$ и $\frac{b}{c} : c$, где *c* — единица общего ядра. Члены противопоставлений *a* и *b* будут в дальнейшем именоваться локально маркированными.

Не менее распространенной ошибкой является включение в разряд американизмов лексических единиц, которые являются таковыми лишь по происхождению (ср., например, слова типа *skunk* «скунс», *prairie* «пре-рия», *wigwam* «вигвам», *moccasin* «мокасин», которые ряд авторов рассматривает как американизмы⁵). При этом в качестве основного крите-

² Ср. Ch. Hockett, *A course in modern linguistics*, New York, 1959, стр. 332.

³ Ср.: А. Д. Швейцер, *Очерк современного английского языка в США*, М., 1963, стр. 104.

⁴ См., например: Н. Л. Менскен, *The American language. An inquiry into the development of English in the United States*, New York, 1957; Н. Б. Аристов, *Основы перевода*, М., 1959.

⁵ См., например: М. Тускер, *American English*, New York, 1921; М. S. Allwood, *American and British, A handbook of American-British language differences*, Havo, 1964; И. В. Арнольд, *Лексикология современного английского языка*, М., 1959, стр. 243—244.

рия для отнесения той или иной лексической единицы к американизмам или британцизмам используется не ареал самой единицы, а ареал ее депотата.

Одним из важнейших условий сопоставительного анализа является и то, что сравниваемые явления должны рассматриваться не изолированно, а в контексте соответствующих микросистем. Применительно к лексико-семантическому уровню это требование означает обязательность учета как межсистемных, так и внутрисистемных смысловых и словообразовательных связей сопоставляемых единиц⁶.

Синхронный анализ различительных элементов американского и британского вариантов позволяет выделить следующие виды лексико-семантических различий.

1. Представляется обоснованным разграничение двух основных типов лексико-семантических различий — различий плана содержания при общности в плане выражения и различий плана выражения при общности в плане содержания. Члены соответствий, выделяемых на основе противопоставления первого рода, будут в дальнейшем именоваться лексико-семантическими дивергентами, а члены соответствий второго рода — лексико-семантическими аналогами.

1. В группу лексико-семантических дивергентов входят слова, обнаруживающие более или менее значительные расхождения в своей смысловой структуре при общности звуковой оболочки. Указанные различия можно подразделить на несколько основных категорий:

а) Слова, входящие в микросистемы британского и американского вариантов литературного английского языка, пересекаются определенной частью своей смысловой структуры и обнаруживают расхождения лишь в той части, которая относится к одной из микросистем. У таких слов, как *market* (общангл. «рынок; базар; сбыт; торговля» и амер. «продовольственный магазин»), *reader* (общангл. «читатель; чтец; рецензент» и др. и брит. «лектор, преподаватель университета»), отмечается сосуществование одного локально маркированного лексико-семантического варианта (американизма или британцизма) с вариантами общеанглийскими.

Таким образом, речь идет о дивергентном противопоставлении с одной стороны локальной маркированностью. На уровне сопоставляемых микросистем смысловая структура этого слова представляет собой в одном случае совокупность его общеанглийских значений, а в другом — совокупность его общеанглийских значений плюс значение, присущее лишь одному из вариантов.

б) Расхождения, выявляемые в смысловой структуре таких слов, как *faculty* (общангл. «способность, дар», брит. «факультет», амер. «профессорско-преподавательский состав») и *transportation* (общангл. «перевозка, транспортирование», амер. «железнодорожный билет», брит.

⁶ В своем понимании лексической системы спираемся в основном на работу А. А. Уфимцевой «К вопросу о лексико-семантической системе языка» (ВЯ, 1962, 4, стр. 44—46). Из выделяемых А. А. Уфимцевой конститутивных признаков лексико-семантической системы в данной статье рассматриваются синонимические и антонимические смысловые связи, а также словообразовательные связи, объединяющие единицы этой системы. В связи с этим важно отметить, что под макросистемой мы будем понимать метаязык, конструируемый как сумма составляющих его частных систем (аналогичное построение на фонологическом материале см.: U. Weinreich, Is a structural dialectology possible?, «Word», X, 1954). Под микросистемой соответственно понимаются синонимические, антонимические и словообразовательные ряды, наблюдаемые в том или ином территориальном варианте языка.

«ссылка на каторгу»), у которых общеанглийские лексико-семантические варианты сосуществуют не с одним локально маркированным вариантом, а с двумя — американизмом и брителицизмом.

Подобные дивергентные противопоставления могут быть охарактеризованы как противопоставления с двусторонней локальной маркированностью. На уровне сопоставляемых микросистем смысловая структура каждого дивергента представляет собой совокупность специфических для данного варианта и общеанглийских значений.

в) У дивергентов совершенно отсутствуют совпадающие лексические значения. Такие единицы, как *billion* (амер. «миллиард», брит. «биллион»), *dresser* (амер. «туалетный столик» и брит. «кухонный столик») и др. — это единицы разных микросистем. В то же время тот факт, что указанные выше лексико-семантические дивергенты взаимоисключаются в рамках одной и той же микросистемы (т. е. находятся в отношении межсистемной дополнительной дистрибуции)⁷ и обнаруживают определенную смысловую связь, позволяет рассматривать их в качестве вариантов одних и тех же единиц микросистемы.

г) Отношение между дивергентами может характеризоваться и полным отсутствием какой бы то ни было смысловой связи. Ср., например, общеангл. *muller* «пестик, ступка» и амер. *muller* «задумчивый человек, любитель размышлять».

В таких случаях дивергенты являются не вариантами одной и той же единицы микросистемы, а разными словами-омонимами.

Между охарактеризованными выше дивергентными противопоставлениями наблюдается ряд принципиальных различий. Прежде всего следует отметить, что в последнем случае в отличие от всех предыдущих расхождения касаются самого инвентаря конститутивных единиц лексико-семантической системы. В то же время во всех предшествующих случаях частичные смысловые расхождения между дивергентами проявляются в различном функционировании одних и тех же единиц, т. е. в несовпадении диапазона контекстуальных окружений, в которых эти единицы могут встречаться в каждой из сопоставляемых микросистем.

Вместе с тем указанные виды дивергентных противопоставлений далеко не равнозначны по своему удельному весу. Различия, затрагивающие лексико-семантические варианты слов, явно преобладают над различиями, касающимися самого инвентаря слов. Об этом убедительно свидетельствуют данные словарей, в которых пометы «американизм» или «бритицизм», как правило, сопровождают не слово в целом, а лишь некоторые из его значений. По нашим наблюдениям, наиболее характерным видом дивергентных противопоставлений являются описанные выше противопоставления с односторонней локальной маркированностью.

2. Аналоговые противопоставления распадаются на следующие категории:

а) Различия в плане выражения проявляются в частных расхождениях в звуковой оболочке одних и тех же слов. При этом в качестве членов противопоставлений выступают фонематические варианты слов⁸. Разумеется, речь идет не о противопоставлениях, обусловленных различиями в фонологических системах британского и американского вариантов, а о противопоставлениях типа *tomato* [tə'ma:tou]: *tomato* [tə'mertou], обусловленных лишь частичным несовпадением в фонемном составе от-

⁷ R. P. Stockwell, *Structural dialectology. A proposal*, «American Speech», XXIV, 4, 1959.

⁸ По терминологии А. И. Смирницкого, фонетические или звуковые варианты (см.: А. И. Смирницкий, *Лексикология английского языка*, М., 1956, стр. 42).

дельных слов или групп слов. Среди них наиболее часто встречаются многочленные противопоставления с одним локально маркированным членом. Например ⁹:

nephew [ˈnefju : B'nevju]; *ration* [ˈræʃn : A'reiʃn]; *herb* [A ɜrb : hɜ : b]¹⁰.

Общеанглийский и локально маркированный аналоги, сосуществующие в одном из вариантов, чаще всего находятся в отношении свободной вариации. В отдельных случаях между ними наблюдается отношение дополнительной дистрибуции.

б) К числу морфофонематических вариантов относятся аналоги, у которых различие в фонемном составе сопутствует определенным словообразовательным аффиксам. Сюда относится группа существительных и прилагательных на *-ile*, у которых фонематическим коррелятом данного суффикса является [ai] в британском варианте и [il] или [l] в американском. Указанное различие обнаруживают такие слова, как *missile, docile, hostile, sterile, tactile*. Однако следует указать, что противопоставление [-il, -l] : [-ai] охватывает не все слова, имеющие данный суффикс, а лишь определенную ограниченную группу.

в) В других случаях различия, обнаруживаемые у морфофонематических вариантов одних и тех же слов, касаются супraseгментных фонем и проявляются в определенных вариациях, затрагивающих суперфиксы, т. е. «морфемы, состоящие целиком из супraseгментных фонем»¹¹. Эти расхождения заключаются в том, что определенная группа слов в американском варианте характеризуется наличием суперфикса {'}, а в британском варианте {}. Сюда относится обширная группа слов на *-ory* или *-ary (-ery)*. Ср. A'dictionàry: B'dictionary; A'dormitòry: B'dormitory.

Данное различие распространяется не на все слова, отвечающие указанным признакам.

Если подавляющее большинство фонематических вариантов образует и з о л и р о в а н н ы е аналоговые противопоставления, то морфофонематические варианты обычно образуют п р о п о р ц и о н а л ь н ы е противопоставления, т. е. группу корреляций, члены которых соотносятся друг с другом по одному и тому же признаку (*a : b = c : d* и т. д.). В то же время весьма показательно и то, что, как отмечалось выше, эти противопоставления охватывают лишь ограниченную группу соотносимых по данному признаку аналогов.

Отличительной чертой аналоговых противопоставлений, в качестве членов которых выступают различные слова, является явное преобладание противопоставлений с односторонней локальной маркированностью. Синонимия между локально маркированными и общеанглийскими единицами является весьма характерным явлением для обоих вариантов английского языка. В некоторых случаях эти единицы свободно варьируют друг с другом, как, например, амер. *mailman* и общеангл. *postman* «почтальон». Однако значительно чаще между такого рода синонимами наблюдается определенная дифференциация — смысловая или стилистическая.

⁹ D. J. Jones, *Everyman's English pronouncing dictionary*, London — New York, 1958; J. B. Kenyon, T. A. Knott, *A pronouncing dictionary of American English*, Springfield (Mass.), 1953.

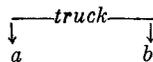
¹⁰ Локально маркированные аналоги обозначаются соответственно: А — американский вариант, Б — британский вариант.

¹¹ E. A. Nida, *Morphology*, Ann Arbor, 1949, стр. 69.

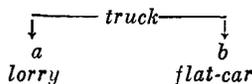
В тех случаях, когда сосуществующие в рамках одного из вариантов аналоги являются по отношению друг к другу идеографическими синонимами, их значения обычно соотносятся друг с другом как видовое и родовое понятия. Такую смысловую связь обнаруживают, в частности, сосуществующие в американском варианте амер. *apartment* и общеангл. *flat* «квартира». Наши наблюдения подтверждают мнение Т. Пайлза, считающего, что если *apartment* в Америке означает «квартиру» вообще, то его общеанглийский аналог означает «небольшую, скромную квартиру»¹².

Для весьма многочисленных групп аналогов, дифференциация между которыми выявляется в стилистической плоскости, наиболее характерно такое соотношение, при котором стилистически нейтральная общеанглийская единица является опорным словом синонимической пары (термин В. В. Виноградова¹³). Пожалуй, одним из наиболее широко распространенных и регулярных противопоставлений является противопоставление стилистически нейтральной общеанглийской единицы американскому аналогу, имеющему определенную разговорную окраску. Сюда относятся такие пары, как *test*: *A tryout* «испытание»; *picnic*: *A cookout* «пикник»; *to modernize*: *A to update* «модернизировать»; *strike*: *A tieup* «забастовка»; *to reprimand*: *A to call down* «делать выговор»; *to ease*: *A to let up* «ослабить» и др. Среди локально маркированных членов аналоговых противопоставлений отмечается довольно большая группа американизмов, представляющих собой эвфемистические эквиваленты стилистически нейтральных единиц общего ядра. Ср., например, *A mortician* и общеангл. *undertaker* «гробовщик», *A casket* и общеангл. *coffin* «гроб», *A beautician* и общеангл. *hairdresser* «дамский парикмахер».

II. Между аналоговыми и дивергентными противопоставлениями существует самая непосредственная связь. Рассмотрим в качестве примера существительное *truck*, у которого отмечаются следующие локально маркированные лексико-семантические варианты: а) грузовик (А) и б) открытая железнодорожная платформа (Б). Обозначим эти варианты соответственно *a* и *b*:

Далее устанавливаем, что лексико-семантический вариант *truck a* (А) является аналогом по отношению к *lorry* (Б), а *truck b* (Б) — аналогом по отношению к *flat-car* (А). Таким образом, от существительного *truck* ответвляются два аналоговых соответствия: 1) А *truck*: Б *lorry* и 2) Б *truck*: А *flat-car*. Совокупность аналоговых и дивергентных противопоставлений, в которые входит существительное *truck*, может быть представлена следующим образом:

Подобную совокупность аналоговых и дивергентных пар назовем аналого-дивергентной цепочкой. Теоретически аналого-дивергентная цепочка может быть продолжена в обе стороны до бесконечности. Однако на самом деле это исключается, поскольку для этого обязательно наличие дивергентных противопоставлений с двусторонней

¹² Т. Pyles, *Words and ways of American English*, New York, 1952, стр. 168.

¹³ В. В. Виноградов, Основные типы лексических значений слова, ВЯ. 1963, 5, стр. 14.

локальной маркированностью в каждом последующем звене, а, как было установлено выше, подобные противопоставления встречаются крайне редко. Приведенная выше цепочка охватывает два дивергента и две пары аналогов. Такова, согласно нашим наблюдениям, предельная протяженность большинства аналого-дивергентных цепочек.

Таким образом, ограниченная протяженность аналого-дивергентных цепочек служит наглядным подтверждением значительного преобладания односторонне маркированных противопоставлений.

III. Анализ лексико-семантических расхождений был бы неполным без выяснения соотношения между различительными элементами и другими связанными с ними элементами соответствующих микросистем, без определения того, как частные расхождения отражаются на внутрисистемных связях, т. е. без выявления «структурных последствий»¹⁴ отдельных различий. При этом объектом сопоставления становятся не отдельные единицы лексико-семантической системы — слова, лексико-семантические варианты слов, устойчивые словосочетания, а определенные группы лексических единиц, объединенных внутрисистемными смысловыми и словообразовательными связями.

1. Приведенные выше лексико-семантические различия между британским и американским вариантами нередко отражаются на составе словообразовательных парадигм (т. е. совокупности слов, образованных от данной основы путем аффиксации, словосложения, конверсии и др.) противопоставляемых друг другу единиц. Так, например, члены аналогового противопоставления А *vacation* : Б *holiday* «отпуск» отличаются друг от друга своими словообразовательными связями в американском и британском вариантах. В американском варианте словообразовательная парадигма существительного *vacation* включает глагол *to vacation* «проводить отпуск, отдыхать», существительные *vacationer* и *vacationist* «отпускник, отдыхающий», *vacationland* «курорт». В то же время в британском варианте в словообразовательную парадигму существительного *holiday* входят такие локально маркированные члены, как *holiday-maker* «отпускник, отдыхающий», *holiday-making* «отдых во время отпуска».

Как правило, расхождения между словообразовательными парадигмами тех или иных слов в американском и британском вариантах носят лишь частичный характер. Типичным примером такого рода расхождений могут служить те словообразовательные связи, которые наблюдаются у слова *room* «комната; помещение; пространство». В данном случае состав словообразовательных парадигм в обоих вариантах отличается наличием в американском варианте локально маркированных единиц *to room* «жить на квартире», *roomer* «жилец», *room-mate* «сосед по комнате», *roomette* «одноместное купе в железнодорожном вагоне». Показательно, что в качестве исходной структуры здесь выступает единица общего ядра, а локально маркированные члены словообразовательных парадигм представляют собой производные от общеанглийской исходной структуры. Такое же соотношение наблюдается и в подавляющем большинстве других исследованных нами примеров.

2. Для оценки лексико-семантических расхождений не менее важен учет и тех внутрисистемных смысловых связей, которые выявляются у противопоставляемых лексических единиц. В данном случае объектом сопоставления становятся группы слов, объединяемых по линии различных смысловых (синонимических и антонимических) отношений, т. е. лексико-семантические парадигмы¹⁵.

¹⁴ См.: U. Weinreich, указ. соч., стр. 395.

¹⁵ См.: Д. Н. Шмелев, О типах лексических значений слова, сб. «Проблемы современной филологии», М., 1965.

а) Рассмотрим несколько характерных расхождений в структуре лексико-семантических парадигм. Так, например, в британском варианте существительное *gun* является опорным словом парадигмы, включающей *canon* «пушка» и *rifle* «винтовка». При этом значения последних двух слов детерминируются значением опорного слова, выражая более специализированные понятия. В американском варианте лексико-семантическая парадигма *gun*, помимо указанных слов, включает также *pistol* «пистолет» и *revolver* «револьвер». Таким образом, в данном случае речь идет о более расширенном составе лексико-семантической парадигмы слова *gun*, обусловленном его большей смысловой емкостью в американском варианте.

б) В других случаях различный состав лексико-семантических парадигм определяется не смысловой структурой опорного слова, а различной сегментацией охватываемого данной парадигмой семантического пространства в британском и американском вариантах. Например, лексико-семантическая парадигма слова *lawyer* «юрист» отличается тем, что, помимо общих для обоих вариантов компонентов (*counsel* «адвокат», *attorney* «поверенный»), включает такие локально маркированные единицы, как А *counsellor* «юрист, ведущий судебные дела» и Б *barrister* и *solicitor*. Противопоставление *barrister* : *solicitor* («адвокат, выступающий в любом суде» — «адвокат, выступающий только в судах низшей инстанции») специфично для британского варианта и не имеет соответствия в американском варианте.

в) Значительно реже встречаются случаи несовпадения опорных слов лексико-семантических парадигм. Сюда относится парадигматический ряд *store* «магазин» — *shop* «небольшой специализированный магазин» — *market* «продовольственный магазин» в американском варианте, противостоящий *shop* «магазин» — *store* «большой универсальный магазин» в британском варианте. Опорным словом первой парадигмы является *store*, а второй — *shop*.

г) Иногда структура сопоставляемых лексико-семантических парадигм различается не только ее составом или опорным словом, но и соотношением между ее элементами. Так, в британском варианте слова *carriage* «пассажирский вагон» и *waggon* «товарный вагон» находятся в отношении «относительной автономии». Каждое из них служит в свою очередь опорным словом самостоятельных парадигматических ответвлений. В британском варианте *carriage* служит опорным словом для *coach* «купированный вагон», *car* «спальный вагон» (ср. *sleeping-car*); «вагон-ресторан» (ср. *dining-car*), а *waggon* — для *truck* «открытая платформа» и *van* «багажный или почтовый вагон». В американском варианте *car* является опорным словом, детерминирующим более специализированное *coach* «пассажирский вагон с местами для сиденья».

д) Иногда различается характер смысловой связи между элементами парадигмы. Так, в американском и британском вариантах наречия *up* и *down* находятся в отношении взаимозависимости. Однако линии их автономического противопоставления совпадают не полностью. Так, американскому варианту чуждо противопоставление *up* и *down* при обозначении направления движения от периферии к центру и от центра к периферии. В нем (в аналогичных контекстах) *up* и *down* противопоставляются в значениях «на север» и «на юг».

При этом наиболее характерным и часто встречающимся видом расхождений в структуре лексико-семантических парадигм в американском и британском вариантах являются, по нашим наблюдениям, случаи частичного несовпадения в составе детерминированных членов парадигмы при совпадении в опорных (детерминирующих) словах.

Из сказанного выше можно сделать вполне определенный вывод о том, что элементы общего ядра сопоставляемых систем значительно превосходят различительные элементы не только в количественном выражении, но и по своей функциональной значимости. Этот факт находит свое выражение в преобладании различий в вариантах конститутивных единиц над расхождениями, затрагивающими сам инвентарь конститутивных единиц, и в ограниченном диапазоне пропорциональных различий. Для соотношения между элементами общего ядра и различительными элементами показательное преобладание односторонние маркированных аналоговых и дивергентных оппозиций. Вместе с тем преобладание общеанглийских единиц среди опорных слов лексико-семантических и словообразовательных парадигм свидетельствует о том, что различительные элементы тяготеют к периферии сопоставляемых микросистем. В свете указанного соотношения между различительными элементами и общим ядром становится вполне объяснимым факт беспрепятственного общения между носителями обоих вариантов английского языка¹⁶. К этому следует добавить и то, что, как показывают опросы информантов¹⁷, взаимной понятности обоих вариантов, помимо общего ядра, в значительной мере способствует и то, что значительная часть американизмов входит в рецептивный словарь англичан, а значительная часть британцизмов входит в рецептивный словарь американцев, что, по-видимому, подтверждает правильность гипотезы Ч. Хоккета¹⁸ о существенной роли, которая принадлежит различительным элементам, входящим в так называемую «сферу рецептивного владения языком» (*range of receptive control*), при общении между лицами, идиолекты которых представляют собой перекрещивающиеся системы с общим ядром.

В заключение следует указать, что границы между различительными элементами и общим ядром в области лексики оказываются в ряде случаев весьма зыбкими и подвижными. Это объясняется значительной взаимопроницаемостью сопоставляемых лексико-семантических микросистем и, в частности, усиленным пополнением лексики британского варианта американизмами. В то же время обзор лексических единиц, переходящих из категории американизмов в категорию общеанглийских, позволяет сделать вывод о том, что процесс нейтрализации локально маркированных элементов подчинен определенным закономерностям. Чаще всего заимствуемые американизмы либо восполняют пробел в системе номинации (например, *commuter* «загородный житель, работающий в городе») или в арсенале экспрессивных средств (например, *wildcat strike* «незаконная забастовка»). Препятствием к заимствованию ярко образных лексических и фразеологических единиц, входящих во вторую категорию, часто служит неясность их внутренней формы для носителей другого варианта английского языка (ср., например, американизм *to go into a huddle* «отказаться от предложения, оговорив за собой право воспользоваться им в дальнейшем», британцизм *sticky wicket* «тяжелая задача» и др.).

Учет этих факторов, определяющих динамику взаимопроникновения различительных элементов лексики обоих вариантов, представляется необходимым и неотъемлемым элементом их анализа.

¹⁶ Ср.: A. H. Marckwardt, R. Quirk, A common language. British and American English, Washington, 1964, стр. 9, 20—25.

¹⁷ См., например: G. Panten, Amerikanismen im Manchester Guardian Weekly, München, 1959.

¹⁸ С. Hockett, указ. соч., стр. 334.

Б. В. ГОРНУНГ

ОБ ОСНОВНОМ ПРИНЦИПЕ РУССКОГО ПРАВОПИСАНИЯ

Лет 50 назад, когда отличия предмета фонологии от предмета фонетики только намечались в еще не получивших популярности работах И. А. Бодуэна де Куртенэ и Л. В. Щербы, можно было говорить лишь о трех принципах, могущих лежать в основе системы правописания: а) историко-этимологическом¹, б) морфологическом, в) фонетическом.

Каждая из реально существующих орфографий всегда представляет собою сочетание всех трех принципов с преобладанием одного из них. В английском и французском правописании доминирует первый принцип, но наличен и второй, а третий неуклонно пробивал себе дорогу вплоть до XVII в., когда орфография этих языков в основном была регламентирована; в сербском письме система В. Караджича не исключала начисто написаний, соответствующих либо первому, либо второму принципу. Морфологический принцип считался обычно преобладающим принципом русского правописания после устранения в 1917 г. большого числа написаний этимологических (*ѣ*, соответствующий этимологии; конечный *ъ*, *ѳ*, *ѵ*) и исторических (укоренившийся *ѣ*, не соответствующий этимологии; *і*; окончания *-аго*, *-яго* в родительном падеже, окончание *-ья*, *-ия* во множественном числе и т. д.), хотя и нередко нарушался, уступая принципу фонетическому (написания типа *здесь*, *здоровый*, написание *с* в приставках *из-*, *раз-* и т. д. перед глухими и т. п.); уступки историческому (и этимологическому) принципу (типа написаний *баран*, *стакан*) были гораздо малочисленнее.

Развитие фонологии естественно выдвинуло идею фонематического принципа как основы системы правописания. Однако обсуждение практической стороны этого вопроса едва ли возможно, так как вопрос о содержании понятия «фонема» фонологами до сих пор не решается однозначно.

Еще в 1930 г. в связи с обсуждением появившегося тогда так называемого «Проекта Главнауки» — скороспелого детища группы лингвистов и педагогов, стремившихся «углублять революцию» в русском письме, — Р. И. Аванесовым и В. Н. Сидоровым были высказаны некоторые о б щ и е положения², из которых при желании можно было бы сделать вывод о том, что основной принцип русского правописания — «фонологический», и всякое упорядочение и улучшение последнего должно состоять лишь в углублении и проведении его с наибольшей последовательностью. Авторы обоснованно возражали против введения в рус-

¹ В принципе можно трактовать исторический и этимологический принципы как разные, считая первый опирающимся на традицию письменности (например, *песок* и *сѣдло* в старой русской орфографии), а второй — на этимологию, выясняемую из сравнения с родственными языками (например, написание *пѣсок* и *сѣдло* при сохранении буквы *ѣ*). Однако практически различить эти два принципа в существующих системах традиционных орфографий крайне трудно.

² Р. Аванесов, В. Сидоров, Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка, «Р. яз. в сов. шк.», 1930, 4.

скую орфографию принципа фонетического, строгое и последовательное применение которого при наличии вариативности в произношении привело бы к превращению письма в «транскрипцию». «Фонологическое» же письмо, по мнению авторов, не требует точного соответствия между буквою и произносимым звуком, так как «оно передает только те звуковые качества, которые дифференцируют морфемы, отличают одно слово от другого, следовательно — одно значение от другого»³. Отсюда делался вывод о том, что «фонологическое письмо отвечает социальной природе языка», а фонетическое письмо «будет только мешать языковой коммуникации»⁴.

Против всех этих положений нельзя выдвинуть никаких возражений. Они правильны и убедительны, но логический скачок от них к утверждению, что «благодаря этому» (т. е. передаче буквою не произносимого звука, а «фонемы». — Б. Г.), «фонологический принцип (орфографии. — Б. Г.) обычно называют м о р ф о л о г и ч е с к и м» (авторы оговариваются, что «такое название не вполне точно»)⁵, — такой скачок уже ничем не оправдан. Приведенное определение не «неточно», а просто неверно. Однако это положение осталось совсем неразвитым в данной статье, и авторы ее, высказав его декларативно, перешли к детальному анализу «Проекта Главнауки».

Конкретная разработка проблемы «фонологического» (*resp.* «фонематического») принципа, его тождества (или нетождества) с принципом «морфологическим» и вопроса о том, какой же принцип лежит в основе существующей русской орфографии, — все это началось гораздо позже.

В 1953 г. появилась уже не декларативная, а разработанная более детально постановка этого вопроса. В. Н. Сидоров (на этот раз уже в соавторстве не с Р. И. Аванесовым, а с И. С. Ильинской) повторил утверждение, что существующая система русского правописания уже является фонематической и что по существу фонематический и морфологический принципы орфографии — это одно и то же, поскольку тождество морфем определяется тождеством их фонемного состава⁶. Лишь в последние 10—12 лет такое понимание того принципа, который уже лежал в основе нашего правописания, получило более широкое распространение. Но вместе с тем оно стало подвергаться иногда и своеобразному переосмыслению.

В разных местах брошюры М. В. Панова «И все-таки она хорошая. Рассказ о русской орфографии» (М., 1964) разбросаны варианты положений Р. И. Аванесова, В. Н. Сидорова и И. С. Ильинской. Например, утверждение «Орфография у нас фонемная» (стр. 117), «она (орфография. — Б. Г.) насквозь фонемна» (стр. 121), т. е. отражает только непозиционные изменения фонем, например *муха — мушка, берегу — бережем*⁷.

³ Там же, стр. 111.

⁴ Там же, стр. 112.

⁵ Там же, стр. 113.

⁶ И. С. И л ь и н с к а я, В. Н. С и д о р о в, Современное русское правописание, «Уч. зап. [Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина]», XXII. Кафедра русск. яз., 2, 1953, стр. 7, 8 и сл.

⁷ «Позиционность» и «непозиционность» М. В. Панов определяет в чисто синхронном плане, игнорируя то, что изменения *к* в *ш*, *г* в *ж* имели в свое время такой же позиционный характер. Против этого в плане чисто лингвистического анализа возражать, разумеется, не приходится. Но в плане решения практических вопросов орфографии, это — не аргумент против «фонетизма» Тредиаковского, Карджича и Брандта. Мы пишем *луг, ход, дуб*, а не *лук, хот, дуп* по чисто морфологическим соображениям (отвергаемым прежде всего «фонетистами»), — соображениям, которые существовали всегда — и тогда, когда «фонология» еще не существовала.

Но, как мы сказали, понятие «фонемности» нашего письма подвергается далее у М. В. Панова дальнейшему переосмыслению, сводящему уже на нет отождествление этого принципа с морфологическим. М. В. Панов считает, что постановления орфографической подкомиссии 1904 г. «превратили наше письмо из традиционного в фонемное»⁸ (а, следовательно, из неморфологического в морфологическое). Это утверждение прямо уже показывает, что отождествление «фонемного» принципа с морфологическим у данного автора теоретически ни на чем не основано и является только полемическим приемом. Упразднение *ѣ, ъ, і, ѵ, ѳ* не имело никакого отношения к «фонемности» или «нефонемности», но упразднило буквы, которые передавали исчезнувшие *э в у к и*. Некоторые другие изменения написаний (в том числе уступки последовательному «фонетизму» в написании приставок) несколько не изменили основного характера нашего правописания и даже не затронули его. В нем и до 1904 (вернее до 1917) г., и после оставался преобладающим морфологический принцип с отдельными уступками «фонетизму». Но, во М. В. Панову, «фонемный» принцип до 1904 г. (когда «фонемность» якобы появилась в мыслях очень далеких от идей фонологии Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова) отсутствовал, а после внедрения в 1917—1918 гг. «идей 1904 года» (якобы урезанных, как считал М. В. Панов в своей статье в «Известиях» 12 X 1964 г., злостью волею Временного правительства) в практику, стал чудесным образом тождественным морфологическому принципу. Такая позиция исключает возможность полемики с нею всерьез, и поэтому следует вернуться к исходным положениям, изложенным в статье И. С. Ильинской и В. Н. Сидорова.

Свое исследование эти авторы пытались подкрепить статистическими операциями. Подсчет «фонематических» и «нефонематических» написаний в двух отрывках (Пушкина и Паустовского) убедил их, что число «нефонематических» написаний в общепринятой в 1953 г. (до «Свода» 1956 г.) русской орфографии не превышает 4—5%.

Эти статистические выводы не представляли собой большой ценности, ввиду незначительности объема обоих отрывков, и могли измениться по «закону больших чисел» при обработке текстов большего объема и более разнообразного содержания. Но главное не в этом, а совершенно в другом: 1) в сущности критерия различения «фонематических» и «нефонематических» написаний; 2) в обоснованности постулируемого тождества «фонематического» («фонемного») и «морфологического» принципов орфографии.

«Морфологический принцип» правописания может пониматься двояко — более узко (тождественные морфемы в разных формах одного слова и в разных словах пишутся одинаково) и более широко (написание слова исходит из морфологической структуры именно данного слова в данной его форме без обязательности тождественного написания тех же морфем в других формах того же слова и в других словах).

При первом понимании следует писать *восток, расход* и т. п., поскольку префиксы в этих словах *воз-, раз-*; следует писать либо *женá* — *жѣны, шолк* — *шолкá*, либо *женá* — *жѣны, шелк* — *шелкá*, писать *течет, лжет* (а не *течот, лжот*), поскольку написание с *о* невозможно в формах *идет, плетет* и т. п.

Однако при втором понимании морфологического принципа допустимы написания *восток, расход* (при *воздух, разнос*), допустимы чередования *женá (жѣны)* — *жѣны, шолк (шѣлка)* — *шелкá*, а также *течет,*

⁸ М. В. Панов, указ. соч., стр. 128 — подпись к фотоснимку обложки «Постановлений орфографической подкомиссии».

лжот при *идет*, *берет*. Морфологическая структура каждого отдельного слова или его формы не нарушается, но письмо частично отражает варианты морфем (алломорфы), отражая чередования, закономерные для целых категорий слов с однотипной морфологической структурой (в приведенных примерах гласный элемент морфемы будет определяться как *e* : *o*, а в первом примере префиксами будут считаться формы: *воз-* : *вос-*, *раз-* : *рас-*).

Но морфологический принцип не допускает передачи в написаниях тех чередований звуков, которые закономерны не для целых категорий слов с однотипной морфологической структурой, а для самого звука в той или иной позиции (например, написания *дуп* — *дуба*, *реткий* — *редок* и т. п.). Допущение такого рода написаний повело бы к полному упразднению морфологического принципа и к замене его фонетическим принципом, как это имеет место в сербской орфографии (*дуп* — *дуба*; *ретки* — *редаки* и т. п.). «Фонология» же в чистом ее виде (учение о «фонемах») тут решительно ни при чем, и это было в последние десятилетия понято многими лингвистами, благодаря чему и возникла новая лингвистическая дисциплина — «морфонология». Однако и «права» последней должны быть ограничены, что мы и хотим показать ниже.

Часто рассуждают так: если допустимо отражать на письме алломорфы *жен-* : *жон-*, *-ет* : *-от* и т. п., то разве не такими же алломорфами являются морфемы *дуб-* и *дуп-*, *ред-* и *рет-* и т. п. Однако такое рассуждение возможно только при упразднении морфологии как особой сферы языкового строя (или, как теперь часто говорят, «уровня») и сведении ее к морфонологии, выделение которой является большим достижением современного теоретического языковедения, но отнюдь не означает упразднения морфологии как таковой. Именно такое упразднение морфологии и может повести к отождествлению морфологического принципа орфографии с «фонематическим» и к фиктивному различению «фонематических» и «нефонематических» написаний⁹.

Еще во время дискуссии в прессе по поводу «Предложений по усовершенствованию орфографии» 1964 г. писатель Т. Семушкин («Известия» 16 X 1964) писал: «Комиссия словно руководствовалась не жизнью, а предвзятой идеей прямолинейного внедрения так называемого фонемного принципа... (Комиссия.— Б. Г.) не считается... с грамматическим строем русского языка».

Для того чтобы сказать, правильно или неправильно такое суждение, нужно предварительно ответить на два вопроса: 1) является ли «фонемный принцип» уже преобладающим в существующем русском правописании (т. е. в «Своде» 1956 г., который только суммировал существующую ранее практику, не вводя никаких новых «принципов»); 2) действительно ли «фонемный принцип» есть по существу тот же морфологический принцип системы орфографии, как это утверждали И. С. Ильинская и В. Н. Сидоров.

Если «фонемный принцип» в нашем правописании уже фактически преобладает, как это кажется В. Н. Сидорову и И. С. Ильинской, М. В. Павову и многим другим, то значит никакой «ломки» (о которой говорит дальше Т. Семушкин) в «Предложениях» 1964 г. не рекомендуется. Если же «фонемный принцип» есть то же, что «морфологический принцип»,

⁹ См.: И. С. Ильинская, В. Н. Сидоров, указ. соч., стр. 14, 15 и сл.

то неверно и утверждение Т. Семушкина, что «Предложения» 1964 г. «не считаются с грамматическим строем русского языка».

Как следует уже из изложенного выше, мы ставим под вопрос правильность обоих предложений, при принятии которых утверждения Т. Семушкина оказались бы явно ошибочными. Следовательно, мы допускаем, что он может оказаться прав, хотя и не приводит систематической аргументации в пользу своих утверждений. Однако вопрос этот следует рассмотреть подробнее.

И. С. Ильинская и В. Н. Сидоров, утверждая, что «Современное русское письмо — фонематическое»¹⁰, указывают тут же, что недостаточная последовательность проведения этого принципа коренится: а) в отражении письмом некоторых фактов истории языка, уже не существующих в современном языке; б) в уступках «фонетизму». Поэтому фонематический принцип признается только «преобладающим», а не единственным принципом¹¹. Следуя же утверждениям М. В. Панова, считающего, что «фонематизация» русского письма проводится систематически уже с 1904 г. (см. выше о его подписи к фотоснимку титульного листа «Постановлений орфографической комиссии»), нужно считать, что всякие новые изменения в системе русской орфографии должны преследовать одну цель — сделать ее еще более последовательно «фонематическою». По существу эта идея была высказана уже в 1930 г. Р. И. Аванесовым и В. Н. Сидоровым (см. выше).

И. С. Ильинская и В. Н. Сидоров не закрывают глаза на трудности в осуществлении этой важнейшей, по мнению М. В. Панова, задачи: разные фонемы могут совпадать в звучании отдельных своих вариантов, и поэтому трудно бывает иногда определить, вариантом какой фонемы является данный звук, изображаемый буквою, которая: а) либо точно соответствует его звучанию в литературном языке (например, *сапог*, *капуста*); б) либо вызывает определенное произношение, подчиненное общим закономерностям (например, переход предударного *о* в *а* в словах *топор*, *собака*); в) либо, наконец, чисто условно передает то или иное редуцированное состояние (например, окончание род. падежа мн. числа *лавок*, *марок*)¹², или слова типа *локон*, *розан*, *гомон*, *ладан*, не говоря уже об иноязычных *идол*, *демон*, *купол*).

Эту трудность авторы статьи 1953 г. представляли себе в общем виде, не выделяя здесь разных типов написаний, как мы сделали это выше. Но к одной этой трудности нельзя все свести.

Выше указывалось, что теоретическое рассмотрение вопроса о возможности положить в основу системы правописания «фонемный принцип» встречает затруднение прежде всего в разном определении, даваемых разными фонологами понятию «фонема». И. С. Ильинская и В. Н. Сидоров не учитывают этого, хотя, благодаря этому, становится спорным всякое различие «фонематических» и «нефонематических» написаний, могущее проводиться на основе разных критериев. Но дело не только в этом и даже не столько в этом, поскольку, несмотря на этот разноречивый фонологический воззрений объективная оценка общелингвистических взглядов, развитие которых получило первый толчок от возникновения фонологии, может быть только положительной. Фонологию нельзя игнорировать ни в каком разделе как теоретической, так и прикладной линг-

¹⁰ И. С. Ильинская, В. Н. Сидоров, указ. соч., стр. 9.

¹¹ Там же, стр. 11, 12.

¹² Подвести этот случай под предыдущий пункт трудно, так как единственной опорой была бы форма *досок* от *доска*, но она имеет широко распространенный дублет *дбсок*. Все другие слова этого типа (*башка*, *тоска*, *камка*) не имеют употребительной формы родительного падежа множественного числа.

вистики, и в том числе и в вопросах орфографии. Но от этого до признания «фонемности» как возможного основного принципа системы правописания еще очень далеко.

Сама фонология сейчас уже далеко не та, что 30—40 лет назад. Прогресс ее развития заключается, как мы уже указывали, между прочим в том, что, наряду с фонологией и морфологией, развилась особая лингвистическая дисциплина «морфонология»; далее, в том, что были введены понятия «аллофона» и «алломорфа» (с уточнением наших представлений о процессах «субституции» и «нейтрализации»), различены понятия «морфемы» и «морфа», «морфа» и «субморфа» и т. д., так что теперь вопрос о тождестве или нетождестве «морфологического» и «фонематического» принципов правописания, о различении «фонематических» и «нефонематических» написаний и многое другое должно решаться только с учетом всего этого.

В статье же И. С. Ильинской и В. Н. Сидорова все эти вопросы решаются (в свете развития лингвистической теории уже к 1953 г.) очень схематически, если не сказать даже примитивно. Приведем только один пример, имеющий прямое отношение к горячей дискуссии, которую вызвали в печати «Предложения» 1964 г. Авторы статьи, считая русские буквы *и* и *ы* передачу одной и той же фонемы [и] (не будем сейчас затрагивать вопрос, так или не так это на самом деле, и примем точку зрения авторов), утверждают, что буква *ы* должна писаться после такого твердого согласного, который может быть и мягким, а поэтому пишется, например, *тыкать, тын, пыжик, пыль* и т. д., потому что есть *тикать, тина, пила, пилюля* и т. д. Однако, если звук в русском языке вообще не может быть мягким (как *ж, ш,* и аффриката *ц*), то можно писать всегда *и*, как фактически пишется после *ж* и *ш* (*жить, шить*) и как должно бы писаться и после *ц* (т. е. не только в словах типа *цифра, цинк*, но всюду).

Этим рассуждением можно вполне оправдать написание *ци* в корнях (*циган, ципленок*) и в словообразовательных суффиксах (*сестрицин*), но никак нельзя оправдать допустимости этого написания во флексиях (*отцы, бeцы, оуцы*).

Звуки (не буквы!) *и* и *ы* во флексии именительного падежа множественного числа мужского и женского рода являются (если *и* и *ы* будем считать одной фонемой) а л л о ф о н а м и. Их нельзя считать только «позиционными вариантами» одной фонемы, потому что данный случай не идентичен, например, случаю с различием закрытого и открытого *е*, которые не могут встречаться в русском языке в одинаковой позиции и не подводятся под понятие «аллофона»¹³.

В современном русском языке звук *и* появляется в флексии именительного падежа множественного числа после мягких согласных как «парных» (*голуби, жолуди при суеробы, народы* и т. п.), так и «непарных» (*бирючи, хвощи* и т. п.). Звук *ы* появляется здесь после твердых согласных — так же и «парных» (*народы, суеробы, награды, бабы* и т. п.), и «непарных» (*огуры, бeцы* и т. п.) будучи передан после *ж* и *ш* буквою *и* (*ножи, малыши*).

Если бы мы стали на позиции И. С. Ильинской, В. Н. Сидорова и М. В. Панова, то должны были бы считать величайшей непоследовательностью написание *ножи, малыши* при сохранении написаний *отцы, огуры*. С этих позиций требуется обязательная унификация (либо *огуры*, либо *ножи*), но поскольку наше правописание уже допускает *жи, ши*

¹³ Более широкое толкование термина «аллофон», когда под это понятие подойдут и звуки *е* и *ё* в русском языке, делает это понятие вообще излишним.

и в корнях (*жизнь, шило* и т. п.), то предпочтительнее унификация с полным изгнанием написания *цы*. Однако такое рассуждение является абстрактно-фонологическим, оно отрывается от морфологии и не видит разницы между функциями звука (*resp.* фонемы) в корне, аффиксе и флексии. При таком подходе исчезает значительная часть и морфологической проблематики, а именно отношение звуковой формы слова (*resp.* словоформы) к его морфологической структуре.

Но как только мы отойдем от этих позиций, снимем, так сказать, «фонемные шоры», — мы сразу наткнемся на факты такого типа, как соответствия *народы, сугробы, огурцы* — *народов, сугробов, огурцов* и, с другой стороны, *жолуди, голуби, ножи, малыши* — *жолудей, голубей, ножей, малышей*. Эту слепоту абстрактного «фонемного принципа» интуитивно и почувствовали бурно восставшие против «Предложений» 1964 г. писатели, правильно заключив, что написание *огурцы* вызовет родительный падеж множественного числа *огурцей* (Л. М. Леонов).

Ортодоксальный представитель абстрактного «фонетизма» отвергнет это обращение к морфологической парадигматике, сославшись на то, что *мужики, враги* и т. п. дают *мужиков, врагов*, а не *мужикей, врагей*. Этот аргумент несостоятелен, так как звуковых сочетаний *кы, гы, хы* в современном русском языке не может быть, и поэтому флексия *и* в *ки, ги, хи* является алломорфом не реализуемой в современном языке в определенных позициях морфемы *ы*, которая в древнерусском языке реализовалась и в этой позиции. Являясь «алломорфом», а не особою морфемой, это звучание (и написание) флексии не изменяет включения формы в соответствующий парадигматический ряд. Наоборот, в формах *ножи, малыши* произносимое здесь *ы* является алломорфом морфемы *и*, которая, появляясь в именительном падеже множественного числа, требует флексии *-ей* в родительном падеже, как потребуют там *отцей, огурцей* и *отци, огурци* в именительном падеже. Точно так же и *птицы, бвци* потребуют форм *птицей, овцей* вместо *птиц, овец* в родительном падеже множественного числа, т. е. перехода в парадигматический ряд *жерди, проруби, брови, ночи, вейци* — *жердей, прорубей, бровей, ночей, вейцей* и т. п. и выпадения из ряда *вбды, вилы, ступы* — *вод, вил, ступ* и т. п.

Этот конкретный пример приводится здесь не столько как аргумент против «огурцей», закономерно выводимых из «Предложений» 1964 г., сколько как иллюстрация беспочвенности абстрактно-фонологического подхода к орфографическим проблемам — подхода к тому же исходящего не из современного состояния теоретической лингвистики, а из той эмбриональной фазы развития фонологии, в котором она находилась в 20-х и в начале 30-х годов, когда полемический задор против защитников старых принципов и методов звукового анализа, восходящих к Зиверсу, Суиту и Беллю, был еще вполне оправдан.

Из сказанного следует, что суровая оценка «Предложений» 1964 г. писателем Т. Семушкиным именно как приложения «фонемного принципа» вполне правомерна. Конечно, сторонники этого принципа в построении системы орфографии не стремились сознательно к таким изменениям, которые могут затронуть грамматический строй языка, но, находясь в плену своих абстрактных схем, они просто не заметили того, что интуитивно почувствовали писатели.

Это можно показать и на других примерах.

Последовательное проведение морфологического принципа системы орфографии требует в отдельных случаях введения в состав написаний таких элементов, которые можно назвать «грамматическими сигналами». С точки зрения «фонемного принципа» такие «сигналы» совершенно излишни, так как они не вносят никаких уточнений, необходимых для

правильного произнесения звука: написания *мышь*, *дочь* и *мыш*, *доч* будут произнесены одинаково (вопреки мнению В. Я. Кирпотина и некоторых других участников дискуссии 1964 г.) с твердым *ш* и мягким *ч*, так как мягкого *ш* и твердого *ч* в русском языке вообще нет. Поэтому, если бы действительно в основе русского правописания лежал фонематический («фонемный») принцип, то упразднение мягкого знака в этом случае было бы совершенно безболезненным.

Возможно ли здесь упразднение *ь* и в качестве «грамматического сигнала» — это совершенно другой вопрос, требующий особого рассмотрения. Аргументы, приводимые адептами «фонемного принципа», имеют здесь чисто гротескный характер, и полемика с ними всерьез поэтому исключена¹⁴.

В этом вопросе надо строго различать случаи: 1) когда этот *ь* не является грамматическим сигналом — в наречиях и частицах (*сплошь*, *прочь*, *настежь*, *лишь*), в глагольных формах 2-го лица (*несешь* и т. п.); 2) случаи, когда *ь*, не имея никакой звуковой значимости, сохраняется для соблюдения парадигматического единообразия (повелительной формы глагола — *ешь*, *ешьте* при *кинь*, *киньте* и т. п.¹⁵, инфинитивы *стричь*, *стричься* при *качать*, *качаться* и т. п.); 3) случаи, когда *ь* является только грамматическим сигналом (*мышь*, *ночь*, *рожь*, *моцъ*), признаком грамматического рода, указанием на определенное формообразование и разграничителем омоформ (*рожь* и родительный падеж множественного числа *рож*).

Первая категория случаев с конечным *ь* не вызывает никаких сомнений. Упразднение *ь* (т. е. написание *сплош*, *проч*, *настеж*, *лиш*, *несеш* и т. п.) не может вызвать никаких возражений, поскольку оно ни в какой степени не нарушает морфологического принципа правописания.

Вторая категория случаев является спорной и требует теоретического рассмотрения вопроса, всегда ли нужны «грамматические сигналы» и в каких случаях можно без них обойтись, в частности вопроса, насколько нужно соблюдать парадигматическое единообразие написания разных словоформ.

Третья категория является таким случаем, когда изменение написания прямо нарушает морфологический принцип и когда нетождественность этого принципа с «фонемным» становится особенно ясной.

Когда же можно обойтись без «грамматических сигналов»? Возьмем для примера систему французской орфографии. Типичным «грамматическим сигналом» будет написание непроизносимого *s* в конце слов. О «непроизносимости» мы говорим сейчас условно, потому что по законам французского санджи (так называемая «liaison») это *s* произносится как звонкое *z* перед гласным следующего слова. Но допустим, что этой «liaison» во французском языке нет. Нужен ли в данном случае «грамматический сигнал» для указания на множественное число (*la terre* — *les terres*), на 1-е лицо множественного числа в глаголе (*nous allons*, *nous venons*) и т. д.? По-видимому, если бы орфоэпической нормы, требующей

¹⁴ Ср. сравнение с «похлопыванием по плечу» и т. п. (М. В. Панова, Изв. 12 X 1964); предложение, выдвинутое в одном из писем ставить *ь* в начале слова (т. е. писать *ьмыш* — «Обзор писем», в сб. «О современной русской орфографии», М., 1964, стр. 158 и т. п.). В большинстве же писем по вопросам орфографии, которые получили Институт русского языка АН СССР, это упразднение *ь* в конце слова рассматривается просто как полная аналогия упразднения *ъ* в таком же положении в 1917 г. (см. «Обзор писем», стр. 175 и сл.).

¹⁵ Правило заключается в следующем: если повелительная форма не оканчивается на *-и*, *-ите*, то согласный (кроме шипящих) остается мягким; исключение — *ляг*, *лягте*, где *ь* не пишется, потому что сочетания *гь* вообще не бывает (ср. выше о формах *мужики*, *враги*).

«liaison», не было, без этого сигнала можно было бы обойтись, потому что: 1) на множественное число имен указывает форма артикля, наличие которого в литературном языке обязательно (*les terres, les vastes terres, de vastes terres*); 2) на 1-е лицо множественного числа в глаголе указывает личное местоимение, наличие которого во французском языке (в противоположность русскому, латинскому, греческому) тоже обязательно. Следовательно, необходимость сохранения в письме этого неизносимого *s* диктуется только фонетикой (точнее орфоэпией).

Совершенно другое дело — неизносимое *z*¹⁶ в конце слова после гласного во 2-м лице множественного числа индикатива и императива. Здесь при упразднении *z* получается полная графическая омонимия этих форм с формой страдательного причастия мужского рода (*vous chantez l'hymne, chantez l'hymne; chanté l'hymne ne plait plus*). Следовательно, этот «грамматический сигнал» нельзя было бы упразднить даже при отсутствии закона сандхи («liaison»). Французских примеров (с написанием неизносимых букв, отнюдь не связанным с этимологией) можно было бы привести и больше¹⁷.

Подобно букве *ы* в написаниях *огурцы, птицы*, буква *ь* в *мышь, ночь, рожь* и т. п. является неустрашимым «грамматическим сигналом». Как *огурцы* и *птицы* предостерегают нас от *огурцей* и *птицей*, так и *мышь, ночь* и т. д., встречающиеся в речи не только в сочетании с прилагательными, но и изолированно, предостерегают как от неправильного определения грамматического рода, так и от неправильного построения парадигмы. Конечно, владеющий русским литературным языком с детства не сделает здесь ошибок, но в эпоху, когда русский язык стал международным языком социалистических наций и становится мировым языком, усваиваемым самыми разными народами, подобный эксперимент недопустим. Литературный язык усваивается и носителями русских диалектов, где *мыш* — мужского рода. В топонимике же упразднение конечного *ь* после шипящих несомненно вызовет такие сочетания, как *тихий Свислоч[ь]* или *широкая Маныч*.

Игнорирование этих соображений сторонниками «фонемного принципа» много опаснее «смещения звука с буквой» у критиков «Предложений» 1964 г. Эта фонетическая «неграмотность» писателей несколько не опасна, так как рекомендовать написания *огурци* или *ноч* нельзя не потому, что люди якобы станут произносить мягкий согласный вместо твердого и твердый вместо мягкого (этого как раз не будет, и нет надобности тратить силы и бумагу на доказательство этого), а потому, что такая «реформа» (не «упорядочение» и не «усовершенствование») неприемлема как нарушающая основной (морфологический) принцип русского правописания, вовсе не тождественный с «фонемным принципом», которого и в помине не было при проведении реформы 1917 г.

Это интуитивно понимали все критики «Предложений» 1964 г. пусть смешивающие букву со звуком, но именно не смешивавшие письма с языком, как смешивают их сторонники «фонемного принципа».

¹⁶ «Liaison» в этих случаях (например, *laissez aller*) в современном живом языке неупотребительна.

¹⁷ Этимологические реликты во французском правописании могли бы быть устранены безболезненно и не затронули бы системы его (например, знак [^], указывающий на исчезнувшее *s* — *maitre* < *maistre* < *magister*, неизносимые конечные *t* и *d* после гласного, не требующие теперь «liaison» и т. д.).

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

М. В. РАЕВСКИЙ

ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКИЙ ПЕРЕХОД $\text{ʃ} > d$ В СВЕТЕ
ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ФОНОЛОГИИ

Среди звуковых изменений древневерхненемецкого периода переход унаследованного еще из общегерманского спиранта ʃ в смычный d , протекавший на протяжении VIII—XI вв. и распространявшийся с юга на север¹, является, пожалуй, одним из наиболее интересных как для исторической фонологии немецкого языка, так и — шире — для сопоставительно-исторической фонологии германских языков в целом. В пользу именно такой его оценки говорят следующие соображения: 1) это был следующий за вторым передвижением согласных этап развития, в ходе которого верхненемецкая система шумных приобретала свой современный вид; 2) это звуковое изменение имело место не только в верхненемецком, но и в нижненемецком, голландском, фризском, датском, шведском, норвежском и фарерском².

Поэтому весьма важно попытаться выяснить, каково место перехода $\text{ʃ} > d$ в той совокупности процессов, которые изменяли систему шумных в верхненемецких диалектах, в чем причина этого перехода и каковы были его последствия для верхненемецкой системы шумных.

Выяснение всех этих вопросов позволило бы более полно представить себе механизм развития системы шумных согласных фонем как в немецком, так и в других германских языках, знающих это звуковое изменение.

Единого мнения относительно фонологического статуса старого германского ʃ в древневерхненемецком в современной германистике нет. В. М. Жирмунский говорит о звонком межзубном спиранте в интервокальном положении как о позиционном варианте глухого спиранта, рассматривая таким образом ʃ как фонему³. Ж. Фурке также считает ʃ особой фонемой для древневерхненемецкого⁴. С другой стороны, Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева на основании анализа различных написаний слов с этимологическим ʃ склонны рассматривать межзубный целевой как вариант фонемы /d/⁵. В. Моултон вообще не включает ʃ в фонемный ин-

¹ См., например: «Сравнительная грамматика германских языков», II, М., 1962, стр. 27; В. М. Ж и р м у н с к и й, История немецкого языка, М., 1965, стр. 130—131.

² В скандинавских языках ʃ давало d лишь в словах местоименного характера, ср. др.-сканд. *þu*, «ты», но совр. дат., норв., швед. *du* (однако совр. фар. *tu*). В основной массе слов ʃ сменялось t , ср. др.-сканд. *þrír* «три», но совр. дат., швед. норв. *tre*, фар. *triggir*. Во фризском ʃ давало либо d , либо t в зависимости от позиции. Ср. др.-фриз. *thūta* «большой палец», но совр. фриз. *tumə*, ср. также гот. *gulþ* «золото», но уже др.-фриз. *gold*.

³ См. В. М. Ж и р м у н с к и й, Немецкая диалектология, М. — Л., 1956, стр. 302—303.

⁴ См.: J. Fourquet, Die Nachwirkungen der ersten und der zweiten Lautverschiebungen, «Zeitschrift für Mundartenforschung», XXII, 1, 1954, стр. 24—25.

⁵ См.: Л. Р. З и н д е р, Т. В. С т р о е в а, Историческая фонетика немецкого языка, М. — Л., 1965, стр. 70—71.

вентарь древневерхненемецкого, относя наличие \bar{f} к додревневерхненемецкому состоянию⁶.

В данной статье древневерхненемецкие *th*, *dh* рассматриваются как орфографические отражения особой фонемы, продолжающей общегерманскую фонему / \bar{f} /. Еще в раннем древневерхненемецком эта фонема достаточно четко противопоставлялась в ряде позиций смычной фонеме, обозначавшейся позднее в зависимости от диалекта как *t* или *d*. Следы этого состояния, не засвидетельствованного непосредственно ни в одном из памятников древневерхненемецкого периода, написанных на южнонемецких диалектах, по-видимому, достаточно удовлетворительно сохранены во франкских памятниках VIII—IX вв., и в частности в рейнско-франкском «Исидоре», где обе фонемы четко различались в следующих позициях: в начале морфемы перед гласной: *dhurah* «сквозь; через» — *dhuri* «дверь»; в интервокальном положении: *uuidhar* «против; опять» — *liudi* «люди», в исходе морфемы: *dodh* «смерть» — *god* «бог»; в начале морфемы перед *r*: *dhurinissa* «троица» — *druhtin* «господь»; в середине слова после *r*: *aerdha* «земля» — *garda* «скипетр». Однако уже ко времени написания «Исидора» начался процесс нейтрализации противопоставления этих фонем⁷. Фонемы, обозначавшиеся соответственно как *dh* и *d*, переставали различаться прежде всего в середине и в конце слова после сонорных /*l*, *n*, *r*/ ⁸.

Наиболее древним случаем этой нейтрализации, происходившей в пользу *d*, является смена / \bar{f} / на /*d*/ в этимологической группе / \bar{f} р/, ср. гот. *gulþ* «золото», но др.-в.-нем. *gold*; гот. *alþeis* «старый», но др.-в.-нем. *aldun* «старый» (им. падеж мн. числа); гот. *wilþeis* «дикий», но др.-в.-нем. *wildi*; гот. *balþaba* «смело», но др.-в.-нем. *bald* «смелый» и т. п. На то, что переход $\bar{f} > d$ произошел после /*l*/ раньше, чем после остальных сонорных, указывает отсутствие в «Исидоре» написания *dh* после *l*: этимологическая группа / \bar{f} р/ последовательно передается на письме буквосочетанием *ld*⁹.

Более медленно происходила смена / \bar{f} / на /*d*/ в этимологической группе / \bar{f} н/, которая сохранялась в рейнскофранкском по крайней мере в некоторых словах и в IX в., ср. др.-сакс. *juguð* «юность» и др.-в.-нем. («Исидор») *jugundh*; гот. *anþar* «другой» и др.-в.-нем. (Вейсенбургский катехизис) *andhremo* (дат. падеж ед. числа).

Наконец, в позиции после /*r*/ смена / \bar{f} / на /*d*/ происходила гораздо медленнее, чем после /*n*/, а тем более /*l*/, о чем свидетельствуют написания *uuirdit*, *uuerdant*, *uuard* «становиться» (3-е лицо ед. числа наст. времени; 3-е лицо мн. числа наст. времени; 1, 3-е лицо ед. числа прош. времени) наряду с этимологически «правильными» написаниями *uuirdhit*, *uuerdhant*, *uuardh*. По-видимому, сливавшиеся фонемы / \bar{f} / и /*d*/ в этих словах могли свободно варьировать¹⁰.

Однако в ряде случаев обратные написания типа *ziidh* «время» («Исидор», V, 5), где *dh* обозначает этимологическое /*d*/, свидетельствуют, по-видимому, о том, что нейтрализация происходила иногда в пользу / \bar{f} /. Этот пример, если вдуматься в причину такого написания, очевидно по-

⁶ См.: W. G. Moulton, The stops and spirants of early Germanic, «Language», XXX, 1, 1954, стр. 33, 35 (примеч. 80), 37.

⁷ Ср. также: P. Valentin, Althochdeutsche Phonemsysteme, «Zeitschrift für Mundartforschung», XXIX, 4, 1962, стр. 343, 346.

⁸ Ср.: Н. И. Филичев, История немецкого языка, М., 1959, стр. 21—22.

⁹ По-видимому, $f > d$ после /*l*/ раньше, чем после других сонорных, и в остальных западногерманских языках. Ср. др.-англ. *beald* «храбрый», *eald* «старый», *gold* «золото», *wilde* «дикий», но *eorþe* «земля», *morþ* «убийство» и т. п.

¹⁰ Ср., например: М. И. Стеблин-Каменский, К теории звуковых изменений, ВЯ, 1966, 2, стр. 70.

казывает, что фонологический статус написания *dh* в ряде позиций пошатнулся: переводчик «Исидора» воспринимал *dh* то как функционально самостоятельную величину, то как величину, функционально тождественную *d*. Можно предположить, что слияние фонем /ʃ/ и /d/ начиналось таким же образом и в других диалектах¹¹. Тем не менее, однако, *dh* и *d* отчетливо различались в положении релевантности и уже поэтому должны быть признаны отражениями разных фонем.

Общегерманская фонема /ʃ/ характеризовалась следующими различительными признаками: межзубностью¹², апикальностью, фрикативностью и глухостью. Основными ее представителями были глухие аллофоны, ср. гот. *brōþar* «брат», *wairþan* «становиться», однако в результате действия закона Вернера у нее развивались и звонкие аллофоны, ср. гот. *fadar* [faðar] «отец» при лат. *pater* «отец». Это развитие показывает, что различительный признак глухости был для фонемы /ʃ/ менее значимым, вторичным.

Древневерхненемецкая фонема, обозначавшаяся как *th*, *dh*, по всей вероятности, реализовалась как межзубный апикальный фрикативный. Некоторые исследователи полагают, основываясь на написании *dh* и смене старого написания *th* непосредственно буквой *d*, что этот фрикативный был звонким¹³. Напротив, другие допускают эту возможность лишь с известными оговорками¹⁴. Представляется, однако, более оправданным говорить в данном случае о слабом спиранте (*lenis*), поскольку в древневерхненемецком все остальные германские спиранты — и перебойные *f*, *x* и унаследованное еще от индоевропейского *s* — отражались именно как слабые и *ʃ* вряд ли было исключением из этого правила. Поэтому следует предположить для древневерхненемецкой межзубной апикальной фрикативной фонемы еще один модальный различительный признак — слабость¹⁵. Иначе говоря признак звонкости — глухости был для данной фонемы иррелевантным, и фонетически она могла быть представлена и глухим слабым и звонким слабым спирантом. Исходя из вышеизложенного, в дальнейшем более целесообразным представляется обозначение этой древневерхненемецкой фонемы как /ʃ/, поскольку с этим символом не связывается представление о звонкости, как это имеет место при употреблении символа /ʃ/¹⁶.

Вопросы о причинах, вызвавших переход *ʃ* > *d*, и о связи этого перехода с предшествовавшими ему процессами тесно связаны и потому должны быть разобраны вместе.

Их рассмотрение целесообразно начать с анализа состояния доверхненемецкой системы шумных согласных фонем, т. е. с состояния системы, предшествовавшего второму передвижению согласных. По-видимому, система шумных в доверхненемецких диалектах первых трех веков нашей эры была еще идентична системе шумных фонем общегерманского, поскольку геминированные согласные, возникавшие в результате западногерманского удлинения согласных, несомненно были позиционными вариантами соответствующих «простых» фонем, так как вызывавшие удли-

¹¹ Об особенностях механизма слияния фонем см.: М. И. Стеблин-Каменский, указ. соч., стр. 70.

¹² Существует также мнение, что *ʃ* могло быть и постдентальным спирантом. Ср.: W. Вгаупе, *Althochdeutsche Grammatik*, Halle, 1955, стр. 173.

¹³ См., например, Н. И. Филичева. История немецкого языка, стр. 21; О. И. Москальская, *Deutsche Sprachgeschichte*. М. — Л., 1965, стр. 37—38.

¹⁴ См. В. М. Жирмунский, *История немецкого языка*, стр. 123.

¹⁵ Ср. также Р. Valentin, *Althochdeutsche Phonemsysteme*, стр. 343—344.

¹⁶ Ср., например: О. И. Москальская, указ. соч., стр. 38.

нение сонанты пока что сохранялись¹⁷. Доверхненемецкую систему шумных фонем можно представить себе поэтому следующим образом:

p	t	k
d	d	g
f	f	s
		x ¹⁸

Ряд германских альвеолярных шумных фонем реконструируется здесь как $/t d s/$, а не как $/t d \bar{p}/$ ¹⁹ по следующим причинам: унаследованная еще от индоевропейского фонема $/s/$, по-видимому, реализовалась как альвеолярный сibilант и, следовательно, обладала локальным различительным признаком, свойственным также фонемам $/t d/$; в ходе германского передвижения согласных изолированная до тех пор старая фонема $/s/$ включалась во вновь возникающую серию глухих щелевых²⁰; поскольку «пустая клетка» на пересечении ряда альвеолярных и серии глухих щелевых тем самым заполнялась²¹, индоевропейская фонема $/t/$ уже не могла дать щелевой того же места образования и поэтому развивалась в германскую фонему $/\bar{p}/$.

Эта система, возникшая в ходе германского передвижения согласных, характеризовалась следующими особенностями: 1) перегрузкой серии глухих щелевых за счет фонемы $/\bar{p}/$, которая находилась вне всяких локальных корреляций, поскольку реализовалась как межзубный фрикативный в отличие от $/s/$, реализовавшейся как альвеолярный фрикативный²²; 2) нарушением тесных связей между подсистемами смычных и щелевых как следствием перегруженности серии глухих щелевых²³.

Таким образом, система германских шумных согласных фонем в целом и система доверхненемецкого шумного консонантизма в частности обнаруживали определенную асимметрию, что, по нашему мнению, явилось весьма важным фактором для дальнейшего развития системы согласных в отдельных языках.

Второе передвижение согласных привело к дальнейшим изменениям в системе согласных фонем, представленных в верхненемецких и особенно южнонемецких диалектах.

В результате смены различительного признака у двух рядов смычных в начале морфемы перед гласным корреляция звонкости сменялась корреляцией аффрицирования: старые глухие $[p t k]$ давали аффрицированные $[p' t' k' x]$, а старые звонкие $[b d g]$ развивались в слабые глухие $[b' d' g']$ ²⁴. Например: др.-в.-нем. (бав.) *phaffo* «священник»; *zoupar* «колдовство», *khenfo* «воин» и *raġan* «спорить, бороться», *tac* «день», *kerno* «охотно».

¹⁷ Следы $/j/$, вызывавшего удлинение согласных, исчезают в рукописях лишь к X в. Ср. *scripree* «ясли» (Тацнан, Лук., 2, 10), наряду с *scrippa* (Тацнан, Лук., 2, 18).

¹⁸ Ср.: J. F o u r q u e t, указ. соч., стр. 18; В. М. Ж и р м у н с к и й, Немецкая диалектология, стр. 302—303.

¹⁹ Ср., например: W. G. M o u l t o n, The stops and spirants of early Germanic, стр. 42.

²⁰ Это обстоятельство подчеркивает и У. Ф. Леман. См.: У. Ф. Л е м а н, [рец. на кн.:] «Сравнительная грамматика германских языков», ВЯ, 1965, 6, стр. 128.

²¹ Этого не учитывает У. Ф. Леман. См.: W. P. L e h m a n n, Some phonological observations based on examination of the Germanic consonant shift, «Monatshefte, Heftner Festschrift», 55, 4, 1963, стр. 233.

²² На перегрузку серии глухих щелевых указывает и Ж. Фурке. См.: J. F o u r q u e t, указ. соч., стр. 29.

²³ Это отмечает и У. Ф. Леман. См.: W. P. L e h m a n n, указ. соч., стр. 234.

²⁴ См.: М. И. С т е б л и н - К а м е н с к и й, Сущность германских передвижений согласных, «Вестник ЛГУ», Серия истории, языка и литературы, 1961, 20, 4, стр. 104—105.

В прочих позициях (в исходе корневой морфемы после гласного и сорного, на стыке корневой и служебной морфем) развитие можно представить себе следующим образом.

Западногерманское противопоставление геминированных глухих геминированным звонким [pp tt kk — bb dd gg] превращалось в противопоставление глухих аффрицированных глухим неаффрицированным [p^f t^s k^x — p t k], ср. др.-в.-нем. *scepfen* «говорить», *sitzen* «сидеть», *achar* «пашня» и *luppi* «сок растений; яд», *betti* «постель», *ecka* «угол, край».

Противопоставление западногерманских геминированных звонких простым звонким [bb dd gg — b d g] давало в верхненемецких диалектах корреляцию силы (напряженности?) [p t k — b d g], ср. др.-в.-нем. *sipra* «род, родня», *bitten* «просить», *hrucki* «спина» и *lebên* «жить», *sceidan* «отделять», *trâgi* «ленивый», где написания *pp*, *tt*, *ck* и *b*, *d*, *g* интерпретируются соответственно как обозначения сильных и слабых глухих смычных. Наконец, противопоставление старых глухих смычных глухим щелевым [p t k — f s x] также дало корреляцию силы²⁵ в верхненемецкой подсистеме щелевых [ff ʒʒ xx — f s x], ср. др.-в.-нем. *wioffan* «жаловаться», *lazan* «пускать», *sprehhan* «говорить» и *huofa* «копыта», *lesan* «собирать, читать», *zihan* «обвинять».

Верхненемецкое передвижение согласных еще больше увеличило асимметрию между подсистемами щелевых и смычных в результате появления перебойного сибиланта /ʒʒ/, долгое время не смешивавшегося с исходным /s/ из-за различий в способе образования²⁶ и в дистрибуции²⁷. Система шумных фонем в раннем древневерхненемецком выглядела, по-видимому, следующим образом:

<i>b</i>	<i>d</i>	<i>g</i>
<i>p</i>	<i>t</i>	<i>k</i>
<i>p^f</i>	<i>t^s</i>	<i>k^x</i>
<i>f</i>	<i>ʒ</i>	<i>s</i>
<i>ff</i>	<i>ʒʒ</i>	<i>xx</i>

Последнее обстоятельство — большая асимметрия между подсистемами смычных и щелевых по сравнению с положением в прочих германских языках — должно было, очевидно, ускорить процессы, направленные на восстановление равновесия внутри системы шумных фонем, нарушенного в ходе германского передвижения согласных.

Одним из таких процессов и был переход $\beta > d$, т. е. слияние фонемы /β/ с /d/, в ходе которого устранялась перегруженность серии слабых глухих щелевых. В древневерхненемецком этот переход совершался, как известно, в различных диалектах с различной скоростью, закончившись в южнонемецком в IX в., среднефранкском к XII в. В прочих германских языках, в которых этот переход имел место, он протекал более медленно²⁸.

В условиях перегрузки серии слабых глухих щелевых по сравнению с остальными сериями шумных и связанной с ней, а также с результатами верхненемецкого передвижения согласных асимметрии в связях как

²⁵ Некоторые авторы предпочитают говорить в данном случае о корреляции геминации. Ср., например: М. И. Стеблин-Каменский, Сущность германских передвижений согласных, стр. 106.

²⁶ /s/ реализовалась как апикальный, /ʒ/ как дорсальный сибилант.

²⁷ /s/ встречалось во всех позициях, /ʒ/ — между гласными и в исходе морфемы после гласной.

²⁸ В нижненемецком он завершился на протяжении XIV—XV вв., в нидерландском закончился к XIII в., в континентальных скандинавских языках к XVII в. См.: В. М. Жирмунский. Немецкая диалектология, стр. 279—280; A. van Loey, Schönfeld's historische grammatica van het Nederlands. Klankleer, vormleer en woordvorming, Zutphen, 1960, стр. 57; М. И. Стеблин-Каменский, История скандинавских языков, М.—Л., 1953, стр. 130—131.

между подсистемами смычных и щелевых, так и внутри самой подсистемы щелевых сохранение изолированной фонемы / f / вряд ли было оправдано потребностями системного порядка. Дальнейшее существование лишенной коррелята в серии сильных глухих щелевых фонемы / f / в фонологических системах верхненемецких диалектов означало бы сохранение фонемы, обладающей собственным, нигде более не используемым различительным признаком — межзубностью, и шло бы вразрез с тенденцией к максимальной экономичности системы.

Упрочение позиций фонемы / f / в системе могло бы произойти лишь в том случае, если бы в серии сильных глухих щелевых развился коррелят к / f /, т. е. фонема, которая характеризовалась бы локальным различительным признаком межзубности в соединении с модальными различительными признаками силы и щелинности. Однако тот путь, по которому из во многом аналогичного состояния выходил английский язык, а именно расщепление старой фонемы / f / на / θ / и / δ / не мог привести к исходным результатам в верхненемецком, поскольку там озвончение слабого глухого межзубного спиранта в безударных и слабоударных словах носило фонетический, а не фонологический характер, так как подсистему щелевых конституировала корреляция силы.

Фонема / f / не могла также развить и сильных вариантов, которые впоследствии, отщепившись, дали бы соотносительную с / f / сильную межзубную фонему. Это было невозможно, потому что ни один германский спирант в верхненемецком не обнаруживал усиления артикуляции²⁹. Наоборот, для серии слабых глухих щелевых характерно развитие в сторону дальнейшего ослабления, ср., например, переход интервокального германского f в большинстве средненемецких диалектов в слабое билабиальное w , ослабление германского x в придыхание h ³⁰.

Таким образом, состояние системы древневерхненемецкого консонантизма не представляло возможности для того, чтобы степень интегрированности фонемы [f] возросла в ходе каких-либо процессов синтагматического плана. Фонема / f /, степень включения которой в систему была меньше, чем у остальных щелевых, оказывалась наиболее подверженной различного рода изменениями в своей фонетической реализации, что в пределе могло привести и действительно привело к ее исчезновению. Процесс постепенного исчезновения фонемы / f / в ходе последовательного замещения ее фонемой / d / в одной позиции за другой и составляет с историко-фонологической точки зрения содержание перехода $\text{f} > d$.

При этом естественно, что фонема / f / сливалась в древневерхненемецком именно с фонемой / d / . Такой путь развития обуславливался тем, что у обеих фонем имелся общий признак — слабость, и известной близостью места образования реализаций / f / и / d / . Последнее обстоятельство имело существенное значение для совпадения реализаций обеих фонем в пользу / d / : как известно, межзубный щелевой при определенных условиях довольно легко переходит в слабый смычный, характеризующийся зубной смычкой³¹. По-видимому, уже в раннем древневерхненемецком фонема

²⁹ В этой связи трудно согласиться с П. Валентэном, который на основании нескольких написаний типа *fethdhâhha* «крылья», где *thdh* отражают зап.-герм. геминату / pp /, постулирует наличие в диалекте «Исидора» сильного коррелята к / f / . См.: P. Valentin, *Althochdeutsche Phonemsysteme*, стр. 344.

³⁰ Подробнее см.: В. М. Ж и р м у н с к и й. Немецкая диалектология, стр. 328—329, 335—336.

³¹ Явление, хорошо знакомое по быстрой английской речи, когда [ð] безударных слов типа *the, there* может заменяться слабым [d]. Ср. также замену [ð] на [d, t] после сонорных в исландских формах императива типа *komdu* «приходи!», в энклитическом местоимении *þu* «ты», в вопросительных предложениях, начинающихся с формы 2-го лица ед. числа наст. времени глагола *vera* «быть» типа *Ertu...?* «Ты (есть)...?».

/ʀ/ реализовалась именно как слабый смычный зубной³² в позициях после сонорных фонем [l n r]. Эта особенность ее реализации после названных фонем достаточно удовлетворительно объясняется ассимилятивным воздействием их — и в первую очередь /l n/ — на последующий ффрикативный. В самом деле, фонематически /l n/, с одной стороны, и /ʀ/, с другой стороны, присущ общий различительный признак апиальности (фонетически: участие общего различительного признака апиальности (фонетически: участие в образовании соответствующих звуков одного и того же активного органа) как бы создает предпосылки для уподобления этих фонем друг другу в соответствующих условиях. В условиях, когда /l n/ непосредственно предшествуют /ʀ/, происходит уподобление /ʀ/ сонорным фонематическим по признаку смычности, в результате чего возникающие смычные варианты /ʀ/ притягиваются фонематически /d/ и противопоставление обеих фонем в данной позиции нейтрализуется в пользу /d/³³. Итак, верхненемецкий переход /ʀ/ в /d/, а вернее, слияние обеих фонем и появление /d/ во всех позициях, где в общегерманском была фонематическая /ʀ/, оказывается обусловленным действием следующих факторов.

1. Процессами германского передвижения согласных, которые привели к утрате равновесия между подсистемой смычных и вновь возникшей подсистемой щелевых в результате перегрузки серии глухих щелевых за счет /ʀ/ и одновременно вызвали в системе «ответную реакцию»; последняя была направлена на восстановление равновесия между обеими частными системами и отмечается в большинстве германских языков.

2. Процессами второго передвижения согласных, которые еще больше усиливали асимметрию между двумя частными системами и тем самым ускорили протекание этой «ответной реакции» именно в верхненемецких диалектах по сравнению с другими германскими языками³⁴.

3. Вызванными ассимилятивными процессами артикуляционными особенностями реализаций фонемы /ʀ/ в отдельных позициях (прежде всего после сонорных), которые приводили к совпадению /ʀ/ и /d/ в этих позициях и со своей стороны подготавливали слияние обеих фонем.

Разумеется, это не исключает и наличия иных факторов, которые действовали наряду с названными, но не поддаются реконструкции.

Слияние /ʀ/ и /d/ повлекло за собой следующие последствия для системы шумных согласных в верхненемецком: 1) с исчезновением фонемы /ʀ/ исчезла и межзубная артикуляция, т. е. была достигнута артикуляторная экономия, не имевшая отрицательных последствий для процесса общения³⁵; 2) с исчезновением изолированной фонемы /ʀ/ устранялась и перегрузка в серии глухих слабых щелевых; тем самым устранялась асимметрия между подсистемами смычных и щелевых, возникшая в результате германского передвижения согласных, и связи между этими подсистемами становились более тесными.

³² Ср. свидетельство современника об артикуляции *d* в начале нововерхненемецкого (XVI в.): «*d* вместе с похожим на него *t* прижимает язык вверх к небу, кончик языка касается нижних зубов» (цит. по кн.: W. Viëtor, Elemente der Phonetik des Deutschen, Englischen und Französischen, Leipzig, 1923, стр. 293).

³³ В положении после /r/ ффрикативные варианты /ʀ/ сохранились дольше, чем после /l n/ скорее всего из-за прерывного характера плавного дрожащего. Однако и в этой позиции переход $\beta > d$ состоялся, что было вызвано, по-видимому, ассимилятивным воздействием ослабленного дрожащего на межзубный ффрикативный: вполне возможно предположить перед /ʀ/ вариант /r/, характеризовавшийся меньшим числом колебаний, чем в других положениях, вплоть до одноударного [r]. Такое [r], будучи более смычным, чем прерывным, также могло ассимилировать себе /ʀ/ по признаку смычности.

³⁴ В этом смысле вполне правомерно говорить о примыкании перехода $\beta > d$ ко второму передвижению согласных. См., например: В. М. Жирмунский, История немецкого языка, стр. 130.

³⁵ Катализ по А. Мартине. См.: А. Мартине, Принцип экономии в фонетических изменениях, М., 1960, стр. 122—123, 192.

М. Д. СТЕПАНОВА

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО ТОЖДЕСТВА

(На материале современного немецкого языка)

Проблема тождества единиц языка не нова: она в том или ином виде, с применением разной терминологии, затрагивается в языковедческих работах разных эпох и разных направлений. Но, как и многие другие проблемы, возбуждавшие интерес в прошлом, эта проблема оформляется, приобретает принципиальную значимость и эксплицитность в последние десятилетия.

Тождество единиц языка следует рассматривать в органической связи с понятием вариантности. Вариантность, как известно, нашла детальное освещение в фонологии, где варианты классифицируются и описываются в плане их отнесения к одной общей фонеме, т. е. в плане сохранения ее тождества¹. В отдельных работах внимание уделено и вопросам тождества слова как лексической единицы. Трактуют тождество слова с разных точек зрения, А. И. Смирницкий останавливается на разных типах его вариантов (лексико-семантических, фономорфологических, фонетических, морфологических²); значительный интерес представляет его анализ тождества слова при явлении многозначности и при отграничении многозначности от омонимии³. Последний вопрос занимает одно из центральных мест в книге О. С. Ахмановой «Очерки по общей и русской лексикологии»⁴. Вариантность в области грамматики получила освещение, например, в работах Е. И. Шендельс, подчеркивающей, что морфологические варианты образуют единую словоформу⁵ (т. е. не нарушают ее тождества). Е. И. Шендельс описывает также синтаксические варианты — словосочетания и предложения⁶. Выдвигая «ортологию» в качестве особой лингвистической дисциплины, занимающейся проблемами нормализации речи, О. С. Ахманова, Ю. А. Бельчиков и В. В. Веселитский рассматривают вариантность как основную категорию данной дисциплины⁷. Н. Н. Семеник, подвергая подробному и интересному анализу вопросы вариантности на разных уровнях языка, определяет структурные варианты как «формальные модификации», «не связанные с изменением основного лингвистического значения данной конкретной единицы»⁸.

Специальный интерес представляет разграничение тождества и синонимии, в отношении которого нет единого мнения. Авторы названной выше

¹ Н. С. Трубейко, Основы фонологии, М., 1960, стр. 52—59.

² А. И. Смирницкий, К вопросу о слове (Проблема «тождества слова»), «Труды Ин-та языкознания [АН СССР]», IV, 1954; е г о ж е, Лексикология английского языка, М., 1956, стр. 35—47.

³ А. И. Смирницкий, К вопросу о слове..., стр. 36—47.

⁴ О. С. Ахманова, Очерки по общей и русской лексикологии, М., 1957.

⁵ Е. И. Шендельс, Грамматическая синонимия (на базе морфологии). Автореф. докт. диссерт., М., 1964, стр. 11.

⁶ Е. И. Шендельс, Синтаксические варианты, ФН, 1962, 1.

⁷ О. С. Ахманова, Ю. А. Бельчиков, В. В. Веселитский, К вопросу о «правильности» речи, ВЯ, 1960, 2.

⁸ Н. Н. Семеник, Некоторые вопросы изучения вариантности, ВЯ, 1965, 1.

коллективной статьи относят к разным типам вариантности такие параллельные выражения, как *самолет — аэроплан* («временная вариантность»), *перешагнуть через лужу — форсировать лужу* («стилистическая» или «оценочная» вариантность)⁹, т. е. параллельные единицы, обычно квалифицируемые как синонимы. С другой стороны, рассматривая многозначность как «вариации» слова по значению и омонимию как «предел лексико-семантического варьирования слова», Ю. С. Степанов добавляет: «Соблазнительно было бы ради единства теории рассматривать явление синонимов — синонимию как предел варьирования слова в плане выражения» и ссылается при этом на специальный раздел в книге О. С. Ахмановой «Очерки по общей и русской лексикологии» — «Фонетическое и морфологическое варьирование слова и синонимия как предел такого варьирования»¹⁰. Таким образом, согласно данному мнению, синонимы выходят за пределы вариантности единиц языка в плане выражения подобно тому, как омонимы представляют собой предел их вариантности в плане содержания. Четкое разграничение вариантов и синонимов на уровне грамматики проводит Е. И. Шендельс¹¹.

Присоединяясь ко второй точке зрения, мы считаем необходимым, во-первых, строго различать неизменяемость значения при вариантности его формального выражения (вариантность в плане выражения) и неизменяемость структуры при вариантности ее значения (вариантность в плане содержания), во-вторых, принимать в качестве обязательного условия вариантности сохранение осязаемого инварианта при тех или иных изменениях в обоих случаях (т. е. инварианта в плане выражения или инварианта в плане содержания). Вариантами в плане выражения являются, например, параллельные структуры, рассматриваемые А. И. Смирницким: *кентавр — центавр*, *вбнами — волнами*, *спазм — спазма*, *осмыслять — осмысливать*¹² и т. д.; ср. также: *Abfahrtszeit — Abfahrtzeit*, *gesalzen — gesalzt*, *melkt — milkt* и другие формы слов, названные в статье Н. Н. Семенюк¹³. В качестве структурного инварианта в перечисленных парах слов служат основы или части основы слова при наличии ее закономерных фонетических, морфологических, фонетико-морфологических изменений. Вариантность в плане содержания связана с полисемией слов [ср. примеры А. И. Смирницкого: *современный* 1) «нынешний, теперешний», 2) «одновременный с кем-либо, с чем-либо»; *день* 1) «светлая часть суток», 2) «сутки — с полуночи до полуночи или с утра до утра, также и вообще сутки»; 3) «рабочий день»¹⁴; в первом примере инвариантом служит значение совпадения во времени, во втором — соотнесение с определенным отрезком времени или с его частью] и с полисемией грамматических форм, как, например, настоящего времени (в ряде языков), выражающего действие продолжающееся, повторяющееся, мгновенное.

Принимая во внимание вышеизложенное, можно следующим образом охарактеризовать лингвистическое тождество и лингвистическую вариантность. Тождество единицы языка обусловлено: при формальных изменениях — их закономерностью, наличием структурного инварианта и стабильного значения, при семантических сдвигах — наличием смыслового инварианта и стабильной

⁹ О. С. Ахманова, Ю. А. Бельчиков, В. В. Веселитский, указ. соч., стр. 37—38.

¹⁰ Ю. С. Степанов, Основы языкознания, М., 1966, стр. 155.

¹¹ Е. И. Шендельс, Грамматическая синонимия.

¹² А. И. Смирницкий, К вопросу о слове..., стр. 32—41.

¹³ Н. Н. Семенюк, указ. соч., стр. 49 и сл.

¹⁴ А. И. Смирницкий, К вопросу о слове..., стр. 36—37.

структуры. Вариантность — это изменение единицы языка (структурное или семантическое) в пределах ее тождества.

Варианты могут иметь место при совпадающей, ограниченной или дополнительной дистрибуции: в первом случае мы имеем свободную, во втором — частично свободную, в третьем — альтернативную вариантность. Свободная вариантность наблюдается в плане выражения; ср. в немецком языке варьирование некоторых грамматических форм (*des Sohnes — des Sohns* и др., *die Porträte — die Porträts* и др.); наличие — отсутствие умлаута у некоторых форм множественного числа существительных (*Generale — Generäle* и др.); чередование полносложных — неполносложных соединений (*Berg-* и *Bergesgipfel*, *Schiff-* и *Schiffsbau*, *inhalt-* и *inhaltsbezogen*) и т. д. Та же вариантность может быть в других случаях альтернативной (встречается только *des Lehrers*, но *des Glases*; только *die Tische*, но *die Klubs*; только *Waldrand*, но *Waldessaum* и т. д.). При этом если альтернативные варианты не выходят за пределы определенных закономерностей (четкое чередование грамматических структур; наличие вполне определенных соединительных элементов или их отсутствие), то твердые закономерности окружений прослеживаются далеко не всегда. Частично-свободная вариантность также встречается в плане выражения и обусловлена, главным образом, стилистическими или территориальными условиями, ср. в немецком языке *die Länder*, но *die Lande* (поэт.); литерат. *sich erkälten* и южн. *sich verkälten* и т. д.¹⁵ Альтернативные варианты прослеживаются и в плане содержания, и в плане выражения. Обычно многозначность лексемы нейтрализуется контекстом, отражающим экстралингвистическую ситуацию; ср.: *in die Schule gehen — zu Fuß gehen — nach Norden gehen* (дополнительная дистрибуция, обуславливающая разные оттенки значения глагола *gehen*, выражена лексическим заполнением обстоятельства); то же касается многозначных грамматических форм. В плане выражения альтернативная вариантность связана, в первую очередь, с явлением алломорфности, анализ которого представляет собой предмет дальнейшего изложения¹⁶.

*

Тождественность и обуславливающие ее варианты, как было показано, характеризуют единицы разных уровней. В данной статье рассматривается тождество корневых морфем (как при грамматических, так и при словообразовательных процессах) и тождество лексических основ при так называемом безаффиксном словопроизводстве: оба вида тождества объединяет, как будет показано ниже, их особый — лексико-грамматический характер.

Условия тождества морфем достаточно подробно освещены в работах представителей дескриптивной теории, согласно которой морфема — собирательное понятие, совокупность реализующих ее алломорф (альтернантов морфемы). Критериями тождества морфем служат: 1) общность значения, 2) дополнительная дистрибуция, 3) параллельные конструкции¹⁷. В общем такое понимание тождества морфем (речь идет о тождестве альтернативном, или, по терминологии Л. Ельмслева, о его манифеста-

¹⁵ Ср. понятия «полных» и «неполных» вариантов в статье Н. Н. Семенюк (указ. соч., стр. 50).

¹⁶ О делении вариантов на «свободные» (вариации) и «связанные» (вариаты) в связи с разными условиями дистрибуции см.: Л. Ельмслев, Прологомены к теории языка, сб. «Новое в лингвистике», I, М., 1960, стр. 338 и сл.

¹⁷ См.: Г. Г л и с о н, Введение в дескриптивную лингвистику, М., 1959, стр. 136

ции в «вариатах») может быть принято, но с некоторыми коррективами. Исходя из данного выше определения тождества, следует добавить четвертый критерий, а именно — наличие у морфемы структурного инварианта при ее закономерных фонетических изменениях. Таким образом, например, в немецком языке разные суффиксы множественного числа существительных (*-e, -en, -er, -s*), флексии сильного и слабого склонения существительных мужского рода (*-es, -en*), суффиксы причастия II (*-t* и *-en*) и т. п. должны рассматриваться как функциональные синонимы, а не как алломорфы общей морфемы, т. е. выходят за пределы тождества¹⁸. Далее необходимо при анализе алломорф исходить из категориальной классификации морфем (из их деления на лексические — корневые и словообразовательные — и грамматические аффиксы и флексии), так как названные выше критерии (включая четвертый критерий) преломляются по-разному по отношению к их разным классам. Например, в немецком языке грамматические полиалломорфные морфемы единичны (см. выше *-s, -es* в родительном падеже у слов типа *Lehrer-s, Glas-es*; ср. далее алломорфы инфинитивного суффикса *lach-en, lächel-n* и некот. др.); малочисленны и своеобразны алломорфы некоторых словообразовательных суффиксов, к которым можно отнести, с известной натяжкой, простые и контаминированные (или сложные) суффиксы типа *-er, -ler, -ner, -enser, -aner; -heit, -keit, -igkeit, -losigkeit* и некот. др.; дуалломорфна только одна префиксальная словообразовательная морфема: *miß* — *misse*, причем *misse* встречается лишь в одном слое (*Missetat*)¹⁹. С другой стороны, полиалломорфность корневых морфем выявляется в немецком часто и с достаточной четкостью. При этом альтернативное варьирование корневых морфем наблюдается и при грамматических, и при словообразовательных процессах. Начнем с анализа варьирования грамматического:

<i>tret-en</i>	<i>tritt-st</i>	<i>trat</i>	<i>trät-e</i>
<i>lauf-en</i>	<i>läuf-st</i>	<i>lief</i>	
<i>greif-en</i>		<i>griff</i>	

Три первых из названных выше критериев тождества (неизменяемость лексического значения, дополнительная дистрибуция, параллельность конструкций) налицо во всех трех примерах. Следует подробнее остановиться на четвертом критерии. Грамматические изменения корня выявляются у глагола *treten* в четырех алломорфах (*tret — tritt — trat — trät*), которые обслуживают все его формы. Эти изменения связаны с повышением тона, аблаутом и умлаутом, — явлениями, закономерными для немецкого языка вообще, для его сильных глаголов в частности, уже — для целой группы глаголов, характеризуемой данными чередованиями в определенных грамматических формах: структурный инвариант заключается в общем составе согласных у всех алломорфов. Такие же закономерности характеризуют глаголы *laufen* и *greifen*, но с той разницей, что парадигма глагола *laufen* обслуживается не четырьмя, а тремя алломорфами (*lauf — läuf — lief*), а парадигма глагола *greifen* — двумя алломорфами (*greif — griff*). Закономерные изменения, в разных, но ограниченных комбинациях, прослеживаются у остальных сильных глаголов немецкого языка: число алломорфов корня колеблется от двух (ср., например, *greifen — griff*) до пяти (ср., например, *sprechen — sprich — sprach — spräche — gesprochen*); иногда закономерным изменениям под-

¹⁸ Ср.: Г. Г л и с о н, указ. соч., стр. 136.

¹⁹ Семантически сходные словообразовательные морфемы, не характеризующиеся структурной инвариантностью (типа *-chen* и *-lein, -tum* и *-schaft, un-* и *miß*) относятся к синонимам, хотя соответствующие слова могут быть вариантами (ср. *Bauerntum, -schaft*).

вергаются согласные (ср. [traebʏn] — [tri : p]), что сужает фонемный состав инварианта корневой морфемы. Иногда, наряду с альтернативными вариантами, наблюдается в претерите конъюнктива свободное варьирование, обусловленное историческими причинами, ср. *befähle* — *beföhle*; *schwätme* — *schwötmte* и некот. др. (фактически это варьирование часто бывает ограничено стилевыми оттенками в связи с архаичностью одного из вариантов: в таком случае вариантность оказывается полусвободной²⁰).

Варьирование субстантивных и адъективных корневых морфем при грамматических процессах, как правило, связано с отсутствием — наличием умлаута, появляющегося в формах множественного числа у существительных и в сравнительной и превосходной степени у прилагательных. Ср.:

<i>die Kunst</i>	—	<i>die Künste</i>
<i>der Kranz</i>	—	<i>die Kränze</i>
<i>das Buch</i>	—	<i>die Bücher</i>
<i>klug</i>	—	<i>klüger</i>
<i>groß</i>	—	<i>größer</i>
<i>jung</i>	—	<i>jünger</i> и т. д.

Соответствующие алломорфы обслуживают всю парадигму каждого данного имени. В отдельных случаях такое же варьирование может быть свободным (ср. приведенный выше пример *der General* — *Generale* — *Generäle*, а также *der Laden* — *die Laden* — *Läden* и формы некоторых других существительных; ср. также прилагательные: *dumm* — *dummer* — *dümmer*, *gesund* — *gesunder* — *gesünder* и т. д.).

Особое место в морфологической системе занимают формы неправильных глаголов (в том числе супплетивные). Чередование *steh* — *stand*, *geh* — *ging* — *gang* у *stehen* и *gehen*, *werd* — *wurd* — *ward* у *werden*, *tu(n)* — *tat* у *tun* можно рассматривать как наличие алломорф с той оговоркой, что речь идет об индивидуальном чередовании и особом типе структурного инварианта (в данном случае варьируется не только состав гласных, но и частично состав согласных). Супплетивные формы у глагола *sein*, как и у некоторых прилагательных и наречий (ср. *gut* — *besser*, *viel* — *mehr*) не отвечают четвертому критерию и не могут рассматриваться как алломорфы одной морфемы: в данном случае мы имеем объединение разных корневых морфем в одной парадигме.

Изменения корневых морфем при словообразовательных процессах подчиняются тем же общим закономерностям, что и при грамматических процессах (речь идет об аблауте, повышении тона, умлауте, иногда закономерном чередовании согласных); наблюдается и полное совпадение грамматических и лексических вариантов в конкретных случаях, ср.:

<i>greifen</i>	—	<i>griff</i>	—	<i>der Griff</i>
<i>treten</i>	—	<i>tritt</i>	—	<i>der Tritt</i>
<i>laufen</i>	—	<i>läufst</i>	—	<i>der Läufer</i>
<i>Kunst</i>	—	<i>Künste</i>	—	<i>der Künstler</i>
<i>Kranz</i>	—	<i>Kränze</i>	—	<i>bekränzen</i>
<i>Buch</i>	—	<i>Bücher</i>	—	<i>das Büchlein</i>
<i>klug</i>	—	<i>klüger</i>	—	<i>ausklügeln</i>
<i>groß</i>	—	<i>größer</i>	—	<i>die Größe</i>
<i>jung</i>	—	<i>jünger</i>	—	<i>der Jüngling</i>

Критерии дополнительной дистрибуции и наличия структурного инварианта корневой морфемы при словообразовательных процессах вполне

²⁰ О свободном варьировании форм сильных — слабых глаголов см. выше стр. 90. Это варьирование, по тем же причинам, что и варьирование форм претерита конъюнктива, может рассматриваться как полусвободное.

релевантны. Несколько изменяются два других критерия тождества. Неизменяемость лексического значения следует рассматривать как относительную, поскольку при словопроизводстве происходит транспонирование корневой морфемы в область лексики, что связано с близкими, но разными значениями слов: корневая морфема служит выразителем лишь самого общего значения, которое можно рассматривать как семантический инвариант.

Что касается параллельности конструкций, четко выявляющейся при грамматических процессах, то при словопроизводстве имеется известная асимметрия: одна и та же полиалломорфная корневая морфема необязательно обслуживает разные части речи. Нет полной симметрии и в чередовании алломорфов. Так, если существительные *Künstler, Läufer, Jüngling* и др., глаголы *bekränzen, ausklügeln* и т. д. соответствуют грамматическим изменениям корня, то *Schüler, Verächter, klären, glänzen* и др. соотносимы с грамматически неизменяемыми, т. е. моноалломорфными (в пределах одного слова) корневыми морфемами, ср. *Schule, verachten, klar, Glanz* и др. Такая асимметрия объясняется сложными историческими процессами и закономерностями (включая и действие аналогии), обуславливающими изменения корневых морфем при словопроизводстве. Изучение этих закономерностей не снимает необходимости строго синхронного анализа явлений алломорфности. В итоге последнего выявляются следующие особенности тождества корневых морфем.

При грамматических процессах корневые морфемы реализуются в строго определенных типах и чередованиях алломорф при наличии стабильных структурных инвариантов и при сохранении общего лексического значения морфем; последнее обстоятельство свидетельствует о переплетении в данном случае уровня грамматики и уровня лексики. Этот момент еще усиливается возможностью использования тех же закономерностей вариантности и, в ряде случаев, тех же конкретных алломорф при словопроизводстве.

*

Безаффиксное словопроизводство — своеобразное явление в словообразовании. По отношению к нему употребляются разные термины: «конверсия»²¹, «несобственная деривация»²², «нев्यраженная производность»²³ (ср. термин В. Хенцена «*Ableitung ohne erkennbare Suffixe*»²⁴); «обратное словопроизводство»²⁵. В последнее время часто употребляется термин «взаимопереход частей речи» (ср. «*Wortartwechsel*» у В. Хенцена²⁶). Разнообразие формулировок отражает различный подход к данному способу словообразования, не всегда единообразный даже у одного и того же автора. С одной стороны, речь идет именно о словообразовании, об одном из путей развития словарного состава языка. С другой стороны, подчеркивается тесная связь безаффиксного словопроизводства с грамматикой, по-

²¹ А. И. Смирницкий, Лексикология английского языка, стр. 71—83.

²² Н. Д. Арутюнова, Обратное словообразование и вопросы несобственной деривации, ВЯ, 1960, 2, стр. 78—79.

²³ Е. С. Кубрякова, Что такое словообразование?, М., 1965, стр. 60 (этот термин объединяет несколько моделей: конверсию, переход в другую часть речи грамматической формы, фонологическое преобразование корня, отсечение словозменительных показателей).

²⁴ W. Henzen, Deutsche Wortbildung, Halle (Saale), 1947, стр. 249.

²⁵ А. В. Мясина, К вопросу об обратном образовании слов в английском языке, «Вестник ЛГУ», Серия истории, языка и литературы, 1960. 4, 20.

²⁶ W. Henzen, Deutsche Wortbildung..., стр. 249.

сколькx его назначение — это «транспонирование из одной части речи в другую»²⁷. По отношению к русскому языку за этим способом словообразования утвердилось наименование «морфолого-синтаксического»²⁸.

Сложность анализа безаффиксного словопроизводства объясняется особенностями его диахронно-синхронной природы. При всех других способах словообразования первичная и вторичная основы слов разграничиваются достаточно четко (за исключением некоторых случаев действительно «обратного» словопроизводства, когда единица меньшего объема извлекается из единицы большего объема; ср., например, в немецком языке *Fußball* — ср.-в.-нем. *vuozvallen*, *Freimut* — *freimütig*, *Blödsinn* — *blödsinnig* и другие так называемые *Scheinkomposita*²⁹. При безаффиксном словопроизводстве выявление первичности/вторичности основ осуществляется на основе этимологического, а не непосредственно синхронного анализа. Правда, можно назвать и отдельные признаки производности, релевантные в плане синхронии. Таковы в немецком языке:

1. Наличие умлаута, первоначально обусловленного фонетически, а затем по аналогии проникшего в модель вербализации именных основ; ср. *stark* — *stärken*, *kurz* — *kürzen*, *Knopf* — *knöpfen*, *Krone* — *krönen*, *Stromströmen*, *Gruß* — *grüßen* и т. д.

2. Грамматическая форма производного слова, как-то: сохранение парадигмы прилагательного при его субстантивации (ср. *der Deutsche* — *ein Deutscher*); слабое спряжение отыменного глагола (*grünen*, *schmieden* и т. д.; возможно, однако, и образование имен от основ слабых глаголов — ср. *Kauf* от *kaufen*, *Ärger* от *ärgern* и некот. др.). Весьма показательны в данном отношении слабые глаголы, образованные от сложных основ, особенно, если они включают компонент глагольного происхождения: *handhaben* от *Handhabe*, *ratschlagen* от *Ratschlag*, *herbergen* от *Herberge* и др.

3. Объединение производных слов в отдельные семантические поля, как-то: фактивности у переходных глаголов, образованных от прилагательных (*röten* — *rot*, *weißen* — *weiß*, *bereiten* — *bereit* и т. д.); имен действия и состояния у отглагольных существительных (*Ruf* — *rufen*, *Schlag* — *schlagen*, *Trieb* — *treiben*, *Klang* — *klingen* и др.); носителя признака у субстантивированных прилагательных: *der Kranke*, *die Kleine* и т. д.

Однако, помимо того, что эти признаки не всегда безоговорочно могут быть приняты, они имеются налицо далеко не у всех безаффиксно-производных слов.

Независимо от наличия или отсутствия релевантных признаков первичности/вторичности основ безаффиксное словопроизводство может во всех случаях (включая полиалломорфность корневой морфемы) рассматриваться как функционирование одной и той же основы в условиях разной дистрибуции, морфологической и синтаксической, соответствующей разным частям речи. Ср.: прилагательное *grün*, существительное *das Grün*, глагол *grünen*; прилагательное *reif*, глагол *reifen*; прилагательное *gesund*, глагол *gesunden*; прилагательное *stark*, глагол *stärken*; существительное *Schuster*, глагол *schustern*; существительное *Dampf*, глагол *dampfen*; существительное *Strom*, глагол *strömen*; глагол *treten*, существительное *Tritt*; глагол *verstehen*, существительное *Verstand* и т. д. и их дистрибутивные особенности.

²⁷ Е. С. Кубрякова, указ. соч., стр. 60.

²⁸ В. В. Виноградов, Вопросы современного русского языка, «Р. яз. в шк.», 1951; 2; Е. М. Галкина-Федорук, В. В. Горшков, Н. М. Шанский, Современный русский язык, 1, М., 1962, § 21 и др.

²⁹ См.: W. Schmidt, Deutsche Sprachkunde, Berlin, 1959, стр. 130.

Возвращаясь к данному выше определению тождественности, можно сказать, что в этих случаях мы имеем дело с тождеством основы и с наличием ее альтернативной вариантности, при учете ряда специфических особенностей. Вариантность здесь характеризует план содержания, т. е. значение лексических основ при лексической полисемии. Однако полисемия в данном случае связана в первую очередь с категориальным значением части речи. Как бы незначительны ни были сдвиги значения при взаимопереходе, одна часть речи никогда не может совпасть по значению с другой частью речи: предметность не может быть равна признаку, а признак, как и предметность — процессу; ср. *grünes Gras* — *das Grün des Grasses*, *das Gras grünt*; *die Äpfel sind reif* — *die Äpfel reifen*; *der kranke Mann* — *der Kranke*; *die Hand greift* — ... *der Griff der starken Faust*... и т. д. К этим неизбежным категориальным различиям присоединяются разное содержание и разный объем смысловой структуры соответствующих лексем. Так, прилагательное *grün* может употребляться не только как обозначение зеленого цвета, но и для характеристики плохого (больного) цвета лица (*du siehst ganz grün aus!*), незрелости в прямом и переносном смысле (*grünes Obst*, *ein grüner Junge*), иметь ряд других оттенков значения. Существительное *das Grün* обозначает предметное понятие зеленого цвета (*die Dame in Grün gekleidet*), зелень (*das frische Grün der Wiesen*), но не имеет других значений, присущих прилагательному *grün*. Смысловая структура глагола *grünen* ограничена обозначением процесса «зеленения»; лишь редко этот глагол употребляется в переносном смысле (ср. «Und grünt des Lebens goldner Baum», Goethe). Естественно, что смысловые сдвиги могут быть весьма значительны, вплоть до исчезновения смыслового инварианта, т. е. достижения предела семантической вариантности — омонимии; ср. *still* «тихий» и *das Kind stillen* «кормить ребенка грудью»; *gehen* «идти» и *der Gang* «коридор», *der Gang* «перемена блюд»; *krank* «больной» и *j-n kränken* «обидеть»; *stark* «сильный, крепкий» и *die Wäsche stärken* «крахмалить белье» и т. д. В ряде случаев наряду с омонимиями имеются и формально совпадающие с ними лексемы, не потерявшие семантической связи со своим вариантом, например, *der Gang* «ход, походка» (ср. *gehen*); *stillen* «успокаивать» (ср. *still*) и т. д.

Структура основ при взаимопереходе может быть стабильной (ср. приведенные выше примеры слов с основами *grün*, *still*, *reif* и мн. др.) или же изменяется при сохранении инварианта, в полном соответствии с изменениями корневой морфемы (как у корневых, так и некорневых слов; ср. *betreiben* — *Betrieb*, *verstehen* — *Verstand*, *vorgehen* — *Vorgang* и т. д.). Возможно и еще одно типичное для взаимоперехода явление. В ряде случаев имеет место так называемая трансфигурация: в лексическую основу слова переходит не основа, а грамматическая форма другого слова; ср. субстантивацию инфинитива или причастия (*leben* — *das Leben*, *gelehrt* — *der Gelehrte*), адвербиализацию падежных форм (*des Abends* — *abends*). Тогда имеет место переключение грамматической морфемы в область лексики, ее превращение в словообразовательный формант. При полной законченности процесса возникает новый словообразовательный аффикс; ср. наречный суффикс *-s* и породившую его флексию родительного падежа, аффиксы причастия II *ge-* и *-t*, при помощи которых прилагательные образуются непосредственно из именных основ (*gestieft*, *gehört*), причем суффикс *-t* может взаимодействовать с другими словообразовательными префиксами (*bebrillt*, *verkellert*, *entmenscht* и др.).

Естественно, что описанный выше подход к анализу безаффиксного словопроизводства (в данном случае больше подходит термин «взаимопереход») не заменяет его изучения как способа словообразования, опирающегося в первую очередь на анализ этимологический, т. е., в конечном

счете, на происхождение данных вариантов. Рассмотрение же его в чисто синхронном плане приводит к следующим выводам.

Тождество основ при «взаимопереходе» частей речи характеризуется лексической вариантностью, а именно многозначностью соответствующих лексем, но многозначность в данном случае включает как основной момент различное категориальное (т. е. лексико-грамматическое) значение соответствующих частей речи. Дополнительная дистрибуция, обуславливающая альтернативную вариантность основ, выявляется в морфологическом оформлении слова, соответственно парадигмам разных частей речи, и в синтаксическом окружении, также характеризующем каждую часть речи, т. е. является грамматической дистрибуцией. Структура основ может быть стабильной или вариантной: в последнем случае ее изменения либо совпадают с рассмотренными выше изменениями корневых морфем, либо обусловлены включением в лексическую основу слова грамматического форманта другого слова. Таким образом, взаимопереход частей речи, как и варьирование корневых морфем, представляет собой один из примеров тесного переплетения уровня лексики и уровня грамматики, взаимодействия лексических и грамматических процессов, а оба типа тождества следует рассматривать как случаи тождества лексико-грамматического.

Е. С. КУБРЯКОВА

К ВОПРОСУ О ПРОСТРАНСТВЕННОМ
МОДЕЛИРОВАНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

С проблемой моделирования лингвистических систем тесно связан вопрос об описании системы языка в виде особого пространства — вопрос, лишь сравнительно недавно ставший предметом обсуждения в специальной литературе¹. Под признаковым пространством (attribute space, property space) понимают обычно некую условную величину, создаваемую областью между пересечением выбранных заранее координат с тем, чтобы провести дальнейшее ее изучение через установление физических (математических, геометрических) свойств такой модели, т. е. путем ее «измерений». Понятие признакового пространства вводится как для того, чтобы более полно очертить круг взаимосвязанных явлений или категорий и возможные диапазоны их распространения и варьирования, так и для того, чтобы охватить в совокупности те явления, которые образуют в языке известное структурное целое². Как отмечают отдельные исследователи, с помощью понятия признакового пространства можно также перейти от старого, классификационного принципа определения научных понятий к новому, «ступенчатому», заключающемуся в том что «не просто классификационно описывается данное явление (например, тип), но указывается его место в „признаковом пространстве“ (Merkmalraum)»³.

С теоретической точки зрения описанный подход к системе языка вряд ли может вызвать возражения. Об этом свидетельствует, в частности, и то обстоятельство, что пространственные модели уже давно были с успехом применены в языкознании. Достаточно вспомнить в этой связи о разработанных представителями Международной фонетической ассоциации треугольниках гласных и других усовершенствованных и более сложных моделях аналогичного типа у других фонетистов, а позднее и фонологов. Но если для описания подсистем вокализма и консонантизма методы наглядного, пространственного отображения объективных отношений, складывающихся между отдельными элементами языка, получили достаточно широкое распространение⁴, причем в ходе описания были использованы

¹ Из немногочисленных работ, затрагивающих данный вопрос, можно назвать: J. H. Greenberg, The nature and uses of linguistic typologies, IJAL, XXIII, 2, 1957, стр. 70—71; A. Barton, The concept of property space in the language of social research, Glencoe, 1955; «Psycholinguistics», ed. by Ch. F. Osgood, Th. A. Sebeok, Baltimore, 1954, стр. 78—83; А. А. Зализняк, Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, О возможности структурно-типологического изучения некоторых моделирующих семиотических систем, сб. «Структурно-типологические исследования», М., 1962, стр. 140 и сл.

² Ср.: Э. А. Макаев, Сравнительная, сопоставительная и типологическая грамматика, ВЯ, 1964, 1, стр. 5.

³ М. И. Бурлакова, Т. М. Николаева, Д. М. Сегал, В. Н. Топоров, Структурная типология и славянское языкознание, указ. сб., стр. 7.

⁴ См. об этом: Г. П. Мельников, Объемные геометрические модели в пространстве физических характеристик для анализа статических и динамических свойств фонологических систем, М., 1965 (там же см. историю вопроса и соответствующую библиографию).

и плоскостные (двухмерные), и объемные (трехмерные⁵ и даже многомерные модели⁶), — границы возможного применения подобных моделей за пределами фонетики и фонологии продолжали оставаться неизученными. Между тем в работе ряда советских языковедов была выдвинута, хотя и в очень общей и абстрактной форме, мысль о необходимости использовать понятие языкового пространства для моделирования системы языка в целом, а далее и для сравнения языков в чисто типологических целях⁷. Конкретного воплощения, однако, эти идеи не получили, и тотальное лингвистическое пространство никем сконструировано не было. Представляется, что факт этот отнюдь не случаен и что решению поставленных задач должно предшествовать решение многих частных вопросов, касающихся структуры языка как величины гетерогенной и гетерохронной.

Моделирование системы языка в целом или даже отдельных его уровней нередко представляет собой задачу построения пространства многомерного, многомерной величины⁸. Неясность параметров этой величины исключает или во всяком случае затрудняет возможность ее адекватного моделирования. Наши же знания о том, от скольких факторов и каких именно зависит функционирование языка, далеко недостаточны или носят чересчур общий характер. Так, если в качестве параметров семантического уровня языка рассматривать семантические множители⁹, то можно отметить, что неполнота сведений о них настолько же затрудняет моделирование семантического пространства, насколько, напротив, обширность информации о дифференциальных признаках фонем облегчает создание моделей фонологических.

С другой стороны, пространственное моделирование языка может принимать самые различные формы в зависимости от того, какое конкретное содержание вкладывается исследователем в понятие пространства. Ср., например, разные по своей природе и сущности понятия языкового пространства, носящие топологический или чисто геометрический характер; ср. далее связанные с идеей пространственного моделирования понятия о семантических полях и полевых структурах грамматических явлений¹⁰ и т. д.

Из сказанного выше можно, по-видимому, сделать вывод, что пространственных моделей может быть создано несколько, что определение метрики, языкового пространства может носить разный характер и что, наконец методика пространственного моделирования или, точнее, интерпретация конструируемых моделей в метрическом отношении, может принимать разнообразие формы.

Для настоящей работы исходным является одно из математических определений пространства, и в силу одного этого предлагаемая модель

⁵ Помимо исследований, указанных Г. П. Мельниковым, см. также: А. П. Е в д о ш е н к о, К вопросу о применении стереометрической модели в области фонологии, сб. «Исследования по структурной типологии», М., 1963, стр. 200 и сл., где даны определения основных фонологических понятий в пространственных терминах.

⁶ См., например: М. И. Л е к о м ц е в а, Д. М. С е г а л, Т. М. С у д н и к, С. М. Ш у р, Опыт построения фонологической типологии близкородственных языков, «Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963)», М., 1963, особенно стр. 429 и сл.

⁷ См.: М. И. Б у р л а к о в а и др., указ. соч., стр. 9—10. Языковое пространство определяется здесь как очерченное «кругом возможных в данном языке реализаций наличных лингвистических единиц в соответствии с правилами их сочетания» (стр. 10).

⁸ Напомним, что в качестве многомерных рассматриваются величины, определяемые количеством параметров, большим трех. Так, имеющими четвертое измерение могут считаться объемные, т. е. трехмерные величины, функционирующие во времени.

⁹ См. В. В. И в а н о в, *n*-мерное пространство языка, «Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода», 5, М., 1957.

¹⁰ См., например: В. Г. А д м о н и, Основы теории грамматики, М.—Л., 1964, стр. 47 и сл.

носит, естественно, ограниченный характер. По этой же причине следует подчеркнуть, что все соображения, высказываемые ниже о свойствах данной модели, относятся к ней одной и потому нередко не могут быть связаны с оценкой метода пространственного моделирования как такового и тех частных пространственных моделей, которые уже созданы.

Понятие языкового пространства интерпретируется здесь в соответствии с таким определением пространства, согласно которому под ним имеют в виду «вообще любую совокупность однородных объектов (явлений, состояний, функций, фигур, значений переменных и т. п.), между которыми имеются отношения, подобные обычным пространственным отношениям (непрерывность, расстояние и т.п.)»¹¹. Изучаемые объекты рассматриваются при этом как «точки» пространства, и при их интерпретации выделяются от всех свойств данных объектов, кроме тех, которые определяются принятыми во внимание пространственно подобными отношениями. Строение пространства или его «геометрия» определяются тогда по размещению в нем отдельных точек, по их конфигурации и т. п.¹².

Моделируя языковую систему как пространство, необходимо, следовательно, удостовериться прежде всего в том, отвечает ли она тем двум требованиям, которые сформулированы в данном математическом определении пространства: однородности рассматриваемых объектов и возможности уподобления связей между ними связям пространственным. Хотя два этих пункта могут и должны явиться предметом особого обсуждения, уже и сейчас можно априорно утверждать, что соблюдение поставленных условий возможно лишь с существенными оговорками.

С одной стороны, представление в с е х лингвистических объектов в виде о д н о р о д н ы х значительно упрощает реальную картину языка и отходит не только от новейшего понимания языка как иерархической системы систем (уровней) с особыми для каждого уровня единицами и сеткой отношений между ними, но не совпадает и с традиционными воззрениями на язык как нечто цельное, но составленное из разных строевых элементов. Как показывает предыдущий опыт, пока еще не удавалось описать язык, пользуясь для этого лишь одной единицей описания. Даже в терминах такой глобальной единицы, как слово, подобное описание не может быть исчерпывающим. В связи с этим представляется, что пределы использования рассматриваемого понятия применительно к языку касаются прежде всего возможного выбора объектов, подлежащих анализу. По-видимому, метод пространственного моделирования в настоящем его виде может быть рекомендован только там, где в самой языковой действительности мы имеем дело с взаимодействием однородных объектов, или объектов, которые можно без искажения этой действительности представить как однородные (последнее тесно связано с разработкой проблемы изоморфизма отдельных уровней языка)¹³. Это значит, что создание моделей предлагаемого типа будет тем эффективнее, чем свободнее мы можем постулировать однородность изучаемых объектов. Данное условие сравнительно просто выполняется, если анализу подлежат частные подсистемы языка, а не язык *en bloc* (ср. пространственные геометрические модели, направленные на установление фонологических связей — они оперируют такими однородными объектами, как фонемы или их дифференциальные признаки).

С другой стороны, вопрос об уподоблении любых изучаемых лингвистических связей связям пространственным решается, по-видимому, несколько проще. Хотя и здесь невозможно представить себе сведения

¹¹ См.: «Математика, ее содержание, методы и значение», III, М., 1956, стр. 151.

¹² Там же.

¹³ См.: Э. А. Макаев, Полятие об изоморфизме, ВЯ, 1961, 5, стр. 5.

абсолютно всех отношений к выражаемым линейно, геометрически или стереометрически (ср., например, причинные отношения или отношения замещения), некоторые из связей безусловно поддаются пространственному изображению. В известной мере это можно объяснить тем, что всякое движение (и всякое изменение) может быть осознано как перемещение¹⁴. В еще большей степени это зависит от того, что такие понятия традиционной и структурной лингвистики, как «близость», «противопоставленность», «степень близости», «степень противопоставленности», «сходство» и т. п., легко позволяют их «перевод» на язык математики. Скорее всего эти понятия обязаны своим возникновением именно осознанию природы объективных отношений, существующих между отдельными предметами, по их ассоциации с отношениями, доступными непосредственному наблюдению. Во всяком случае несомненно, что пространственное изображение связей в целом весьма близко системному пониманию языка с его стремлением показать не столько каждое явление само по себе, сколько место, которое данное явление в изучаемой системе занимает. Отражая поэтому системные связи в виде пространственных, с большей достоверностью можно судить о подлинной степени физической противопоставленности явлений или предметов, или о их близости, а как следствие — с большей объективностью представлять себе возможности взаимодействия между отдельными явлениями и даже направление их воздействия друг на друга. Не случайно в этой связи некоторые исследователи подчеркивают, что при использовании данного метода существенно облегчается не только интерпретация статических свойств системы, но и определение ее динамических свойств¹⁵ (ср. такие понятия, как равновесие системы, пустые клетки системы и т. д.). В то же время вряд ли имеет смысл специально аргументировать важность именно данного аспекта моделирования — чисто интерпретационной, объяснительной силы модели. Быть может, разрабатывая принципы пространственного моделирования, станет возможным подойти по-новому к проблеме разграничения лингвистического континуума и дискретных единиц, его образующих, а далее и к определению тождества/нетождества отдельных лингвистических единиц или явлений по совмещению/несовмещению точек в признаковом пространстве.

Что же касается выбора плоскостных (двухмерных) или объемных (трехмерных и многомерных) моделей, то в принципе это зависит от количества признаков, рассматривающихся для данной системы как релевантные. Так, например, при анализе фонологических систем было отмечено, что «... пространственные модели могут принести большую пользу лишь в том случае, когда число различительных признаков фонем не превышает трех, либо когда большее число различительных признаков удается интерпретировать как „градуальное“ различие какого-либо из трех признаков»¹⁶. Это положение, очевидно, действительно и для конструирования нефонологических систем. Другими словами, для интерпретации наиболее целесообразным представляется, по-видимому, построение двух- или трехмерных моделей, т. е. и с данной точки зрения построение многомерного пространства вряд ли можно считать эффективным. Конструирование многомерного пространства не только сопряжено с преодолением трудностей математического характера, но и лишает моделируемую систему ее основного преимущества — наглядности и простоты ее последующего восприятия. По этой же причине и здесь следует отдать предпочтение моделированию не системы конкретного языка в целом (т. е. так называемой overall system), но частных лингвистических систем, подсистем языка

¹⁴ См.: Ф. Энгельс, Диалектика природы, М., 1965, стр. 50.

¹⁵ См.: Г. П. Мельников, указ. соч., стр. 57.

¹⁶ Там же, стр. 55.

или отдельных его уровней. В качестве примера возможности моделирования такого рода обратимся к описанию в терминах признакового пространства системы словообразования.

Первой предпосылкой работы является установление параметров моделируемой системы, т. е. выбор таких признаков словообразования, которые могли бы одновременно служить основой системы перекрещивающихся координат. Важность правильного отбора нескольких из дифференциальных признаков здесь связана с тем, что каждый такой признак рассматривается в то же время как новое измерение¹⁷. Следует выбирать лишь те из структурных признаков, которые поддаются лингвистической интерпретации; в этом случае удастся описать систему так, как она существует в самом материале. Таким образом, хотя при рассматриваемом подходе параметры системы и задаются заранее, они выбираются с учетом итогов предварительного анализа. С опорой на имеющиеся результаты исследования приводится и дальнейшая градуировка осей координат.

В связи с этими общими соображениями представляется целесообразным указать на те положения, которые рассматривались нами как исходные. Хотя некоторые из них являются общепризнанными, их следует сформулировать в эксплицитной форме с тем, чтобы аргументировать хотя бы в самых общих чертах основы нашей будущей пространственной модели.

Мы исходим из того, что вся система словообразования ориентируется на понятие производного и что описать эту систему — и значит определить существующие типы производных и их распределение. Производное — дериват любого типа и сложное (не составное!) слово любого типа — представляет собой основную единицу словообразовательной системы. Производное всегда является реальной языковой единицей, имеющей собственное существование и засвидетельствованной именно как непосредственная данность языка. Этим производное отличается от его модели, которая представляет собой лишь структурно-семантический аналог производного и является тем самым скорее единицей лингвистической абстракции. В этом отношении и в словообразовании есть своя иерархия единиц, пока еще не находящая своего выражения в имеющейся терминологии, но во многом подобная той, которая наблюдается между фонемой и репрезентирующими ее различными вариантами или морфемой и ее морфами и алломорфами. Задача исчерпывающего описания всех производных языка нереальна (она не под силу даже самым полным из словарей), но количество словообразовательных моделей в языке не столь велико, и задача их установления и отождествления вполне осуществима.

Составными частями производного, его компонентами или непосредственно составляющими (НС) модели являются основы разных типов и аффиксы разных типов, и по определению производное не может включать меньше одной полнозначной основы. Основы и аффиксы могут быть названы основными минимальными элементами словообразовательной системы: из них складываются ее отдельные единицы.

Отношения внутри системы словообразования представляют собой отношения двух типов. Первые из них характеризуют взаимодействие между членами одного словообразовательного ряда или между отдельными однотипными словообразовательными рядами (однотипными либо по форме, либо по содержанию). Их описание составляет задачу частных описаний конкретного языка. В противоположность им второй тип отношений характеризует взаимодействие, наблюдаемое между моделями производ-

¹⁷ См. А. А. З а л и з н я к, В я ч. В с. И в а н о в, В. Н. Т о п о р о в, указ. соч., стр. 141.

ных, разными по способу их образования. Эти отношения можно в конечном итоге свести к принципам распределения в языке разных приемов словосложения и словопроизводства, т. е. к отношениям между отдельными способами словообразования, характерными для данного языка. Именно отношения второго рода интересуют нас в первую очередь при структурном, а далее — типологическом исследовании языка. Можно поэтому заранее утверждать, что модель, которая способствовала бы более углубленному анализу связей второго рода, имела бы явные преимущества перед иными типами моделей.

Для построения данной модели были использованы лишь производные с выраженной производностью, т. е. содержащие то или иное формальное указание на принадлежность рассматриваемой единицы к разряду производных слов. Как показывает практика описания, подобные единицы составляют подавляющее большинство всех производных языка и репрезентируют профилирующие модели производных. Производные с выраженной производностью всегда либо двухчленны, либо могут быть представлены как двухчленные, т. е. состоящие из двух НС. По этой причине все формальные особенности производных могут быть в конечном счете изучены через такие свойства модели, как состав и способ ее образования. Из этого логически следует, что указанные свойства могут рассматриваться как структурные признаки словообразовательной системы и потому могут быть положены в основу описываемой модели, т. е. выбраны в качестве ее параметров.

Практически это означает, что поскольку изучение системы словообразования мы связывали с исследованием совокупности всех наблюдающихся в ней моделей производных, а статус последних оказался определяемым через характеристику их компонентов и способов их связи, в качестве параметров системы представляется возможным использовать типы словообразовательных элементов. Иными словами, оси координат отражали разные типы НС, установленные на предыдущих стадиях анализа чисто эмпирическим путем. В силу бинарности производных система строилась как двумерная и конструировалась так, чтобы каждая ось координат отражала особенности одного из НС: горизонтальная — первого, вертикальная — второго. Каждое анализируемое производное «измерялось» впоследствии особенностями обоих его компонентов, т. е. исследование носило характер компонентного анализа. Производное квалифицировалось всегда в терминах элементов системы. Определение его статуса достигалось следующим образом.

На горизонтальной оси деления наносились так, чтобы каждое из делений соответствовало определенному типу элемента словообразовательной системы, возможного в позиции первого члена производного. Таких типов было установлено три: 1) собственно префиксы, т. е. служебные препозитивные частицы, лишенные в языке статуса самостоятельности и в изолированном положении не употребляющиеся; 2) относительные префиксы, т. е. служебные препозитивные частицы, имеющие в языке коррелят в виде служебного слова — предлога или предлогообразного наречия; 3) основы знаменательных слов, т. е. полнзначные основы разных неслужебных частей речи.

При этом на горизонтальной оси координат RA_1 (рис. 1) отрезок Ra_1 служил для изображения всех видов полнзначных основ, отрезок a_1b_1 —

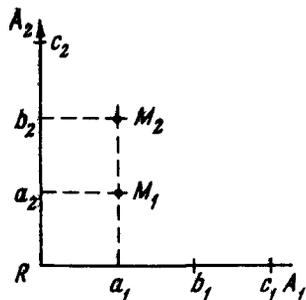

Рис. 1

всех видов относительных префиксов, а отрезок b_1c_1 — всех видов собственно префиксов. Аналогичным образом градуировалась и вертикальная ось координат, отдельные деления которой отражали соответственно все виды словообразовательных элементов языка, возможные в позиции второго члена производного. Отрезок Ra_2 соответствовал при этом всем видам полнозначных основ, отрезок a_2b_2 — всем видам относительных суффиксов (т. е. посткорневых служебных частиц, функционирующих параллельно чистым суффиксам, но отличающихся от последних наличием у них коррелятов в виде основ полнозначных слов), наконец, отрезок b_2c_2 — всем видам собственно суффиксов¹⁸.

Нетрудно заметить, что расположение на осях координат типов НС и их последовательное размещение отнюдь не случайно: никаких резких переходов от одного разряда к другому не наблюдается, и градуировка может быть с полным основанием названа скользящей. В то же время границы каждого разряда указаны вполне объективно, т. е. их дифференциация строится на ряде формальных критериев. Последовательные деления на осях отражают разные степени таких качеств, как полнозначность, автономность и потенциальная свобода элемента: наиболее интенсивно эти качества выражены в точке отсчета R , с удалением от которой указанные качества убывают. Таким образом, точки a , b и c знаменуют разные градации лексической и грамматической самостоятельности определенного элемента по отношению к языку в целом. Объективными критериями разных градаций при этом становятся: 1) наличие/отсутствие самостоятельного, т. е. встречающегося в изолированном употреблении, коррелята у исследуемого НС; 2) коррелятивность данного НС основе знаменательного/незнаменательного слова. Интересно отметить, что указанные градации в отдельных случаях соответствуют последовательным этапам в процессе превращения корня в аффикс. Обычной стадией такого процесса является возникновение в языке относительного суффикса или относительного префикса. В известном смысле можно поэтому говорить о том, что градуировка шкал отражает не только синхронное состояние, но и дает представление об обычной динамике явления.

В пространственной модели возникновение отношений производности описывается как результат объединения в одном образовании двух элементов — одного из серии RA_1 , а второго из серии RA_2 . Графически это выглядит как пересечение двух определенных отрезков, параллельных горизонтальной и вертикальной осям координат. Точка пересечения и я подобных отрезков и представляет собой вследствие этого конкретную модель производного. Каждая точка пересечения демонстрирует одну из возможных комбинаций разных НС, т. е. изображает пространственно определенную аранжировку словообразовательных элементов. Так, точка пересечения отрезков Ra_1 и Ra_2 — M_1 — соответствует аранжировке двух полнозначных основ и демонстрирует поэтому модель сложного слова, а поле, очерченное данными параметрами (квадрат $Ra_1M_1a_2$), есть поле словосложения. Пересечением отрезков Ra_1 и a_2b_2 создается поле относительной суффиксации, а точка пересечения этих отрезков — M_2 — отражает модель относительно суффиксального образования (типа англ. *postman* «почтальон», нем. *arbeitslos* «безработный», швед. *smärtfri* «безболезненный», исл. *vígalegur* «воинственного вида» и т. п.). Аналогич-

¹⁸ Предлагаемое здесь выделение категорий относительных префиксов и относительных суффиксов основано на выделении специального разряда относительно связанных морфем, отличающихся наличием у них морф двух видов: свободных в одном окружении и связанных в другом. См.: Е. С. Куврякова, Об относительно связанных (относительно свободных) морфемах языка, ВЯ, 1964, 1; е е ж е, Что такое словообразование, М., 1965, стр. 40 и сл.

но устанавливаются и другие модели производных и определяются остальные словообразовательные поля.

Общее словообразовательное пространство, образуемое производными данного языка, формируется как плоскость или поле между двумя пересекающимися координатами. Хотя теоретически можно было бы, казалось, представить себе существование девяти словообразовательных полей, реальное словообразовательное пространство не включает более пяти полей, ибо аранжировка некоторых НС исключена по определению (скажем, производное не может состоять только из префикса и суффикса). Таким образом, хотя вопрос о реализации отдельных моделей в конкретных языках остается открытым, легко можно представить себе язык, в котором те или иные модели будут вообще отсутствовать. Контуры же общего, максимального словообразовательного пространства могут быть очерчены и сейчас: это совокупность пяти основных словообразовательных полей (ср. рис. 2).

Поскольку в каждом конкретном языке каждое поле «заполняется» своими производными и зависит от степени реализации разных моделей, изучение каждого поля может производиться по отдельности: анализируя тексты на данном языке и отмечая в поле засвидетельствованные комбинации НС, мы определим в дальнейшем конфигурацию в этом поле отдельных моделей — точек пересечения тех или иных отрезков. В этих целях может быть использовано и более детальное деление установленных ранее отрезков, т. е. градуировка шкал может быть уточнена. Так, отрезки, соответствующие однозначным компонентам производных, в зависимости от конкретных целей анализа, могут быть разбиты далее на отдельные деления, отражающие разные типы основ: например, по их морфологическому составу (на простые, производные и сложные основы) или по их грамматической характеристике (на глагольные, субстантивные и адъективные основы). В свою очередь такой отрезок как a_1b_1 , демонстрирующий все виды относительных префиксов, может подвергнуться дальнейшему делению на отрезки: а) имеющие коррелят только в виде предлога, б) имеющие коррелят в виде предлога и предлогообразного наречия, в) имеющие коррелят только в виде первообразного наречия¹⁹ и т. п.

Необходимо в этой связи указать, что дополнительное (более дробное) разбиение первоначально выделенных отрезков может быть рекомендовано лишь в частных случаях, подобных приведенным выше. Строго говоря, оно допустимо только в тех случаях, когда новое разбиение как бы накладывается на старое, т. е. не противоречит исходным принципам градуировки осей. Если же новые признаки, которые целесообразно учесть, не отражают чисто градуальных различий старых и представляют собой новые качественные характеристики объекта, для каждого из них

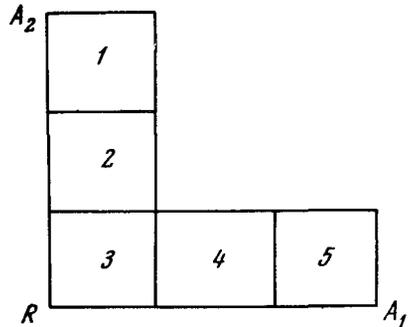

Рис. 2. 1 — поле чистой суффиксации; 2 — поле относительной суффиксации; 3 — поле словосложения; 4 — поле относительной префиксации; 5 — поле чистой префиксации

¹⁹ Распределение в конкретных языках этих групп относительных префиксов дает ясное представление о большей зависимости относительной префиксации от словосложения [в случае преобладания в языке префиксов группы (в)] или аффиксации [в случае преобладания префиксов группы (а)], что частично может быть связано и с семантикой коррелятивной единицы.

должен быть введен специальный параметр (новое измерение) и, соответственно, создана иная пространственная модель. Использование одной и той же оси для отражения разнородных характеристик при пространственном моделировании следует, очевидно, избегать.

Остается открытым вопрос о том, относится ли это правило к совмещению на одной шкале качественных и количественных показателей. Для

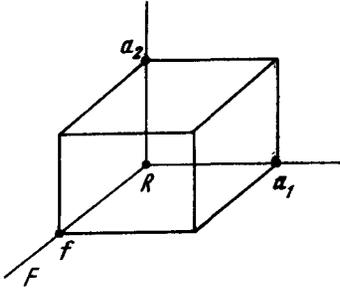
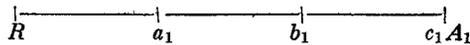

Рис. 3

и к другому приему: не вводя третьей координаты, определять непосредственно положение точек a_1 , b_1 и т. п., используя для этого данные о частоте встречаемости соответствующих единиц. Так, разметка оси RA типа

означала бы при таком подходе, что в тексте, подвергшемся статистическому анализу, мы встретили в производных равное количество полнозначных основ, относительных префиксов и чистых префиксов. Разумеется, само это разбиение в данном случае чисто условно.

Подобным способом обеспечивается возможность дальнейшего сравнения языков по сопоставимым характеристикам, имеющим объективно одинаковое содержание. Последнее особенно важно для проведения типологических исследований.

В виду всего вышесказанного можно отметить, что предлагаемый метод позволяет от определения конкретного словообразовательного пространства отдельного языка перейти к сравнению признакововых пространств разных языков: путем наложения их моделей, а далее — совмещением этих моделей — определить некое общее словообразовательное пространство, характерное для группы сравниваемых языков, а тем самым и инвариант подобного пространства. В этой связи интересно отметить, что даже в пределах близкородственных языков диапазоны расхождений могут быть настолько значительными, что построение эталона словообразовательного пространства оказывается достаточно трудным. Для примера приводятся такие изображения, словообразовательных полей ряда современных германских языков, в которых содержательные характеристики совмещены со статистическими.

В этих целях используются результаты изучения распространенности отдельных моделей производных в газетных текстах современных германских языков. Подсчеты были произведены на материале в 1000 производных для каждого из языков, так что данные имеют лишь ограниченное значение. Используя одинаковый масштаб и моделируя пять указанных на рис. 2 полей, мы получили две совершенно различные пространственные фигуры, ярко демонстрирующие типологические расхождения

между английским и исландским языками в области словообразования (рис. 4 и 5). Чтобы показать, что указанные резкие расхождения типичны отнюдь не для каждой пары сравниваемых языков, приведем также очертания словообразовательных пространств современных датского

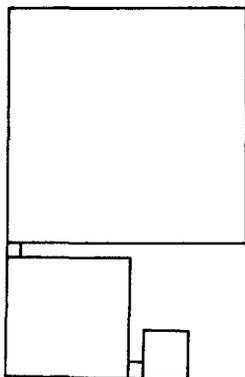

Рис. 4. Словообразовательное пространство английского языка

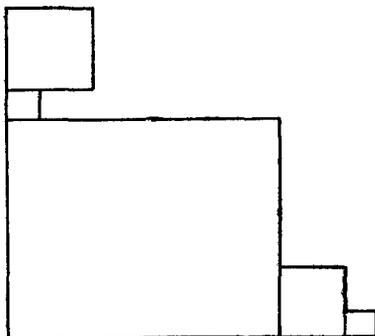

Рис. 5. Словообразовательное пространство исландского языка

и шведского языков (рис. 6). Поля этого пространства для датского языка очерчены на рисунке пунктирными линиями, для шведского — сплошными. Почти полное совмещение отдельных полей может служить иллюстрацией типологического сходства. При сравнении большего количества языков разных структур можно будет, по-видимому, более точно определять меру типологического различия и возможного отклонения от единицы, принимаемой за эталон.

Важно также подчеркнуть, что анализируя частные словообразовательные поля и определяя в них стратификацию отдельных моделей производных, можно установить не только удельный вес существующих моделей, но и выявить ограничения, связанные с образованием конкретных моделей из тех, а не иных НС, и императивные запреты, налагаемые на появление некоторых моделей. Этим облегчается формулировка наиболее общих правил построения производных. Пользуясь предложенным методом, можно было бы уточнить наши представления о сочетаемости основ разных типов и разных структур, а также о сочетаемости основ разного типа с аффиксами разного типа. Так, при сравнении современных германских языков оказалось, что в то время как в скандинавских языках широкое распространение находит сложение производных и сложных основ, в английском языке сложению подвергаются преимущественно простые основы. Выявились расхождения и в словообразовании разных частей речи: так, глагольному словосложению английского языка оказалась несвойственной постановка субстантивной основы перед глаголом, что не столь редко встречается в скандинавских языках, ср. швед. *hopbunta* «связывать в токи», *hugfästa* «увековечивать»;

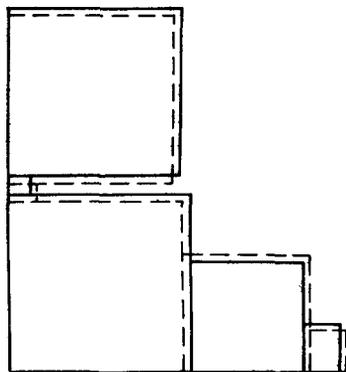

Рис. 6. Словообразовательные поля датского и шведского языков. Поля датского языка очерчены пунктирными линиями, поля шведского — сплошными

закреплять в памяти», дат. *stedfaeste* «определять место», *håndhaeve* «блюсти закон», *gasforgifte* «отравлять газом», исл. *halsbrotna* «сломать себе шею», *husvitja* «посещать дома прихожан», *bókfaera* «заносить в книгу», *blóðroðna* «покраснеть до ушей» и т. п.

Преимуществом данного метода является и возможность статистической обработки материала, что связано с его описанием в однородных и формально точно отграниченных терминах. Последнее позволяет сделать сопоставимыми (как в случаях, приведенных выше) количественные характеристики объекта²⁰. В случае графического изображения системы в более очевидной форме выступают ее синтагматические отношения. Так, по расположению полей видно, что поле словосложения оказывает индуцирующее влияние на поля аффиксации опосредованно, через поля относительной аффиксации. Двусторонняя природа относительной аффиксации объясняется ее промежуточным положением между словосложением и чистой аффиксацией. Обязательное наличие в производном хотя бы одного НС из серии Ra_1 или Ra_2 исключает из словообразовательного пространства четыре из девяти возможных полей и т. д. В свою очередь сравнение словообразовательных пространств, сконструированных в одном масштабе, позволяет судить не только о наличии или отсутствии сходства сопоставимых систем, но и о том, в каких именно звеньях системы — полях (фигурах) — это сходство или различие выражено наиболее интенсивно.

В заключение можно отметить, что метод пространственного моделирования может быть признан эффективным и за пределами фонологических систем, т. е. для описания частных подсистем более высоких уровней. Так, целесообразным представляется, например, создание аналогичной модели с целью сопоставления морфологических систем, в частности для сравнения морфологической структуры слова в разных языках. Параметрами подобной модели могли бы служить такие координаты, на одной из которых отмечались бы разные компоненты слова по их положению относительно корня, а на другой — разные типы полных основ (именные, глагольные и т. п.), служащие ядром слова. Можно было бы пойти и по другому пути, отмечая на одной из координат сегментные, а на другой — суперсегментные элементы слова.

В качестве основных преимуществ пространственного моделирования следует указать не только на его наглядность, но и на широкие возможности дальнейшего использования получаемых данных в самых разнообразных целях — описательных, сравнительных и типологических. Немаловажное значение мы придаем также тому обстоятельству, что при использовании метода пространственного моделирования свое объективное место в системе находят все так называемые пограничные или промежуточные случаи, обычно являющиеся камнем преткновения любых описаний. В связи с представлением фактического материала в наглядной, легко обозримой и доступной непосредственному восприятию форме значительно облегчается не только чисто таксономическое его описание, но и его интерпретация и объяснение как в статическом, так и в динамическом планах.

²⁰ Эта работа была проделана автором статьи на материале современных германских языков. В ходе работы были установлены «величины» отдельных полей в данных языках и выведен инвариант их словообразовательного пространства. В силу значительного расхождения показаний отдельных германских языков была высказана мысль о типологическом расколе среди данных языков и нецелесообразности рассмотрения их системы словообразования в едином признаковом пространстве. См.: Е. С. Кубрякова, О путях изучения типологических особенностей языка в области словообразования (на материале современных германских языков), в кн. «Структурно-типологическое описание современных германских языков», М., 1966.

ПРИКЛАДНОЕ И МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

О. В. ТВОРОГОВ

О ПРИМЕНЕНИИ ЧАСТОТНЫХ СЛОВАРЕЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Применение статистических методов обследования лексики древнерусских письменных памятников может оказать существенную помощь при решении некоторых проблем исторической лексикологии и лексикографии. Исследователю важно знать не только о существовании какого-либо слова в определенную эпоху (сведения такого рода призваны дать исторические словари и картотеки), но и то, как оно функционировало, насколько часто употреблялось сравнительно со своими синонимами, в состав каких устойчивых словосочетаний входило, принадлежало ли к нейтральной лексике или же, напротив, употреблялось преимущественно в определенных жанрах и т. д. Важно выяснить, в каких значениях чаще всего употреблялось данное слово, какие значения для того или иного синхронного среза являлись отмирающими и какие — новыми. Все эти сведения окажутся совершенно необходимыми для реконструкции лексической системы языка на различных этапах его истории хотя бы в самых общих ее чертах.

Памятники древнерусской письменности имеют свою специфику, которую необходимо учитывать, применяя к ним статистические методы исследования. Во-первых, древнерусские тексты в большинстве своем невелики по объему. Так, «История Иудейской войны» содержит около 90 000 словоупотреблений, Повесть временных лет около 47 000 словоупотреблений, так называемая сербская Александрия (русский перевод XV в.) около 30 000 словоупотреблений, одно из крупнейших оригинальных русских житий, Житие Феодосия Печерского — 18 754 слова, Сказание о Борисе и Глебе — 8 590 слов¹, Повесть о приходе Батыя на Рязань — 2 805 слов² и т. д. Другие памятники — хронографы, летописные своды, мннеи — велики по объему, но представляют собой соединение разнородного материала, восходящего в разных своих частях к разным периодам, отстоящим друг от друга порой на три-четыре столетия.

Небольшие объемы древнерусских письменных источников и небольшое число их (особенно для старшего периода) ограничивают возможности выборки для частотных словарей: выборки не могут быть достаточно большими, чтобы обеспечить точность сведений для значительной части словника таких словарей³.

Другая особенность древнерусских памятников, существенная при составлении частотных словарей, состоит в том, что большинство из них сохранилось лишь в поздних списках, и это требует внесения поправок, учета возможных лексических поновлений в процессе переписок и редактур памятника. Наконец, надо особенно отметить крайне незначительный процент чисто «литературных» памятников и обилие текстов деловых и культовых. Для древнерусских письменных памятников характерно поэтому обилие традиционных устойчивых словосочетаний, нарочитое однообразие речевых оборотов, вызванное однообразием ситуаций, которое в свою очередь определяется назначением или жанром памятника. Так, в летописи наиболее часто будут употребимы слова *князь, лето, полкъ, поити, ити, битися* и т. д. Аналогично в житийной литературе неизбежна большая употребительность таких слов, как *святый, блаженный, братия*

¹ Данные об объеме текста Жития Феодосия Печерского и Сказания о Борисе и Глебе взяты из статьи: Л. В. В я л к и н а, Г. Н. Л у к и н а, Опыт применения некоторых методов математической статистики к изучению лексики древнерусских текстов, сб. «Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка», М., 1964, стр. 298.

² См.: Г. А. Л е с с к и с, О зависимости между размером предложения и характером текста, ВЯ, 1963, 3, стр. 94 (табл. 1).

³ О необходимом объеме выборки для частотного словаря см.: Р. М. Ф р у м к и н а, Статистические методы изучения лексики, М., 1964, стр. 8—22.

(о монахах), *монастырь*, *пещера* и т. д.⁴ Еще более «тематической» окажется лексика кормчих, поучений, грамот⁵.

Указанные обстоятельства осложняют, но, думается, не закрывают совершенно возможностей применения статистических методов для анализа древнерусской лексики. Однако отсутствие нейтральных в языковом отношении жанров (какими в новое время, видимо, являются жанры художественной литературы) делает, на наш взгляд, нецелесообразными попытки воссоздать лексическую систему древнерусского языка того или иного периода путем суммирования словников к памятникам различных жанров⁶. В то же время статистические оценки словарного состава памятников важны для установления языковых норм, характерных для различных жанров, что может открыть путь к сравнению различных языковых стилей. Второй задачей может стать сопоставление лексического состава разновременных памятников одного жанра. При этом существенно не только проследить произошедшие изменения, но и попытаться проникнуть в механизм семантических изменений в языке. Наконец, немаловажно описать структуру древнерусского текста, установить соотношения, существующие между текстом и словником, удельный вес редких слов в текстах разной длины, определить, какой процент текста покрывается наиболее частыми словами, короче говоря, выяснить, насколько применимы к древнерусским текстам закономерности, присущие текстам современных литературных языков. Эти данные будут представлять интерес не только для специалистов по статистическим методам изучения языка, но и для лексикографов-медиевистов, так как позволят определить характер необходимых выборок при составлении словарей, предугадать ожидаемые частоты различных слов и т. д.

*

Основным материалом для статьи послужила частотная картотека Повести временных лет (далее ПВЛ) по Лаврентьевскому списку⁷. За отдельное слово принималась совокупность всех словоформ данной лексемы во всех ее значениях. При этом краткие и полные прилагательные (а также местоимения и числительные) принимались за одно слово. Прилагательные и наречия в форме сравнительной и превосходной степени рассматривались как отдельные слова. Причастия подсчитывались вместе с глаголом, от которого они образованы, за исключением небольшой группы слов, выступающих исключительно в функции прилагательных (*невидимый*, *незнаемый*, *неомовень*, *предидубудущий*, *предътекущий* и др.). За одно слово наряду с первообразными наречиями принимались и некоторые наречные образования типа *заутра*, *вскорб*, *въсвоися* и под.⁸ Частица *же* рассматривалась отдельно от союзов и местоимений, за которыми она следует (*никто же*, *яко же* и др.), за исключением относительных местоимений *иже*, *яже*, *еже* в именительном и косвенных падежах. Частица *ся*, употребляемая с возвратными глаголами, как отдельное слово не рассматривалась. Старославянские и древнерусские дублеты типа *градъ — городъ*, *ночь — ночь* и т. д. считались отдельными словами. Орфографические варианты слова (например: *вельми — вельми*, *возвеселитися — въвеселитися* и под.) объединялись в составе одной лексемы.

При этих условиях в Повести временных лет насчитывается 4684 слова, употребленных 47 371 раз. Ввиду того, что в частотные словники нередко не включаются имена собственные, мы в дальнейшем выделяем группу из 964 слов, употребленных 4888 раз (условно обозначим ее ИС — «имена собственные»), в которую входят 356 личных имен (2396 употреблений), 267 географических названий (889 употреблений), 151 наименование народов, племен и жителей городов (912 употреблений) и 190 притяжательных и относительных прилагательных от названных групп слов (691 употребление). Распределение различных частей речи в ПВЛ показано в табл. 1.

⁴ См., например, списки наиболее употребительных слов в Житии Феодосия Печерского, в Сказании и Чтении о Борисе и Глебе, приведенные в указ. статье Л. В. Вялкиной и Г. Н. Лукиной (стр. 302).

⁵ Так, в Изборнике 1076 г. наиболее употребительными знаменательными словами являются слова *богъ* (229 употреблений), *грьхъ* (127 употреблений), *глаголати* (118 употреблений), *господи* (111 употреблений), *речи* (110 употреблений), *душа* (101 употребление). См.: «Изборник 1076 года», М., 1965, стр. 825—1055.

⁶ Возможность «перенесения» распределений, характерных для частичных совокупностей (отдельных текстов), на исчерпывающую совокупность (язык), как это попытался сделать Ципф, пока следует считать преждевременным», — справедливо указывает Р. Г. Пиотровский [Р. Г. П и о т р о в с к и й, Некоторые вопросы статистического обследования лексических групп, сб. «Вопросы статистики речи (материалы совещания)», Л., 1958, стр. 91].

⁷ Поучение Владимира Мономаха в словник не входит.

⁸ Выделение наречий (кроме первообразных) для памятника XII в. может показаться спорным. Тем не менее оно может оказаться полезным в целях сопоставления со словниками более поздних текстов.

Таблица 1

Распределение частей речи в ПВЛ

Часть речи	В полном тексте				В тексте без ИС			
	слов	в %	слово-употр.	в %	слов	в %	слово-употр.	в %
Существительные	2132	45,5	13 628	28,8	1380	37,1	9617	22,6
Прилагательные	620	13,3	2739	5,8	408	11,0	1862	4,4
Местоимения	50	1,1	5591	11,9	50	1,35	5591	13,2
Числительные	22	0,4	201	0,4	22	0,5	201	0,4
Глаголы	1561	33,3	10 394	21,8	1561	42,0	10 394	24,5
Прочие	299	6,4	14 818	31,3	299	8,05	14 818	34,9
Всего	4684		47 371		3720		42 483	

Помимо общей характеристики распределения частей речи в древнерусском летописном тексте, табл. 1 позволяет судить и о том, как изменяется это соотношение при устранении из словаря имен собственных и географических наименований.

В литературе не раз указывалось на свойства наиболее частых слов, приводились данные об объеме покрываемого ими текста. Считается, например, что частота самого частого слова для достаточно больших текстов не превосходит 0,1⁹, что 410 наиболее частых слов составляют от 15 до 25 процентов любого текста, 30 наиболее частых слов от 30 до 40 процентов, 100 слов — около 50 процентов, а первая тысяча слов занимает обычно 75 процентов текста¹⁰. Приведем соответствующие данные для текста Повести временных лет (см. табл. 2).

Таблица 2

Соотношения между словарем и объемом текста в ПВЛ

Кол-во слов	В полном тексте		В тексте без ИС	
	кол-во слово-употр.	объем текста	кол-во слово-употр.	объем текста
1	3 842	9%	то же	то же
5	9 568	22,2%	то же	то же
10	12 868	30,2%	то же	то же
30	19 328	40,7%	19 306	45,4%
50	22 529	47,5%	22 373	52,7%
100	27 178	57,3%	26 563	62,5%

Л. В. Вялкина и Г. Н. Лукина, исследовавшие словники трех древнерусских памятников — Жития Феодосия Печерского, Сказания о Борисе и Глебе и Чтения о Борисе и Глебе, установили, что в этих текстах на долю первых 50 слов приходится от 49 до 57% текста, на долю первых 100 слов — от 60 до 68%¹¹. В тексте Мерила праведного, частотный анализ которого был произведен теми же авторами, на долю самого частого слова приходится 6,2% текста, на долю первых 5 слов — 15,6%, на долю 30 слов — 35,4%, на долю 100 слов — 52,8%¹². Заметим при этом, что объем текста, покрытый определенным числом наиболее частых слов, не зависит от объема текста в целом. Так, первые 100 слов покрывают 68% текста Чтения о Борисе и Глебе (общий объем —

⁹ Р. М. Фрумкина, указ. соч., стр. 26.

¹⁰ Р. Г. Пиотровский, Математическое языкознание, его перспективы, «Вестник высшей школы», 1964, 6, стр. 74

¹¹ Л. В. Вялкина, Г. Н. Лукина, указ. соч., стр. 300. В Житии Феодосия на долю самого частого слова приходится 8% текста, 5 слов — 21%, 10 слов — 29% текста (там же, стр. 302).

¹² Л. В. Вялкина, Г. Н. Лукина Материалы к частотному словарю древнерусских текстов, сб. «Лексикология и словообразование древнерусского языка». М., 1966, стр. 266, табл. 2.

7380 слов), 52,6% текста Мерила праведного (общий объем — 31 262 слова) и 62,5% текста ПВЛ (общий объем без ИС — 42 483 слова).

Как распределяются в ПВЛ редкие слова, можно видеть из табл. 3.

Т а б л и ц а 3
Распределение в ПВЛ редких слов

Частота	В полном тексте		В тексте без ИС	
	слов	% словника	слов	% словника
1	2 187	46,7	1 659	44,6
2	730	15,6	598	16,1
3	397	8,5	319	8,6
4	264	5,6	221	5,8
5	157	3,3	124	3,3

Всего на долю 5 наименее частых слов в полном тексте ПВЛ приходится 3735 слов или 79,7% словника и 6679 словоупотреблений, или 14% текста.

*

Могут ли частотные словари к отдельным древнерусским текстам оказать какую либо помощь при наблюдениях за изменениями лексического состава языка, или же их объем недостаточен, чтобы полученные данные были достоверными свидетельствами таких изменений? К частотному словарю предъявляется требование, чтобы он содержал достоверные сведения о частотах «по крайней мере большей части слов текста»¹³. Но это требование не может быть удовлетворено подавляющим большинством древнерусских текстов ввиду их незначительных объемов. «В настоящее время, — пишет Л. Н. Засорина, — актуальным становится создание частотных словарей разного типа: больших (от 18 до 10 млн. словоупотреблений), средних (10—1 млн.) и малых (до 500 тыс. словоупотреблений)»¹⁴. Создание даже «малых», по приведенной выше классификации, частотных словарей древнерусского языка, с использованием выборок из многих памятников, крайне затруднительно, если выполнять и другое справедливое требование — для «однородности испытаний при статистических наблюдениях... ограничить себя в выборе текстов как с точки зрения синхронности среза (10—40 лет), так и в отношении жанра, тематики, социальной характеристики»¹⁵.

Тем не менее данные частотных словарей даже к отдельным древнерусским текстам могут удовлетворить хотя бы частично поставленную выше задачу. Так, словарь к ПВЛ дает достоверные сведения для 158 наиболее частых слов, определенная частота которых может быть достоверной для однотипных текстов с ошибкой не более чем 0,33¹⁶.

Какие наблюдения над указанной группой слов могут быть интересны для исторической лексикологии? Для ответа на этот вопрос был проделан следующий эксперимент. Словник глаголов, извлеченный из полного словника ПВЛ, был сопоставлен со словником глаголов из равного по объему (около 47 000 словоупотреблений) текста Московского летописного свода¹⁷, а именно статей 1400—1476 гг. Оба текста принадлежат к одному жанру, оба сочетают краткие летописные сведения с развернутыми повествованиями, оба сохранились в поздних списках. Следовательно, мы имеем основания объяснять лексические отличия этих текстов либо изменениями в лексической системе языка за разделяющий их трехвековой период, либо изменениями в стилистических тенденциях, присущих жанру летописи в тот или иной период. Что же касается различий в содержании обоих текстов, то, как увидим далее, оно почти не отразилось на употребительности по крайней мере наиболее частых слов.

Если в ПВЛ был употреблен 1561 глагол в общей сложности 10 394 раза, то в Московском летописном своде (далее МЛС) на тот же объем текста приходится 1233 глагола, употребленных 6898 раз. Из 1561 глагола ПВЛ в МЛС употреблено 632. Глаголы, отсутствующие в ПВЛ, распределяются так: 410 глаголов употреблено в МЛС по одному разу, 98 — по 2 раза, 38 — по 3 раза; из глаголов, употребленных в МЛС 6

¹³ Р. М. Фрумкина, указ. соч., стр. 16.

¹⁴ Л. Н. Засорина, О статистике и автоматизации в лексикографии, ФН, 1963, 4, стр. 97.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Формулу расчета см.: Р. М. Фрумкина, указ. соч., стр. 9.

¹⁷ «Московский летописный свод конца XV века», «Полное собрание русских летописей», XXV, М.—Л., 1949.

и более раз, в ПВЛ отсутствует всего 22 глагола. Итак, отличия словников приходятся в основном на редкие слова.

Для более детального сравнения словников существует метод ранговой корреляции¹⁸. Предлагается выделить общую часть сопоставляемых словников, после чего расположить слова этой общей части в соответствии с их частотами в одном из текстов и перенумеровать. Затем те же слова следует расположить в соответствии с их частотами в другом тексте и также перенумеровать. Так получаются две последовательности, состоящие из одних и тех же слов, но с различными номерами в каждой из них в соответствии с частотами в каждом из текстов. После этого с помощью коэффициента ранговой корреляции устанавливается, насколько коррелированы между собой сравниваемые тексты.

Однако в нашем случае интересно не столько то, насколько близки друг к другу словники сопоставляемых текстов (тем более в той общей форме, которая определяется с помощью ранговой корреляции), сколько то, чем, в какой степени и почему различаются анализируемые тексты. Результаты, добытые методом ранговой корреляции, едва ли удовлетворяют этот интерес. Дело в том, что при этом методе сопоставляемые тексты проходят две ступени нивелировки: во-первых, устраняется из рассмотрения вся необщая часть их словников (правда, в нашем случае эти отличия словников приходятся в основном на массу редких слов); во-вторых, сопоставляя лишь самые частые слова в обоих сравниваемых текстах, мы тем самым устраняем из рассмотрения значительную часть той лексики, которая и составляет специфику сравниваемых текстов. Фактически сопоставляются не сами словники, а лишь наиболее общие их части, исследуется не то, что их различает, а лишь то, что их объединяет.

Мы сравнивали словники другим методом. Словники были ранжированы в той своей части, которая дает достоверные частоты слов; при этом ранг присваивался каждому слову, вне зависимости от того, является ли оно частым и наличествует ли вообще в другом тексте. Ранжирование позволяет наглядно оценивать место слова по его относительной частоте. В результате сравнения рангов одинаковых слов в разных текстах легко установить, какие слова существенно изменили свою относительную частотность¹⁹. Какие лингвистические наблюдения может стимулировать сравнение частотных словников? Рассмотрим это на примере сопоставления 23 наиболее употребительных глаголов ПВЛ и МЛС (см. табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Сопоставление наиболее употребительных глаголов ПВЛ и МЛС

ПВЛ			МЛС		
ранг	слово	частота	ранг	слово	частота
1	<i>быти</i>	1224	1	<i>быти</i>	802
2	<i>речи</i>	558	2	<i>прити</i>	302
3	<i>прити</i>	331	3	<i>поити</i>	224
4	<i>ити</i>	234	4	<i>начати</i>	142
5	<i>глаголати</i>	203	5	<i>послати</i>	136
6	<i>послати</i>	165	6	<i>ити</i>	120
7	<i>хотѣти</i>	160	7	<i>взѣти</i>	118
8	<i>створити</i>	159	8	<i>глаголати</i>	114
9	<i>поити</i>	134	9	<i>хотѣти</i>	87
10	<i>начати</i>	131	10	<i>дати</i>	85
11	<i>видѣти</i>	113	11	<i>видѣти</i>	80
12	<i>имѣти</i>	108	12	<i>отпустити</i>	79
13	<i>прѣяти</i>	104	13	<i>слышати</i>	73
14	<i>взѣти</i>	97	14	<i>речи</i>	67
15	<i>слышати</i>	85	15	<i>поставити</i>	63
16	<i>убити</i>	76	16	<i>положити</i>	60
17	<i>повелѣти</i>	70	17	<i>повелѣти</i>	59
18	<i>сѣсти</i>	68	18	<i>преставитися</i>	58
19	<i>дати</i>	61	19	<i>бити</i>	54
20	<i>стати</i>	61	20	<i>стояти</i>	54
21	<i>стояти</i>	60	21	<i>поимати</i>	44
22	<i>поставити</i>	59	22	<i>сотеорити</i>	43
23	<i>творити</i>	59	23	<i>велѣти</i>	43

¹⁸ См.: Р. М. Фрумкина, указ. соч., стр. 61 и сл.

¹⁹ Ср.: Е. А. Коноус, Опыт применения статистического метода в области исторической лексикологии, ВЯ, 1964, 2, стр. 93.

Рассмотрим приведенные в табл. 4 последовательности. Во-первых, отметим, что большая часть обоих словников является общей: в обоих текстах в числе 23 наиболее употребительных глаголов оказываются слова *быти, речи, ити, глаголати, послати, зотѣти, творити, поити, начати, видѣти, взяти, съшати, повелѣти, дати, стояти, поставити*. Слова *приятти, имѣти, събсти, стати* и *творити* из словника ПВЛ отсутствуют среди наиболее частых слов МЛС, с другой стороны, в число наиболее частых слов ПВЛ не вошли слова *положити, преставитися, поимати* и *велѣти*²⁰. При обращении к конкретным примерам можно убедиться, что почти все выделенные таким образом слова указывают не столько на индивидуальные свойства текста (например, на зависимость употребительности данного слова от содержания), сколько отражают характерные изменения в словарном составе летописи.

Для установления причин этих изменений были рассмотрены группы синонимичных слов, отдельные компоненты которых значительно изменили свою частотность. Почти всегда оказывалось, что большая или меньшая употребительность того или иного слова сопровождалась перегруппировкой в ряду его синонимов, свидетельствовала об изменении системы значений отдельных слов, объяснялась возникновением или утратой характерных для того или иного периода устойчивых словосочетаний и т. д. Обращимся к примерам.

Большая употребительность глагола *дати* в МЛС сравнительно с ПВЛ объяснима тем, что почти совершенно вытеснен синонимичный глагол *вдати* (по материалам ПВЛ все 5 значений глагола *вдати* полностью совпадают со значениями глагола *дати*, оба глагола используются в синонимичных устойчивых словосочетаниях, как *дати за... вдати за...* — отдать замуж). Одновременно становится более употребительным глагол *отдати*. Если в ПВЛ глагол *дати* встретился 61 раз, *вдати* — 50, а *отдати* — 1 раз, то в МЛС глагол *вдати* употреблен 1 раз, *отдати* — 11, а *дати* — 85 раз, что соответственно отразилось на изменении его ранга (10 ранг в МЛС вместо 19 в ПВЛ). Большая употребительность глагола *начати* в МЛС сопровождается вытеснением глагола *почати*. В ПВЛ глагол *начати* употреблен 131 раз, а *почати* — 51 раз, тогда как в МЛС на долю *начати* приходится 142 употребления, а на долю *почати* всего 8, причем 7 случаев употребления падают на первую треть текста.

Частотные словари позволяют отметить также изменения в употребительности синонимичных пар приставочного и бесприставочного глагола (цифры — абсолютные частоты):

	ПВЛ	МЛС
<i>зотѣти</i>	160	87
<i>восхотѣти</i>	9	37
<i>пустити</i>	27	5
<i>отпустити</i>	9	79
<i>повелѣти</i>	70	59
<i>велѣти</i>	12	43

Характерно, что употребительность глаголов *повелѣти* и *велѣти* изменяется в МЛС даже в пределах выборки:

	1-я треть текста	2-я треть	3-я треть
<i>повелѣти</i>	17	18	24
<i>велѣти</i>	6	6	31

Разумеется, и наблюдение за изменением употребительности того или иного слова с помощью частотных словников, и составление таблиц, вроде приведенных выше, носит лишь самый предварительный, чисто информационный характер. На первом этапе устанавливаются и грубо оцениваются наиболее существенные изменения в словниках сравниваемых текстов. Второй, собственно исследовательской операцией является выяснение причин отмеченных явлений. Если на первом этапе производились наблюдения «на уровне слов», то объяснения этих изменений могут быть найдены только в сфере их семантики, «на уровне значений».

Вот простейший случай. Большая употребительность глагола *бити* в МЛС (54 раза против 6 употреблений в ПВЛ) объяснима широким употреблением его в МЛС в составе терминологической формулы *бити челом*.

Другой пример — анализ 8 глаголов с корнем *им-* (*ем-*) (см. табл. 5).

²⁰ Из числа глаголов, употребленных в МЛС более 8 раз, в ПВЛ отсутствуют лишь слова: *пожаловати* (в МЛС — 31 раз), *учинити* (27), *срѣтити* (16), *загорѣтиса* (11), *благодарити* (10), *женитиса* (9), *аворовати* (9), *отступати* (9), *престати* (9), *пригонити* (9). Как видим, частоты приведенных слов значительно меньше достоверных.

Таблица 5

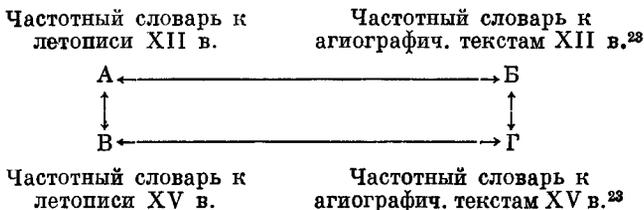
Употребление глаголов с корнем *им-(ем-)* в ПВЛ и МЛС

Слово	ПВЛ		МЛС	
	абсолютная частота	% словоупотреблений	абсолютная частота	% словоупотреблений
<i>прियाти</i>	104	29%	33	12%
<i>взяти</i>	97	27%	118	44%
<i>пояти</i>	47	13%	10	4%
<i>яти</i>	39	11%	11	4%
<i>имати</i>	35	10%	26	10%
<i>примати</i>	21	6%	3	1%
<i>изымати</i>	10	3%	23	8%
<i>поимати</i>	4	1%	45	17%
Всего словоупотреблений:	357	100%	269	100%

Рассмотрим причины изменения употребительности глаголов *прियाти*, *взяти*, *поимати* и *пояти*. Глагол *прियाти*, видимо, утрачивает к XV в. широко известные ПВЛ значения «получить во владение, управление» (например: *Прия власть сынъ его Изяласть; Приимшо послѣже всея братья столъ отца своего* и др.) и «захватить что-л., овладеть чем-л. силой» (например: *Поиди на братъ свои и прими волость его; Сянтоша же и Путята прियाста градъ* и др.). В этом значении в МЛС выступает почти исключительно глагол *взяти*, что и сказывается на увеличении числа его употреблений. Глагол *прियाти* в значении «получить от кого-л., заслужить что-л., удостоиться чего-л.» в МЛС употребляется крайне редко, по преимуществу в рассказе о Флорентийском соборе 1439 г. (*прियाти почестъ, прियाти зло* и т. д.). В то же время в ПВЛ глагол *прियाти* в этом значении весьма употребителен (44 случая); широко распространены, например, устойчивые словосочетания *прियाти вѣнецъ, прियाти царство небесное, прियाти муку, прियाти мечь* и т. д.²¹ Со значением «получить, приобрести» в МЛС вместо глагола *прियाти* начинает употребляться глагол *получити* (8 употреблений против 2 в ПВЛ). Существенно повлияло на частотность глагола *взяти* появление формулы *взяти миръ* (перемирь). В ПВЛ в синонимичной формуле выступали почти исключительно глаголы *створити* (*створити*) и *творити*. Неупотребительность данных глаголов в широко распространенной летописной формуле заключения мира явилась одной из причин сокращения случаев употребления глаголов *створити* и *творити* (*створити* в ПВЛ — 159 раз, в МЛС — 43, *творити* в ПВЛ — 59, в МЛС — 14). Большая употребительность глагола *поимати* в МЛС объясняется частым употреблением его в значении «захватить, пленить, задержать» вместо глагола *яти*, обычного в этом значении в ПВЛ²².

Частотные словари, таким образом, могут указать на ряд явлений, которые едва ли могут быть обнаружены при обычном чтении или сопоставлениях текстов, но которые важно исследовать для решения многих задач исторической лексикологии. Сведения, представляемые частотными словарями, бесспорно, сделают лексикологические оценки и наблюдения более объективными.

Возможные пути изучения древнерусского лексического материала можно было бы схематически изобразить так:

²¹ Обильно употребляются подобные устойчивые словосочетания и в других памятниках той же эпохи, например в «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия.

²² Глагол *поимати*, как можно видеть из контекстов, употребляется в МЛС с тем же значением завершеного действия, что и глагол *яти* в ПВЛ; ср. *и мало его не яша; Вышату же яша; намѣстници... поимаша; и поима его брат его; а Сеѣди поимаша* и т. д.

²³ См. сноску на пол. 117

Таблица 6

196 наиболее частых слов в ПВЛ (без ИС)

№	Слово	Часто- та	№	Слово	Часто- та	№	Слово	Часто- та
1	<i>и</i>	3842	59	<i>мужь</i>	108	117	<i>кресть</i>	48
2	<i>въ</i>	1535	60	<i>прияти</i>	104	118	<i>любы</i>	47
3	<i>его</i> ¹	1509	61	<i>братия</i>	99	119	<i>пояти</i>	47
4	<i>же</i>	1458	62	<i>взяти</i>	97	120	<i>ходити</i>	47
5	<i>быти</i>	1224	63	<i>вы</i>	97	121	<i>ало</i>	46
6	<i>на</i>	830	64	<i>дружина</i>	97	122	<i>нынѣ</i>	46
7	<i>сей</i>	819	65	<i>цѣрь</i>	97	123	<i>аки</i>	45
8	<i>не</i>	619	66	<i>церкы</i>	96	124	<i>конь</i>	45
9	<i>речи</i>	558	67	<i>многий</i>	94	125	<i>умрети</i>	45
10	<i>свой</i>	474	68	<i>ни</i>	94	126	<i>вода</i>	44
11	<i>отъ</i>	465	69	<i>господь</i>	92	127	<i>изити</i>	44
12	<i>къ</i>	458	70	<i>царь</i>	90	128	<i>сице</i>	44
13	<i>съ</i>	450	71	<i>единый</i>	89	129	<i>сѣдѣти</i>	43
14	<i>а</i>	442	72	<i>мѣсяць</i>	87	130	<i>даяти</i>	43
15	<i>по</i>	417	73	<i>слышати</i>	85	131	<i>смерть</i>	43
16	<i>лѣто</i>	410	74	<i>вои</i>	79	132	<i>грѣхъ</i>	42
17	<i>яко</i>	408	75	<i>монастырь</i>	79	133	<i>любити</i>	42
18	<i>бо</i>	375	76	<i>люди</i>	77	134	<i>повѣдати</i>	42
19	<i>иже</i> ²	339	77	<i>людье</i>	77	135	<i>бѣсъ</i>	41
20	<i>прити</i>	331	78	<i>твой</i>	77	136	<i>рука</i>	41
21	<i>богъ</i>	267	79	<i>человѣкъ</i>	77	137	<i>возвратитися</i>	40
22	<i>азъ</i>	265	80	<i>противу</i>	76	138	<i>законъ</i>	40
23	<i>тотъ</i>	242	81	<i>ту</i>	76	139	<i>мати</i>	40
24	<i>весь</i>	239	82	<i>убити</i>	76	140	<i>море</i>	40
25	<i>земля</i>	239	83	<i>другой</i>	74	141	<i>родъ</i>	40
26	<i>да</i>	238	84	<i>кто</i>	74	142	<i>мочи</i>	39
27	<i>ити</i>	234	85	<i>самъ</i>	74	143	<i>повѣдити</i>	39
28	<i>аще</i>	214	86	<i>повелѣти</i>	70	144	<i>тѣло</i>	39
29	<i>глаголати</i>	203	87	<i>имя</i>	68	145	<i>яти</i>	39
30	<i>день</i>	202	88	<i>свѣти</i>	68	146	<i>божий</i>	38
31	<i>мы</i>	198	89	<i>вашь</i>	64	147	<i>отрокъ</i>	38
32	<i>градъ</i>	196	90	<i>иный</i>	64	148	<i>приходити</i>	38
33	<i>оний</i> ³	194	91	<i>что</i>	64	149	<i>бѣжати</i>	37
34	<i>ты</i>	180	92	<i>жена</i>	62	150	<i>гдѣ</i>	37
35	<i>сынъ</i>	170	93	<i>игумень</i>	62	151	<i>злый</i>	37
36	<i>князь</i>	167	94	<i>мир (покой)</i>	62	152	<i>повѣчи</i>	37
37	<i>послати</i>	165	95	<i>дати</i>	61	153	<i>лодыя</i>	36
38	<i>хотѣти</i>	160	96	<i>стати</i>	61	154	<i>время</i>	35
39	<i>сѣтворити</i>	159	97	<i>стояти</i>	60	155	<i>дворъ</i>	35
40	<i>но</i>	154	98	<i>предъ</i>	59	156	<i>имати</i>	35
41	<i>ли</i>	148	99	<i>творити</i>	59	157	<i>молитва</i>	35
42	<i>отець</i>	143	100	<i>поставити</i>	58	158	<i>нощъ</i>	35
43	<i>святой</i>	137	101	<i>языкъ</i>	58	159	<i>первый</i>	35
44	<i>поити</i>	134	102	<i>ради</i>	57	160	<i>рѣка</i>	35
45	<i>великий</i>	133	103	<i>сѣдѣти</i>	57	161	<i>воевати</i>	34
46	<i>начати</i>	131	104	<i>гора</i>	56	162	<i>епископъ</i>	34
47	<i>мой</i>	127	105	<i>паки</i>	56	163	<i>кровь</i>	34
48	<i>у</i>	126	106	<i>послушати</i>	56	164	<i>свѣтъ</i>	34
49	<i>такъ</i>	125	107	<i>положити</i>	55	165	<i>тогда</i>	34
50	<i>братъ</i>	120	108	<i>страна</i>	55	166	<i>богородица</i>	33
51	<i>о (предл.)</i>	120	109	<i>городъ</i>	54	167	<i>между</i>	33
52	<i>себе</i>	120	110	<i>небо</i>	54	168	<i>преставитися</i>	33
53	<i>за</i>	115	111	<i>дань</i>	51	169	<i>привести</i>	33
54	<i>нашъ</i>	114	112	<i>мѣсто</i>	51	170	<i>наречи</i>	32
55	<i>видѣти</i>	113	113	<i>почати</i>	51	171	<i>печера</i>	32
56	<i>до</i>	110	114	<i>вдати</i>	50	172	<i>подъ</i>	32
57	<i>то (союз)</i>	110	115	<i>жити</i>	50	173	<i>посадити</i>	32
58	<i>имѣти</i>	108	116	<i>вѣра</i>	48	174	<i>преже</i>	32

Продолжение таблицы 6

№	Слово	Часто-та	№	Слово	Часто-та	№	Слово	Часто-та
175	<i>прочий</i>	32	184	<i>поганый</i>	29	193	<i>радоватися</i>	28
176	<i>иде</i> (нареч.)	31	185	<i>два</i>	29	194	<i>глава</i>	27
177	<i>при</i>	31	186	<i>сердце</i>	29	195	<i>около</i>	27
178	<i>ясти</i>	31	187	<i>уже</i>	29	196	<i>пустити</i>	27
179	<i>балларинъ</i>	30	188	<i>бегъ</i>	28			
180	<i>бывати</i>	30	189	<i>держати</i>	28			
181	<i>встати</i>	30	190	<i>душа</i>	28			
182	<i>оружье</i>	30	191	<i>егда</i>	28			
183	<i>соль</i>	30	192	<i>имѣние</i>	28			

¹ В это число входят косвенные падежи от местоимений *и, я, е* в единственном, двойственном и множественном числе.

² В том числе косвенные падежи от этих местоимений (*его же, ей же* и т. д.).

³ В том числе формы *онъ, она, оно, они* в именительном падеже.

Таблица 7

35 наиболее частых слов группы ИС в ПВЛ

№	Слово	Часто-та	№	Слово	Часто-та	№	Слово	Часто-та
1	<i>Володимерь</i>	224	13	<i>Всеволодъ</i>	62	25	<i>словѣне</i>	33
2	<i>Святополкъ</i>	162	14	<i>Ярополкъ</i>	58	26	<i>Володимиръ</i>	32
3	<i>Давидъ</i>	141	15	<i>ереки</i>	57		(город)	
4	<i>Киевъ</i>	123	16	<i>печенеги</i>	55	27	<i>Глѣбъ</i>	32
5	<i>русский</i>	114	17	<i>Новгородъ</i>	51	28	<i>Днѣпръ</i>	30
6	<i>Олеъ</i>	109	18	<i>Ольга</i>	49	29	<i>Моисѣй</i>	30
7	<i>Ярославъ</i>	106	19	<i>ляхи</i>	48	30	<i>болгаре</i>	29
8	<i>Русь</i>	89	20	<i>варяги</i>	44	31	<i>Всеславъ</i>	29
9	<i>Святославъ</i>	76	21	<i>Василко</i>	43	32	<i>деревляне</i>	29
10	<i>половци</i>	72	22	<i>Феодосий</i>	43	33	<i>Ростиславъ</i>	29
11	<i>Мъстиславъ</i>	68	23	<i>Борисъ</i>	34	34	<i>новгородъци</i>	28
12	<i>Ивъславъ</i>	67	24	<i>Игорь</i>	34	35	<i>Черниговъ</i>	27

Автор выражает свою признательность П. М. Алексееву за ценные советы и рекомендации.

²³ С помощью сравнения словарей А — Б и В — Г выясняется нейтральная к жанрам и, напротив, специфическая для отдельных жанров лексика. Сравнение словарей А — В и Б — Г покажет, как изменилась лексика отдельных жанров во времени. Наконец, общие явления, наблюдаемые при этом сравнении, укажут на изменения общезыкового характера, что представит интерес не только для исторической стилистики и исторической лексикологии, но и для различного рода семасиологических исследований.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

ПОНЯТИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ВАЛЕНТНОСТИ В РАБОТАХ ЗАРУБЕЖНЫХ ЯЗЫКОВЕДОВ

Понятие синтаксической валентности, все чаще встречающееся на страницах лингвистических работ, в зарубежном языкознании появилось сравнительно недавно. Впервые его выделил и обосновал в 1953 г. французский грамматист Л. Теньер в книге «Очерк структурального синтаксиса»¹. Однако система синтаксических взглядов, которая способствовала возникновению данного понятия, начала складываться значительно раньше.

Уже в статье Л. Теньера «Как построить синтаксис»², опубликованной в 1934 г., были намечены основные положения, получившие развитие в его позднейших работах. Подчеркивая, что теория синтаксиса должна базироваться на чисто синтаксических данных, автор предлагал различать в ней две основные части: 1) категориальный или статический синтаксис, изучающий грамматические категории, порядок и принципы их организации в языке; 2) функциональный или динамический синтаксис, исследующий структуру «живой» фразы, реальный механизм ее связей.

В принципиально новой трактовке Л. Теньера фраза предстает как многоуровневое иерархическое построение, в центре которого находится глагол, управляющий всем ее «организмом». На периферии размещается множество грамматических элементов, подчиняющихся друг другу, и, в конечном итоге, глагольному центру. Естественно, что учение о подлежащем как одном из главных членов предложения не нашло себе места в этой синтаксической концепции. Внутри фразы выделяются структурные единства, ядром которых может быть глагол, имя существительное, имя прилагательное или наречие. Подобные объединения Л. Теньер называет соответственно вербальными, субстантивными, адъективными и адвер-

биальными «узлами» (nœuds). Фраза состоит из одного или нескольких «узлов». Организующим центром в большинстве фраз является вербальный узел. Сказанное делает понятным исключительный интерес Л. Теньера к синтаксическим свойствам глагола, к его сочетаемости, который стимулировал в дальнейшем разработку им учения о синтаксической валентности.

В общем русле тех синтаксических воззрений, которые подготовили благоприятную почву для появления понятия валентности, важная роль принадлежала исследованию Ж. Фурке «Порядок элементов фразы в древних германских языках»³, пролагавшему пути теории позиционного синтаксиса.

Во введении к этой работе автор писал о том, что синтаксис не сводится более к изучению форм в составе предложения. Поскольку фраза разворачивается во времени, ее можно сопоставить с необратимой линией, наделенной смыслом. Различение отдельных сегментов на этой линии помогает установить разного рода оппозиции, как, например: непрерывность — прерванность, предшествование — следование, начальная позиция — конечная позиция, а также противопоставление позиций, зависящих от ранга. Любая позиция, отличаясь от другой возможной позиции, приобретает в силу этого «ценность» (la valeur) знака и может быть связана с грамматической или стилистической коннотацией.

Наряду с понятием позиции существенное значение для новой синтаксической теории имело понятие «элемента фразы». Содержание данного термина Ж. Фурке раскрывает на примере немецкого предложения: *Er / zog / am Tage vor Ostern / in das neue Haus / ein* «Он въехал в новый дом накануне пасхи», осуществляя в нем перестановку, ср. *In das neue Haus / zog / er / am Tage vor Ostern / ein*, и

¹ L. T e s n i è r e, *Esquisse d'une syntaxe structurale*, Paris, 1953, стр. 4.

² L. T e s n i è r e, *Comment construire une syntaxe*, «Bulléтин de la Faculté des lettres de Strasbourg», 7, 1934.

³ J. F o u r q u e t, *L'ordre des éléments de la phrase en germanique ancien. Études de syntaxe de position*, Paris, 1938.

преобразуя его во временное придаточное предложение *Als/er/am Tage vor Ostern/in das neue Haus/ein/zog*⁴.

Подобные преобразования, по мнению автора, помогают выявить «блоки», из которых складывается конкретное предложение. Некоторые из них представляют собой отдельные слова: *als, er, ein, zog*, другие же являются группами слов: *in das neue Haus, am Tage vor Ostern*. Эти вторичные единства внутри предложения Ж. Фурке и называет «элементами фразы». Наименование «член предложения» сохраняется им только за единствами, определяемыми синтаксической функцией, например функцией дополнения или подлежащего. Оба эти понятия — элемент фразы и «член предложения» — отнюдь не накладываются друг на друга и не обнаруживают полного совпадения.

Позиционный синтаксис основывается на наличии целой системы знаков, играющих определенную роль в организации фразы. По мнению Ж. Фурке, он должен включать три раздела: 1) порядок слов в элементе фразы; 2) порядок элементов во фразе; 3) порядок предложений внутри периода.

Отграничивая друг от друга термины «порядок» и «позиция», автор показывает, что различие между ними определяется углом зрения. В первом случае последовательность элементов фразы мыслится во всей своей совокупности. Например, в отношении английского языка говорят о группе, характеризующейся порядком «подлежащее — глагол — дополнение». Во втором случае рассматривается какой-либо один элемент фразы, поэтому здесь говорят о позиции подлежащего перед глаголом или в начале группы. Таким образом, порядок представляет собой совокупность позиций.

Взгляды Ж. Фурке и Л. Теньера сопрягаются не только в своей исходной базе (учение Ф. де Соссюра), но и в целом ряде других положений. В частности, общим для них является признание особой роли глагола во фразе, который, по мнению Л. Теньера, вместе со своим окружением «стоит в центре большинства европейских языков»⁵.

Именно поэтому под валентностью (*la valence*) Л. Теньер понимает в первую очередь синтаксическую валентность глагола.

В «Структуральном синтаксисе» Л. Теньер сравнивает глагол и непосред-

венно подчиняющиеся ему члены фразы (вербальный узел) с небольшой пьесой (*un petit drame*). Подобно настоящему спектаклю вербальный узел обязательно включает какой-либо процесс, наиболее часто встречающихся действующих лиц (*les acteurs*) и наиболее типичных обстоятельств (*les circonstances*). При переводе из плана сценической действительности в план структурального синтаксиса процесс превращается в глагол, действующие лица — в «участников» (*les actants*), а обстоятельства — в «выразителей обстоятельств» (*les circonstants*). Глагол управляет всей вербальной фразой. Ему непосредственно подчинены «участники» и «выразители обстоятельств».

В зависимости от выполняемой функции в «Структуральном синтаксисе» выделены три «участника», каждый из которых имеет определенный порядковый номер: «первый участник» (*prime actant*), «второй участник» (*second actant*) и «третий участник» (*tiers actant*).

С семантической точки зрения «первым участником» является тот, кто совершает действие (в этом своем качестве «первый участник» известен в традиционной грамматике под именем подлежащего), «второй участник» интерпретируется в семантическом плане как тот (или то), что испытывает на себе действие и обычно называется дополнением.

Л. Теньер подчеркивает, что традиционное семантическое противопоставление «подлежащее — дополнение» при структуральном рассмотрении снимается и превращается в простое различие (*simple différence*) между первым и вторым «участником».

Дополняя глагол, как и другие зависимые члены, подлежащее у Л. Теньера утрачивает то главенствующее положение, которое ему издавна отводилось в грамматике, и выступает лишь как один из видов дополнения (*un complément comme les autres*), что накладывает свой отпечаток на всю синтаксическую концепцию автора⁶.

«Третий участник» в семантическом аспекте является тем, в пользу которого или в ущерб которому осуществляется действие. Традиционная грамматика называет его косвенным дополнением.

Первый и второй «участники» при переходе из актива в пассив могут поменяться местами, так что первый «участник» активного диатезиса (*diathèse*) станет вторым «участником» пассивного диатезиса, т. е. своеобразным «антиподлежащим» (*le contre-sujet*).

⁴ Сходная методика членения предложения была впоследствии применена и развита Г. Глинцем в его книге «Немецкое предложение» (ср.: Н. Glinz, *Der deutsche Satz*, Düsseldorf, 1957, стр. 69 и сл.)

⁵ L. T e n s i è r e, *Éléments de syntaxe structurale*, Paris, 1959, стр. 102.

⁶ Ср. критику этого положения Л. Теньера в статье Р. Ф. М и к у ш а «Структуральный синтаксис Л. Теньера и синтагматический структурализм», ВЯ, 1960, 5, стр. 127.

В отличие от них «третий участник» как в одном, так и в другом диатезисе остается на своем обычном месте.

Семантическая значимость «третьего участника» заключается в том, что в общем плане он легко соотносим с тем лицом, которому адресован процесс. Число «участников» в вербальной фразе ограничено и всегда поддается точному исчислению. Благодаря этому свойству Л. Теньер кладет их в основу своей теории валентности. Подобная численная определенность нехарактерна для «выразителей обстоятельств». Они могут либо совершенно отсутствовать во фразе, либо будут представлены в ней в неограниченном количестве. Поэтому «выразители обстоятельств» полностью исключаются Л. Теньером из теории валентности.

Валентность определяется в «Структуральном синтаксисе» как число «участников», которым способен управлять глагол. Таким образом, синтаксическая валентность понимается автором в первую очередь как потенциальная сочетаемость глагола с подлежащим и дополнением. Отсюда вытекает существенный для рассматриваемой концепции вопрос о замещенности (или незамещенности) отдельных позиций в общей сумме валентностей.

Л. Теньер подчеркивает, что не всегда «участники» заполняют все валентности глагола и глагол выступает как бы «насыщенным» (*saturé*). Отдельные валентности могут остаться «незамещенными» или «свободными» (*inemployées ou libres*). Так, например, во французском языке трехвалентный глагол *donner* может быть употреблен без второго или без третьего «участника», ср. *Alfred donne aux pauvres* «Альфред подает беднякам» и *Alfred donne la main* «Альфред подает руку».

Понятие валентности Л. Теньер использует для синтаксической классификации глаголов, выделяя глаголы с нулевой валентностью (*les verbes avals*), одновалентные (*monovalents*), двухвалентные (*bivalents*) и трехвалентные (*trivalents*) глаголы.

Глаголы с нулевой валентностью характеризуются отсутствием «участников» и известны в традиционной грамматике как безличные глаголы⁷, поскольку они обозначают процесс, развертывающийся сам по себе, без участия какого-либо ли-

ца (лат. *pluit*, франц. *il pleut*, нем. *es regnet* «идет дождь»). Одновалентные глаголы, имеющие одного «участника», выражают процесс, в котором участвует только одно лицо или один предмет (франц. *Alfred tombe* «Альфред падает»). Обычно их называют в грамматике непереходными.

Двухвалентные глаголы называют процесс, «участниками» которого являются два лица или предмета (франц. *Alfred frappe Bernard* «Альфред бьет Бернара»). Действие здесь переходит с одного лица на другое, поэтому в традиционной грамматике они известны как переходные глаголы.

Трехвалентные глаголы выражают процесс, в котором принимают участие три лица или предмета (франц. *Alfred donne le livre à Charles* «Альфред дает книгу Шарлю»). Первым и третьим «участником» при трехвалентных глаголах обычно выступает какое-либо лицо, а вторым — какой-либо предмет.

Для обозначения глаголов с тремя «участниками» традиционная грамматика не располагает специальным термином. Она объединяет их вместе с двухвалентными глаголами общим названием «переходные глаголы». В этом Л. Теньер справедливо усматривает серьезный пробел, поскольку вследствие подобного подхода из поля зрения исследователя выпадают трехвалентные глаголы, самые сложные в структуральном отношении и самые трудные для овладения.

Теория валентности Л. Теньера быстро получила признание и нашла последователей за пределами Франции.

Наиболее близок к Л. Теньеру в своем понимании валентности западногерманский языковед Г. Бринкман. В своей книге «Немецкий язык» Г. Бринкман отмечает, что глагол в предложении проявляет себя не только в отношении между подлежащим и сказуемым, но и обнаруживает другие связи, которые затем естественно включаются в расширенное таким образом субъектно-предикативное отношение⁸. «Способность глагола требовать дальнейшие позиции в предложении» Г. Бринкман вслед за Л. Теньером называет валентностью (*die Valenz*). Позиции, открытые для дальнейших связей, получают (как и у Л. Теньера) название «участников» (*Mitspieler*).

У Г. Бринкмана по сравнению с Л. Теньером более отчетливо проступает различие между терминами «валентность» и «позиция». Л. Теньер обозначает термином «валентность» как способность глагола к сочетаемости, так и отдельные позиции при глаголе (ср. у него по-

⁷ Л. Теньер отмечает, что некоторые исследователи предлагали заменить этот термин термином «одноличные» (*unipersonnel*), так как глаголы без «участников» практически употребляются только в форме 3-го лица единственного числа («*Éléments de syntaxe structurale*», стр. 239).

⁸ H. B r i n k m a n n, *Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung*, Düsseldorf, 1962, стр. 223 и сл.

нятие «незамещенной» или «свободной валентности»).

Г. Бринкман проводит более строгое терминологическое разграничение. Валентность у него — всегда только способность глагола, его «словосочетательная» потенция. Там же, где речь идет о возможностях реализации данной потенции — о замещении, он пользуется термином «позиция» (*die Stelle*).

Подобное разграничение представляется вполне уместным. Хотя синтаксическая валентность той или иной части речи и исчисляется на основе позиций, возможных в ее окружении, валентность и позиция — явления двух разных планов. Валентность характеризует синтаксические возможности элемента языка. Позиция же представляет собой одно из звеньев в определенной модели, возникающей в результате реализации этих возможностей. Поэтому применительно к валентности можно говорить о потенциальной и реализованной, обязательной и факультативной валентности. Понятия замещенности и незамещенности, занятости или незанятости правильнее распространять лишь на позицию.

Для Г. Бринкмана характерно указание на связь между синтаксической валентностью слова и его семантикой. Среди слов, принадлежащих к основным частям речи (существительное, прилагательное, глагол) автор выделяет слова «замкнутые» (*geschlossen*) и «незамкнутые» (*offen*). Особенностью «замкнутых» слов является то, что они сами занимают в предложении место, предназначенное для данной речи. Слова же «незамкнутые», напротив, требуют соединения с другими словами, поэтому там, где они включаются в структуру предложения, возникают словосочетания. Тот, кто выбрал слова *der Verfasser* «автор, составитель» и *verfassen* «составлять, сочинять», тем самым должен употребить словосочетания, ср.: *der Verfasser des Stücks* «автор пьесы», *Wer hat das Stück verfasst?* «Кто написал эту пьесу?». Г. Бринкман делает интересное наблюдение относительно различия в валентных свойствах имени существительного и прилагательного, с одной стороны, и глагола — с другой. В то время как имя существительное или прилагательное, как правило, располагает одной вакантной позицией для падежной формы другого имени существительного, глагол, помимо подлежащего, может иметь еще другие вакантные позиции.

В качестве «участников» рассматриваются и исчисляются только такие позиции, которые могут быть замещены именем существительным (в любой падежной форме). Формы, присоединяемые при помощи предлогов, автором не учитываются, хотя он и отмечает, что глагол может требовать присоединения какой-

либо формы через посредство предлога. Данное ограничение, по-видимому, продиктовано необходимостью отмежеваться от обстоятельств, которые Г. Бринкман, подобно Л. Тевьеру, не включает в общую сумму валентностей.

Для языка, подчеркивает автор, существенны три вопроса: сколько вакантных позиций допустимы в нем при глаголе, какие падежные формы используются для их замещения и как распределяются последние.

В современном немецком языке из четырех падежей (именительного, родительного, винительного и дательного) именительный падеж закреплен за подлежащим, родительный — за присубстантивной позицией, а для глагола остаются винительный и дательный падежи. Если привять во внимание, что каждый из этих падежей в общем может быть употреблен при глаголе всего один раз, то получится, что глагол располагает тремя (включая подлежащее) позициями «участников».

Исходя из этого Г. Бринкман пытается исчислить объем синтаксической сочетаемости глаголов. Разработанная им на материале современного немецкого языка классификация включает глаголы восьми синтаксических типов: 1) глаголы с нулевой валентностью (*nullstellige Verben*), особенностью которых является то, что с ними никогда не сочетаются существительные (*es friert* «морозит»)*; 2) ограниченно одновалентные глаголы (*beschränkt einstellige Verben*), которые выступают всегда в форме 3-го лица единственного числа, но допускают замещение субъектной позиции существительными определенного лексического круга (*Der Versuch ist mißglückt* «Опыт не удался») или придаточным предложением (*Es kommt vor, daß ich ihn treffe* «Случается, что я его встречаю»); 3) неограниченно одновалентные глаголы (*unbeschränkt ein stellige Verben*) (*Der Vater schläft* «Отец спит»); 4) одновалентные глаголы с распространением (*erweitert einstellige Verben*) в дательном падеже (*Ich folge dir* «Я следую за тобой»); 5) одновалентные глаголы с распространением в родительном падеже (*Wir gedachten der Toten* «Мы вспоминали об умерших»); 6) глаголы с двумя обязательными валентностями (*notwendig zweistellige Verben*) (*Du hast den Brief geschrieben* «Ты написал пись-

* В. Шмидт подверг сомнению правомерность отнесения Г. Бринкманом безличных глаголов к глаголам с нулевой валентностью. По мнению В. Шмидта, эти глаголы можно считать одновалентными, поскольку позиция, предназначенная для подлежащего, замещена безличным местоимением *es* (W. Schmidt, Grundfragen der deutschen Grammatik, Eine Einführung in die funktionale Sprachlehre, Berlin, 1965, стр. 198).

мо»); 7) двухвалентные глаголы с расширением (erweitert zweistellige Verben) в родительном падеже (*Man hat ihn des Diebstahls beschuldigt* «Его обвинили в воровстве»); 8) двухвалентные глаголы с расширением в дательном падеже, которые могли бы быть названы трехвалентными глаголами (dreistellige Verben), так как они обозначают переходящие процессы, обращенные к какому-либо лицу (*Ich habe ihm das Haus übertragen* «Я передал ему дом»).

В приведенной классификации прослеживается попытка автора разграничить факультативные и обязательные валентности, что является новым по сравнению с синтаксической классификацией, предложенной Л. Теньером. Однако данная попытка не может быть признана удачной, поскольку отсутствуют четкие критерии, позволяющие отделить факультативных «участников» от обязательных. Так, Г. Бринкман рассматривает одновалентные глаголы с расширением (4 и 5 типы) как варианты неограниченно одновалентных глаголов (3 тип), т. е. считает их второго «участника» (косвенное дополнение в дательном или родительном падеже) в принципе факультативным. Между тем, второй «участник» в винительном падеже (прямое дополнение) является у Г. Бринкмана, как правило, обязательным (6 тип).

Главное обоснование разной трактовки вторых «участников» в зависимости от их падежной формы автор усматривает в разнице их поведения при переводе в пассив. Прямое дополнение при переводе в пассив становится подлежащим, что, по мнению Г. Бринкмана, представляет собой самую важную особенность двухвалентных (переходных) глаголов. Он подчеркивает, что при переходящем процессе между подлежащим и дополнением устанавливается замкнутая (в силу своей двусторонности и обратимости) связь. Отношение же, выраженное дательным или родительным падежом, при переходе в пассив остается неизменным.

Таким образом, у Г. Бринкмана, сохранившего в отличие от Л. Теньера традиционный взгляд на подлежащее, пассивная трансформация используется для обоснования главенствующей роли прямого дополнения по сравнению с косвенным. Именно благодаря этому особому положению второй «участник» в винительном падеже трактуется автором как обязательный, а второй «участник» в дательном или родительном падеже — как факультативный.

Однако подобная точка зрения далеко не всегда соответствует действительности. Трансформация опущения свидетельствует о том, что факультативным может оказаться и прямое дополнение, и, наоборот, обязательным придется признать

дополнение в родительном или дательном падеже.

Например, опущение прямого дополнения в приводимом Г. Бринкманом предложении *Du hast den Brief geschrieben* «Ты написал письмо» порождает отмеченное предложение современного немецкого языка *Du hast geschrieben* «Ты писал», в то время как опущение дополнения в родительном падеже в предложении *Wir gedachten der Toten* «Мы вспоминали об умерших» имеет своим результатом неотмеченную структуру **Wir gedachten* «Мы вспоминали».

Факультативными Г. Бринкман, судя по приводимым им на неограниченно одновалентные глаголы примерам (*Die Wohnung besteht aus vier Zimmern* «Квартира состоит из четырех комнат» и *Ich wohne in der Stadt* «Я живу в городе»), считает предложное дополнение (*aus vier Zimmern*) и обстоятельство места (*in der Stadt*). Однако опущение этих частей высказывания порождает неотмеченные структуры **Die Wohnung besteht* «Квартира состоит» и **Ich wohne* «Я живу», что доказывает их структурную и смысловую необходимость.

Книга Г. Бринкмана «Немецкий язык» была издана в серии «Язык и коллектив» (*Sprache und Gemeinschaft*), основанной Л. Вейсгербером¹⁰. В ряде последних работ Л. Вейсгербер дает оценку понятия синтаксической валентности и высказывает интересные мысли о возможности применения данного понятия в рамках разрабатываемой им и его последователями теории «грамматики, ориентирующейся на содержание» (*inhaltsbezogene Grammatik*).

Касаясь вопроса о синтаксической валентности глагола у ряда исследователей (Л. Теньер, Ж. Фурке, Й. Эрбен, Г. Бринкман), Л. Вейсгербер отмечает, что она в сильной степени зависит от конкретного глагола, точнее от того семантического пласта (*Verbschicht*), к которому принадлежит глагол. Здесь, по меткому выражению Ж. Фурке, исследователь находится на стыке структурального и семантического синтаксиса¹¹.

Очень важно высказывание Л. Вейсгербера о том, что идея валентности глагольного ядра может быть продолжена в более отвлеченной форме, сохраняя при этом то энергетическое направление, которое было свойственно ей при ее возникновении. В общих чертах автор формулирует эту развернутую идею следую-

¹⁰ Подробнее о Л. Вейсгербере см.: М. М. Г у х м а н, Лингвистическая теория Л. Вейсгербера, сб. «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике», М., 1961.

¹¹ L. W e i s g e r b e r, Von den Kräften der deutschen Sprache, II, Die sprachliche Gestaltung der Welt, Düsseldorf, 1962, стр. 345 и сл.

щим образом: «каждая часть предложения (Satzstück) в силу своего положения в сфере моделирования (Gestaltungskreis) определенной части речи обладает „валентностью“, выходящей за пределы ее конкретного содержания, т. е. способностью к соединению (eine Affinität) с другими частями предложения»¹². Таким образом, вопрос о валентности ставится не только применительно к глаголу, но гораздо шире, применительно ко всем частям речи, что несомненно правильно.

В структуре энергетической модели Л. Вейсгербер предлагает говорить не о валентности, а о «несущей» (Tragkraft) или, еще точнее, «излучающей силе» (Ausstrahlungskraft). «Излучающая сила» распределяется неравномерно и варьирует в зависимости от части речи и лексического пласта внутри нее, что, в частности, разъясняет преваширование глагола в европейских языках. В этой связи Л. Вейсгербер отмечает большую плодотворность точных наблюдений Г. Бринкмана над различными лексическими пластами глаголов, существительных и прилагательных внутри соответствующей части речи.

Одна из первостепенных и важных задач синтаксиса как части «грамматики, ориентирующейся на содержание», по мнению Л. Вейсгербера, состоит в выявлении «синтаксического содержания, связанного с отдельными частями речи» и в раскрытии «мыслительных путей, ведущих от части речи к строю предложения»¹³.

Недостатки, которых не была лишена концепция валентности Л. Теньера, особенно наглядно проявились у таких его последователей, как Г. Бринкман. Главный из них состоит в том, что среди непосредственно зависящих от глагола членов «участники» для исчисления валентностей выделялись в соответствии с известной мерой априорных требований. При этом, как правило, не учитывалась реальная коммуникативная функция того или иного члена высказывания, подчиненного глаголу.

Стремление преодолеть указанный недостаток характеризует прежде всего тех исследователей, которые пользуются понятием валентности для выявления основных структурных моделей предложения. К их числу может быть отнесен И. Эрбен, автор «Очерка немецкой грамматики»¹⁴.

В своем понимании синтаксической структуры И. Эрбен (подобно Л. Теньеру) исходит из трактовки немецкого предложения в первую очередь как глагольного

(Verbalsatz), в котором определяющим центром высказывания (Aussagekern) является глагол. Именно валентность (Wertigkeit, Valenz) глагола, которую автор сравнивает с валентностью атома, определяет структурную схему предложения, поскольку главным образом от нее зависит то, какие и сколько дополнений к глаголу выступают в препозиции и постпозиции.

«Дополнениями» (Ergänzungsbestimmungen) И. Эрбен вслед за Л. Теньером считает не только дополнения традиционной грамматики, но и подлежащее. Однако в отличие от Л. Теньера и Г. Бринкмана автор относит к «дополнениям» также необходимые по смыслу обстоятельства, предикативное определение и предикатив.

Каждое из «дополнений» имеет в схемах И. Эрбена определенный номер (E₁, E₂, E₃, E₄), но, как подчеркивает автор, цифры эти лишь помогают исчислить общую валентность глагола и не отражают ни их иерархию, ни порядок следования.

В зависимости от общей валентности глагола-сказуемого, исчисляемой по количеству необходимых смысловых дополнений, И. Эрбен выделяет четыре основные структурные модели простого предложения в современном немецком языке.

В первой из них центром высказывания являются одновалентные глаголы, например: *Vater schläft* «Отец спит».

Вторая включает двухвалентные глаголы. Данная модель представлена у И. Эрбена четырьмя вариантами: 1) *Großvater ist Katholik (katholisch)* «Дедушка - католик»; 2) *Katzen fangen Mäuse* «Кошки ловят мышей»; 3) *Mitschüler helfen Fritz* «Одноклассники помогают Фрицу»; 4) *Fritz geht zum Arzt/liegt im Krankenhaus* «Фриц идет к врачу/лежит в больнице».

Третья модель, констатирующим центром которой являются трехвалентные глаголы, имеет также четыре варианта: 1) *Fritzchen nennt Anton Onkel/faul* «Фрицхен зовет Антона дядей/лентяем»; 2) *Mutter lehrt Berta das Stricken* «Мать учит Берту вязать»; 3) *Gastwirte geben Stammgästen Bier* «Трактирщики подают завсегдатаям пиво»; 4) *Mädchen stellen Blumen auf den Tisch* «Девушки ставят цветы на стол».

Вокруг четырехвалентных глаголов организуются модели типа *Er schleudert ihm den Handschuh ins Gesicht* «Он швыряет ему в лицо перчатку».

Новым и положительным в теории И. Эрбена явилось то, что при исчислении валентностей он руководствуется принципом смысловой обязательности зависящих от глагола членов. Это позволило автору значительно расширить состав «участников», введя в него также обстоятельства. Необходимость считаться при выделении основных структурных моде-

¹² Там же, стр. 346.

¹³ L. Weisgerber, Von den Kräften der deutschen Sprache, I, Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik, Düsseldorf, 1962, стр. 292.

¹⁴ J. Erben, Abriß der deutschen Grammatik, Berlin, 1958, стр. 165 и сл.

лей предложения с наличием в его составе обязательных обстоятельств находит свое подтверждение и в работах других исследователей немецкого синтаксиса, например, в «Грамматике современного немецкого языка» Дудена¹⁵.

Однако слишком широкая трактовка «участника» как любого смыслового дополнения приводит у Й. Эрбена к ряду неточностей в разделении глаголов на группы по синтаксическим валентным свойствам.

Так, в частности, по одной лишней валентности получают возвратные глаголы типа *sich entrüsten* «возмущаться», *sich begeben* «направляться (куда-либо)», а также сложные глаголы типа *totschlagen* «убивать», поскольку Й. Эрбен рассматривает как смысловое дополнение неотчленимые на синтаксическом уровне возвратную частицу *sich* и основу *tot*.

В группу двухвалентных глаголов у Й. Эрбена объединены такие качественно отличающиеся друг от друга явления, как связочные, переходные, непереходные и возвратные глаголы (ср. вторую модель).

Во избежание подобного смешения следовало бы, по-видимому, учитывать не только число валентностей, но и их качественные характеристики.

Этот интересный вопрос своевременно поднят в статье Г. Гельбига «Понятие валентности как средство структурального описания языка и преподавания иностранных языков»¹⁶. Г. Гельбиг ставит перед собой задачу уточнить и formalизовать понятие валентности, сделал его применимым как при строгом теоретическом описании языка, так и в педагогическом процессе. В частности, для определения смысловой необходимости того или иного «участника» автор предлагает использовать процедуру опущения (*Eliminierungstransformation*), заимствуя ее из трансформационной грамматики. С этой целью в составе предложения опускается один из «участников». Если в результате подобного опущения получится отмеченное (*grammatisch*) предложение, то, следовательно, опущенный «участник» не является структурно обязательным. Если же в результате опущения получится неотмеченная (*ungrammatisch*) структура, то опущенный «участник» структурно необходим.

¹⁵ «Der Große Duden», IV: Grammatik der deutschen Gegenwartssprache, Mannheim, 1959, стр. 434 и сл.; ср. также: H. G r i e s b a c h, D. S c h u l z, Grammatik der deutschen Sprache, München, 1962, стр. 312 и сл.

¹⁶ G. H e l b i g, Der Begriff der Valenz als Mittel der strukturellen Sprachbeschreibung und des Fremdsprachenunterrichts, «Deutsch als Fremdsprache», 1, 1965.

Так, например, обстоятельство места не представляет собой необходимого по смыслу члена высказывания при глаголе *besuchen* «посещать, навестить», ср. *Ich besuche ihn in Berlin* «Я навестю его в Берлине» → *Ich besuche ihn* «Я навестю его». Однако прямое дополнение при данном глаголе совершенно обязательно, ср. *Ich besuche ihn in Berlin* → **Ich besuche in Berlin* «Я навестю в Берлине» → **Ich besuche* «Я навестю».

Отмечая недостаточность традиционных терминов «переходность» и «непереходность», Г. Гельбиг считает возможным заменить или дополнить их в будущем ссылкой на общую численную валентность глагола, например: *regnen*₀ (*es regnet* «идет дождь»), *schlafen*₁ «спать», *kennen*₂ «знать», *bringen*₃ «принести».

Вместе с тем он справедливо подчеркивает, что такого чисто количественного указания в словаре еще недостаточно для правильного употребления того или иного конкретного глагола иностранцем, изучающим немецкий язык. Поэтому, помимо количества валентностей, должны быть определены их качественные характеристики.

Например, глагол *legen*₃ «класть» требует подлежащего, дополнения и обстоятельства места, в соответствии с чем качественные характеристики его валентностей могли бы быть записаны следующим образом *legen*₃ → S, O, Loc.

По мнению Г. Гельбига, в синтаксическом дистрибутивном словаре необходимо отразить также селекционные свойства, поскольку определенный глагол сочетается не со всяким подлежащим, дополнением и т. п. Так, при глаголе *waschen* «мыть; стирать» автор наряду с общим числом валентностей приводит пометы, характеризующие соответствующие синтаксические ограничения: *waschen*₂ (*S_n, S_a*); *S_n* → одушевленное существо; *S_a* → 1) о (тогда значение о = вещь), 2) одушевленное существо, лицо, ребенок (становится возвратным, если *S_n = S_a*), 3) вещь.

Опираясь на приведенные пометы, иностранец сможет правильно составить следующие предложения немецкого языка: *Die Mutter wäscht* «Мать стирает» — *Die Mutter wäscht das Kind* «Мать моет ребенка» — *Die Mutter wäscht sich* «Мать моется» — *Die Mutter wäscht das Geschir* «Мать моет посуду».

Предложения типа *Die Mutter wäscht ihm das Gesicht* «Мать моет ему лицо» потребовало бы введения третьей, факультативной валентности *waschen*_{2(s)}; *S_n, S_a, (S_d)*, которая дается в круглых скобках и получает следующую интерпретацию: *S_d* → лицо; при наличии *S_d S_a* является лицом или вещью, но никогда → о; *S_d* → возвратная частица, если *S_n = S_d*;

Г. Гельбиг считает, что валентности принадлежит большое будущее в том структурном описании немецкого языка,

которое еще предстоит осуществить ученым.

Попытку учесть качественное своеобразие синтаксических валентных свойств глаголов предпринимает также В. Юнг в вышедшей недавно «Грамматике немецкого языка»¹⁷. Трактую валентность как потребность в смысловом дополнении (*Ergänzungsbedürftigkeit*), автор делит глаголы немецкого языка на семантически насыщенные (*bedeutungsgesättigt*) или абсолютные глаголы, выступающие без объекта или обстоятельства, и глаголы относительные, требующие смыслового дополнения. Среди последних он различает глаголы: 1) объектносвязанные (*objektgebunden*), 2) обстоятельственносвязанные (*umstandsgebunden*) и 3) копулятивные (с предикативным дополнением).

Понятие синтаксической валентности, которое в зарубежном языковедении впервые было четко сформулировано представителем французского структурализма, за сравнительно короткий срок существенно видоизменило свое содержание.

Если первоначально синтаксическая валентность трактовалась только как со-

четаемость глагола с подлежащим и дополнением, то позднее круг «участников» значительно расширился за счет включения всех необходимых по смыслу добавлений к глаголу, в первую очередь — структурно обязательных обстоятельств. Некоторые исследователи поднимают вопрос об использовании данного понятия не только применительно к глаголу, но и по отношению к другим частям речи.

Существенную роль при установлении структурно необходимых «участников» и при исчислении валентностей начинают играть отдельные приемы и методы трансформационной грамматики, в особенности процедура опущения, дающая строгие объективные критерии.

Внимание исследователей привлекает как количество валентностей, так и их качественные характеристики.

Понятие синтаксической валентности расценивается как весьма плодотворное не только при теоретическом описании того или иного языка, но и при его практическом преподавании и изучении¹⁸.

Н. И. Филичева

¹⁷ W. Jung, *Grammatik der deutschen Sprache*, Leipzig, 1966, стр. 175—176.

¹⁸ Автор приносит глубокую благодарность д-ру филол. наук Э. А. Макаеву за ценные советы и замечания.

РЕЦЕНЗИИ

Э. А. Макаев. Язык древнейших рунических надписей. — М., изд-во «Наука», 1965. 156 стр.

Рецензируемая книга не представляет собой систематической грамматики; задачей автора скорее является постановка и принципиальное освещение вопроса о языковой принадлежности старших рунических надписей от III (можно было бы также сказать и от II) до V в. н.э. Автор справедливо замечает в «Предисловии», что указанный вопрос до сих пор недостаточно исследован рунологами. Причину этого он в определенной мере усматривает в небольшом числе и малом объеме известных рунических надписей. Особое внимание обращается на хронологию надписей в связи с данными, полученными по этому вопросу археологией. В будущем, как отмечает автор, в изучаемой области необходимы совместные работы исследователей различных дисциплин. При всех условиях автор предостерегает от поспешных выводов.

Значительно менее освещенной представляется автору проблема рунических надписей переходного периода VI—VIII вв., т. е. периода до появления богато представленных надписей эпохи викингов (стр. 4).

Первая основная часть книги (стр. 5—98) посвящена собственно исследованию. В главе I (стр. 5—18) Э. А. Макаев рассматривает современное состояние рунологии. Он обращает внимание на основополагающие работы датского исследователя Л. Виммера, который первый вскрыл особенности языка древнейших рунических надписей и сделал это достоянием науки. После Л. Виммера рунология быстро развивалась усилиями многих исследователей, среди которых можно, в частности, назвать имена норвежских ученых С. Бугге, М. Ульсена и К. Марстрандера (умер в декабре 1965 г.), шведов Э. Братз, О. фон Фрисена, Э. Вессена, С. Янсона, И. Линдквиста, датчан Л. Якобсона и Э. Мольтке (следовало бы добавить еще особенно А. Бэкстеда).

С течением времени в связи с новыми открытиями не только значительно увеличилось число известных рунических надписей, но также уточнились приемы их интерпретации; все более усиливалось контактирование рунологии с рядом смежных дисциплин, особенно с архео-

логией, палеографией, историей, этнографией и мифологией (стр. 5). Однако эти несомненные успехи, достигнутые рунологией за последние 90 лет, еще не являются гарантией того, что можно уверенно полагаться на правильность полученных расшифровок и интерпретаций отдельных надписей и на те выводы, которые делаются на основании этих надписей. Кроме того, необходимо учитывать, что большинство изучаемых надписей дошли до нас в более или менее поврежденном и фрагментарном состоянии (стр. 6).

В связи с этим автор считает важным отметить тот факт, что большинство надписей состоит лишь из нескольких слов, нередко мы имеем дело только с одним словом или даже с одной или двумя рунами. Следует учесть, что часто отсутствует однозначное этимологическое соответствие надписи; во многих случаях затруднено даже ее чтение. Со своей стороны мне хотелось бы добавить, что из примерно 220 известных рунических надписей есть лишь немногие, которые были бы одновременно полностью удобочитаемы и ясны по содержанию, причем среди последних нет ни одной надписи, состоящей более чем из двух слов. Так, из двух слов состоят: надписи на фибуле из Братсберга (*ek erilaR*), на брактеатах из Дарума V (*Niuji alu*) и из Скрудструпа (*laukaR alu*); из одного слова состоят надписи: на гребне из Вимосе (*Harja*), на копье из Дамсдорфа (*ran(n)ja* «нападающий»), на камне из Фёрде (*Aluko*), на грузиле из Вонга (*hauko fuR* «подобный ястребу»), на камне из Твейто (*taitR*), на фибуле А из Веймара (*Haribrig*), на фибуле В из Вейнгартена (*Dado*). Сюда же следует отнести еще несколько надписей, содержащих только одно слово типа *alu*, *laukaR*, *lafu*, особенно на брактеатах. Однако часто даже в том случае, если исследователь оказывается в состоянии прочесть ту или иную надпись, не всегда возможно проникновение в ее культурно-историческое окружение и тем самым в ее смысл (стр. 6).

Материал для своего исследования Э. А. Макаев берет главным образом из моей книги «Рунические надписи на стар-

шем футарке»¹. Со времени выхода этой книги, конечно, появилось много открытий и во многом изменилась интерпретация некоторых надписей. Э. А. Макаев также приводит список вновь обнаруженных надписей с указанием места их обнаружения (стр. 7). Следует отметить, что указываемый в этом списке брактеат из Хесселагера является просто дублетом брактеата с тем же названием (DR 33²), брактеат из Ринггорда (у Э. А. Макаева ошибочно Рингсгорда) является дублетом брактеата II из Дарума (DR 10). Прочие вновь найденные надписи будут приведены при разборе стр. 100 и сл. рецензируемой книги.

На стр. 9 и сл. автор справедливо считает важной новую датировку надписей на брактеатах, так как брактеаты являются основой датировки древнейших рунических надписей вообще. К сожалению, как замечает Э. А. Макаев, результаты исследований шведских и датских археологов сильно расходятся именно по этому вопросу. Тем не менее новейшие археологические находки дают возможность прийти к более точным выводам: древнейшие брактеаты следует отнести ко второй половине V в., наиболее поздние — ко второй половине VI в., ибо все рунические брактеаты обнаруживают еще наличие так называемого «звериного орнамента» I. Этот орнамент, однако, во второй половине VI в. был вытеснен «звериним орнаментом» II, который впервые встречается в надписи на захоронении Арнегундиса в Сент-Денисе (около 565 г.) и, видимо, очень быстро распространился к северу.

Большую важность представляет вопрос о том, в какой мере при рассмотрении надписей на брактеатах следует считаться с постепенным искажением рун в старых словарных формулах. Э. Мольтке очень далеко заходит в своем скепсисе относительно возможности прочтения этих «бессмысленных» надписей. В различных своих работах я старался доказать (по крайней мере в отношении формул *alu*, **chwe*, *laukaR* и *lafu*) именно такое постепенное искажение рун. Отсюда следует, что соответствующие формулы, не засвидетельствованные в «чистом виде», могли в свое время существовать, но не дошли до нашего времени. Я не могу согласиться с мнением Э. А. Макаева, кото-

рый, вслед за А. Андерссеном, считает, что надпись *SsigaduR* на медальоне из Свартеборга является бессмысленным набором рун (стр. 10 и 61). Представленная здесь последовательность рун однозначно указывает на вполне осмысленное слово (имя собственное *SigaduR*); что касается удвоения начальной руны, то оно является либо просто орнаментальным, либо магическим (для получения числа рун, равного восьми).

Автор рецензируемой книги, вслед за Марстрадером, читает последнее слово надписи на скале Веблунгнес, упавшей в 1938 г. в море, как *Wiwilan*, т. е. с окончанием косвенного падежа *-n* (ср. также *WiwilaR* у Янзена) (стр. 11, 108, 145). В противоположность этому следует указать, что рунологи Г. Сторм и С. Бугге, считающие единственно верным прочтение слова на основе непосредственного анализа оригинала, читали в разбираемом случае только *Wiwila* (т. е. номинатив), а тонкую наклонную линию, находящуюся после руны *a*, вполне справедливо считали обозначением окончания слова.

В следующем разделе Э. А. Макаев затрагивает важную проблему хронологии. Он справедливо считает, что абсолютная хронология рунических памятников может быть осуществлена только с помощью археологических данных, а относительная хронология — иногда на основе особенностей самих этих надписей (стр. 13). В связи с этим можно было бы особенно указать на такие рунические знаки, которые, в зависимости от места и времени представленности, обнаруживают весьма изменчивую форму, прежде всего руны, обозначающие *k*, *j*, *s*, *ŷ*, возможно также *e*. Абсолютная датировка, естественно, является спорной в случаях, когда археологи сами расходятся в мнениях между собой, как, например, при оценке судилищ группы Бьеркеторп — Стентофта (стр. 14). Во всяком случае язык основной части надписи из Стентофта и формулы заклинания из Бьеркеторпа является более поздним, чем язык брактеатов.

Автор касается трудной проблемы относительно того, насколько в надписях на брактеатах, а также в других рунических надписях следует считаться с архаизирующим языком. Что касается брактеатов, то еще Э. Мольтке указывал на тот факт, что ни в одной удобопонятной надписи на брактеатах не обнаруживаются какие-либо более поздние языковые формы, что явно говорит против допущения искусственно архаизирующего языка в этой группе рунических памятников (стр. 17). Впрочем можно с полным основанием учитывать архаизирующие особенности языка в таких случаях, когда типологически более раннее написание противопоставляется типологически бо-

¹ W. Krause, Runeninschriften im älteren Futhark, Halle, 1937. Подготовленное мною совместно с Г. Янкуном переработанное издание книги вышло в свет в конце 1966 г. Естественно, что в нем учтены все вновь открытые надписи (далее это издание сокращенно будет обозначаться Krause—Jankuhn).

² L. Jacobson, E. Moltke, Danmarks runeindsskrifter, København, 1941—1942 (далее в тексте — DR).

лее позднему написанию в соответствующем более раннем памятнике, например, написание *Fausi* (им. падеж мн. числа ср. рода) на более позднем камне из Йеллинга противопоставляется написанию *Fu*̄*i* (с поздней монофтонгизацией) на более раннем камне (стр. 17).

Глава II «Понятие рунического койне» (стр. 19—53) представляется мне наиболее интересной и ценной частью книги, хотя и здесь многое остается проблематичным. В этой главе автор ставит в основном вопрос об отношении древнейшего рунического языка, с одной стороны, к прагерманскому, а с другой — к так называемым западно- и восточногерманскому. Он высказывает мнение, что этот древнейший язык надписей в равной мере можно отнести и к северногерманскому, и к западногерманскому: прагерманское *ē*¹ уже перешло в *ā* (например, *-rādaR* из прагерм. *-rēdaZ*). С другой стороны, автор считает *-aR* (и подобные окончания) в период великого переселения народов общим явлением позднего северного и западногерманского (стр. 20). Этот тезис нельзя огульно отвергать; тем не менее можно указать на то, что в древнейших англофризских и в южногерманских (немецких) рунических надписях *-z* (герм. *-R*) в этих окончаниях бесследно исчезло, как и в остготских именах собственных VI в.

Э. А. Макаев не придает решающей роли и местоименной форме *ek* в древнейших северных надписях, в связи с чем он, вслед за В. Кругманом, указывает на встречаемость *ek* (вместо *ik*) также в древнесаксонском и древнижнефранском. Однако в этих диалектах форма *ek* встречается в виде исключения; «Гелианд» и «Генезис» не обнаруживают и следа этих местоимений³.

Э. А. Макаев признает, что некоторые древнейшие рунические надписи могли обнаруживать восточногерманские языковые особенности. К подобным надписям он относит надпись на копье из Дамсдорфа и Ковеля⁴ и надпись на кольце из Петроссы. К этому можно было бы доба-

вить надпись на пряжке из Вимосе с явно восточногерманскими формами *asau wija* (в прасверном эта надпись имела бы вид *asiu wiju*), а также надпись на пряжке из Вимосе (согласно правильному чтению Марстрандера) *Aw(i)ſs* (содержащую только восточногерманское окончание номинатива *-s*); по тем же признакам сюда можно было бы причислить и надпись на копье из Розвадова *...rlus*.

Таким образом, нельзя признать с л а б о о б о с н о в а н н о й, возможность сопоставления северных и готских рунических надписей (стр. 22).

Становление отдельных германских языков Э. А. Макаев, следуя прежде всего за Г. Куном (стр. 23), относит к первым векам нашей эры. Образование форм 2-го лица ед. числа претеритума сильных глаголов (др.-англ. *hulpe*, др.-в.-нем. *hulfi*) в так называемых восточногерманских языках Э. А. Макаев, ссылаясь на Г.-Ф. Розенфельда⁵, считает поздним явлением. Однако это представляется мне в высшей степени маловероятным, ибо в таком случае пришлось бы признать, что указанный тип аористных форм в постхристианскую эпоху появился как бы «на пустом месте» без соответствующих языковых образцов. Поэтому я не могу согласиться с концепцией автора, согласно которой даже язык древнейших рунических надписей обнаруживает небольшие отличия по сравнению с другими германскими языками (стр. 24).

По мнению автора, вычленение и дальнейшее обособление готов явилось одновременно первым членением германской языковой области (стр. 24). Это, однако, не предполагает тесных контактов между восточногерманским и скандинавским ареалами и тем более постулирования единого готскоскандинавского праязыка (стр. 25).

В этой связи автор обращает внимание на то, что целый ряд исследователей, особенно археологов, ставит под сомнение скандинавскую прародину готов и считает вымыслом соответствующий рассказ Иордана. Следует заметить, что совсем недавно М. Стенберг⁶ высказался по этому вопросу также скептически. Э. А. Макаев считает (стр. 27), что языковеды не имеют возможности выделить древнескандинавскую языковую область. Однако в пользу рассказа Иордана говорит тот факт, что название готов находят этимологические соответствия только в Скандинавии.

По мнению Э. А. Макаева, руна, передающаяся на письме через *-R*, не может

³ С другой стороны, на северногерманской почве форма *ik* обнаруживается на брактеате из Осума *ik AkaR fahi*; однако сравнение с идентичной надписью на брактеате из Фемё *ek fakaR f* заставляет усматривать в форме *ik* из Осума лишь неверное написание. Совершенно сомнительное является предположенное мной чтение *uiniR ik* «друг я» на брактеате из Сёндер Ринд (Krause-Jankuhn, № 135).

⁴ Правда, Э. А. Макаев на стр. 21, следуя Масту, не исключает возможности с графической точки зрения считать данную надпись илирийской (*tilartos*); однако на стр. 103, № 46 и 139 и сл. он все же склоняется к ее истолкованию как готской.

⁵ См.: H.-F. Rosenfeld, *Zur sprachlichen Gliederung des Germanischen*, ZfPh, Jg. VIII, 5—6, 1956, стр. 37 и сл.

⁶ M. Stenberger, *Det forntida Sverige*, 1964, стр. 377.

быть показателем собственно скандинавского языка, ибо и в так называемых западногерманских языках прагерманское *z*, пройдя через промежуточную ступень *R*, превратилось в обычное *r*. Однако мы не располагаем в этом отношении надежными свидетельствами: на английской рунической шкатулке из Азуона (около 600 г. н. э.) встречается форма датива личного местоимения 3-го лица ед. числа жен. рода в написании *hiri*, а на брауншвейгской рунической шкатулке мы, видимо, имеем дело с притяжательной формой *hīræ*, т. е. в обоих случаях перед нами обычная руна *r* (из прагерм. *z*). Точно так же на обоих рунических фибулах из Вейнгартена (Вюртембург, около 650 г. н. э.) имя собственное *Alir-gu(n)ē* (прагерм. *aliza-*) пишется через обычное *r*.

Даже язык надписи на руническом роге из Галлехуса (северный Шлезвиг) автор (вслед за С. Гутенбруннером) не считает возможным соотнести с определенным германским племенем. Однако именно в этом примере представлены одновременно три показателя: форма *ek*, окончания *-iR*, *-aR* и форма руны *h*, снабженная то лью одним поперечным штрихом. Понятно, что автор не склонен признавать эту форму руны *h* характерной, ибо вполне возможно, что некогда она могла встречаться и в западногерманских надписях. Правда, руна *h*, имеющая только один поперечный штрих, обнаруживается еще а древнеанглийской надписи *ræhæbul* на камне из Сэндвича (около 600 г. н. э.); однако во всех прочих англофризских и немецких надписях представлено только *h* с двумя поперечными штрихами.

В этой связи автор опять говорит о дублетных формах *ek : ik* (стр. 30). Однако даваемое им объяснение (первоначально *ek* встречалось в ударной, а *ik* в безударной позиции) носит чисто теоретический характер.

На стр. 31—34 автор кратко касается очень спорного вопроса о происхождении рунического письма. Вполне справедливо он выступает против тезиса Ф. Аскеберга, согласно которому руны возникли у готов в районе устья Вислы под влиянием латинского письма. Подобным же образом автор отклоняет тезис Э. Мольтке о возникновении рунического письма в Дании и об оригинальном в основном характере этого письма, лишь в незначительной степени испытавшего влияние латыни. Э. А. Макаев склонен скорее всего присоединиться к концепции Марстрандера о возникновении рун из североиталийского (североэтрuscoго) алфавита, хотя до сих пор не известны ни точный образец такого алфавита, ни южногерманское племя, заимствовавшее его.

В следующем разделе (стр. 35 и сл.) автор занимается проблемой герулов. Однако он не может и не стремится дать

полностью удовлетворительное решение этой проблемы и в основном присоединяется к высказываниям Э. Элгквиста⁷. Следуя за Э. Элгквистом, Э. А. Макаев допускает, что римское обозначение *Heruli* не носило этнического характера, а являлось названием представителей (или верхушки) военной касты. В связи с этим устанавливается соотношение, с одной стороны, между названием *Heruli* и др.-сев. *jarl* (англ. *earl*) и, с другой стороны, с *erilaR* (resp. *irilaR*) в старших рунических надписях. Автор справедливо полагает, что *jarl* (из прагерм. **erlaz*, ср. др.-сакс. *erl*) и *erilaR* различаются суффиксальным аблаутом. — *U* — в лат. (*H*)*eruli* может представлять либо дальнейший суффиксальный аблаут, либо возникло в связи с латинской субституцией звуков. Неясным остается языковой статус герульского. Автор устанавливает (стр. 39), что известные нам герульские имена собственные не дают однозначного ответа на этот вопрос; название *Φοῦλαρις* ничего не доказывает, несмотря на *-u*⁸, ибо здесь в греческой записи могло пройти неточное написание. При всех условиях здесь не следует сопоставлять написание *kurne* «зерну» на брактеате из Чуркё I, как это делает Э. А. Макаев (стр. 40); мы имеем дело в этом случае скорее со старым переходом гласных, возникшим под влиянием умлаута; ном.-акк. прасев. **korna*, ср. *horn* (Галлехус, Стрём) и *worahto* (Туне) в противоположность *wurte* (также на брактеате из Чуркё). Лишь позднее наступило выравнивание за счет *-o-*: др.-исл. дат. падеж ед. числа *korni*, 3-е лицо ед. числа прошед. вр. *orti*.

Резюмируя сказанное, Э. А. Макаев вполне резонно устанавливает, что в древности название *Heruli* было собирательным обозначением для шведских и норвежских викингов эпохи переселения народов (стр. 38). Ед. число этого слова обозначало в древнесеверном высокопоставленного человека либо в политическом (*jarl*), либо в культовом смысле (мастер рун, *erilaR*). Далее Э. А. Макаев допускает (стр. 39), что даже после завоевания древнегерульской области данами в III в. там вплоть до VI в. оставалась герульская диаспора с сохранением определенных связей со Скандинавией.

Выделение западногерманского языкового ареала произошло, по мнению автора (стр. 43), в IV—V вв. в связи с вычлениением ингвонской языковой группы. С другой стороны, только в V—VI вв. образовалась скандинавская языковая группа. В связи с тем, что Э. А. Макаев

⁷ См.: E. Elgqvist, Studier rörande nördkultens spridning bland de nordiska folken, Lund, 1952, стр. 101 и сл., особенно стр. 124).

⁸ О написании с *-u* ср. особенно: R. Loewe, IF, 13, стр. 77 и сл.

в качестве доказательства этого ссылаются на надписи из Эггьома, Сетре, Стентофта и Бьёркеторпа, следует отметить, что эти надписи относятся к значительно более позднему времени. Что же касается древнейших рунических надписей, то, согласно Э. А. Макаеву, было бы анахронизмом причислять их в языковом отношении к скандинавским (стр. 44). Удивительно, однако, что в изучаемую эпоху не засвидетельствовано никаких надписей к югу от Шлезвига.

По мнению Э. А. Макаева (стр. 44), смешение проникших в Ютландию скандинавских племен с остатками местного населения, в большей мере переселившегося в Англию, дало основание датскому народу и датскому языку, возникшему, вероятно, также под влиянием герулов. После выяснения отдельных особенностей ингвеонской языковой группы, особенно ассимиляции, позднее снова вытесненной в древнесаксонском (например, *Salbetze* вместо **Salbeke* в документе Отто Великого, относящемся к 936 г. н. э.), автор приходит к следующему выводу (стр. 48): западногерманское единство по отношению к ингвеонской диалектной группе и к континентально-германским диалектам в такой же мере является вторичным образованием, в какой ингвеонский ареал был по отношению к культовому союзу ингвеонских племен. Ингвеонский язык как самостоятельное образование никогда не существовал. Эти выводы во многих пунктах мне неясны: что, например, Э. А. Макаев понимает под «континентально-германскими диалектами»? Проблема западногерманского остается открытой.

Язык древнейших рунических надписей вплоть до VII в. н. э. является исключительно единообразным и наддиалектным. В связи с этим Э. А. Макаев говорит (стр. 49) о руническом койне. В основном это правильно: однако комплекс *tojeka* (произносится *tōjeka*?) на вестгётском камне из Нулебу (около 600 г.), возможно, уже обнаруживает восточно-северную звуковую форму, возникшую в результате монофтонгизации старого *au*. В качестве стилистических особенностей этого койне называются: стиливая замкнутость надписей и присутствие в них трафаретных формул, употребление особой сакральной лексики типа *alu* и т. д., а также использование аллитерации. К этому можно добавить некоторые орфографические особенности. Однако уже в этом руническом койне обнаруживаются определенные варианты, например *erilaR*: *trilaR*. Кроме того, форма с *e*-, как замечает Э. А. Макаев (стр. 51), является типологически ранним аналогическим образованием, построенным по образцу аблаутных форм *erla-* (возможно также *erula-*); дело в том, что уже в эпоху возникновения этих древнейших рунических памятников процесс умлаута *e*: *i*

перед *i* в следующем слого давно имел место. Ср. *firbijaR* (*berba-*) на камне из Бармена (первая половина V в.).

Согласно Э. А. Макаеву, еще во II—III вв. не существовало резкого различия между западной и восточной языковыми группами (стр. 51). Против этого, однако, говорят старые противопоставления типа форм ном. ед. числа на *-R* в руническом койне в противоположность *-s* (*tilarids*) на готском кольце из Ковеля и в готском языке библии; соответственно можно указать на противопоставление род. падежа мн. числа *-o*: *-e*: род. падежа ед. числа *-as*: *-is*. Кроме того, из остготских языковых памятников, относящихся к периоду до перевода библии Вульфиллой, надежный языковой материал сводится только к надписи из Ковеля и к надписи на пряжке и ножнах для меча из Вимосе. Бесспорно, готская надпись на кольце из Петроссы является почти современной переводу Вульфиллы.

В конце этой главы (стр. 53) автор упоминает о допущении мною рунического койне⁹. Но я говорил в данном случае только о северногерманском языке, но не об общем скандинавско-западногерманском койне.

В главе III «Соотношение фонем и графем в руническом» (стр. 54—68) автор затрагивает соотношение фонем и графем в древнейших рунических надписях. В связи с этим он считается с возможностью влияния греческой, латинской и этрусской эпиграфики (стр. 54) и указывает на тот факт, что в некоторых древнейших рунических надписях обнаруживаются следы как колометрического (выделение отрезков предложения), так и стихометрического (выделение отдельных стихотворных строк) принципов письма, обозначаемых при помощи пунктированных знаков (точек или штрихов) или пустого пространства между колоннами. Приводимые Э. А. Макаевым примеры можно значительно увеличить; прежде всего следует упомянуть надпись на камне из Веттелеанда, на точильном камне из Стрёма и на камне из Стентофта. Э. А. Макаев указывает на наблюдение шведского рунолога Б. Ф. Янссона¹⁰ относительно того, что во фрагментах рунических надписей эпохи викингов различная окраска рун использовалась не только для орнаментирования, но также для обозначения различных членов предложения, например на руническом камне из Чёпинга с острова Еланд: *faiRbruþr* (субъектная группа выделена красной

⁹ См.: W. Krause, *Runica III*, «Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen», Phil.-hist. Kl., 9, 1951.

¹⁰ B. F. Jansson, *The runes of Sweden*, London, 1962, стр. 153 и сл. с рисунком.

краской); *litu-raisa* (группа предиката выделена белой краской).

В древнейших надписях лишь спорадически встречаются гласные сварабхакти (стр. 56) — ранее всего такие гласные засвидетельствованы на камне из Туне (400 г.), например, *witadahalaiban* = *wita(n)da-hlaiban* (Туне) или *harabana* = *hrabna* (Ешберг). Следует отметить, что подобные вставные гласные совершенно отсутствуют на брактеатах. Однако мне представляется очень спорным положение о том, что различия в применении вставных гласных указывают на различные школы рунического письма.

Очень обычное в руническом письме (хотя и не всегда применяемое) опущение носовой графемы перед гоморганными согласными, например *-hu(n)daR* (Химлингёе II), *wita(n)da-* (Туне), возможно, также *u(m)hada* (Бад Эмс) и т. д., вряд ли следует считать, как это делает Э. А. Макаев (стр. 58), заимствованием из античной системы письма, ибо такое опущение носовых встречается в многочисленных других системах письма, совершенно не имеющих ничего общего с руническим письмом, например, в древнегреческих надписях, выполненных линоарным письмом В, или в различных древних малоазиатских надписях. В той же плоскости нельзя рассматривать опущение носового перед *h* или *s*, например *ha(n)hai* (Мэйбру), *a(n)su-* (Крагегуль). В таких случаях уже ко времени возникновения древнейших рунических надписей носовой более не произносился как согласный, а предшествующий *a* был носовым гласным. Перед *h* уже в готском переводе библии носовой выпадал (ср. гот. *hāhan*)¹¹, а перед *s* носовой исчез, видимо, очень рано в северогерманском и в ингвеонских диалектах.

То, что Э. А. Макаев говорит о функциональном значении графемы (стр. 59), изложено слишком кратко и в ряде случаев (*kurn-*, : *korn-*, см. выше) вряд ли верно.

Что касается установления относительной хронологии в древнейших рунических надписях, то Э. А. Макаев (стр. 60) совершенно справедливо сожалеет о том, что со времени исследований О. фон Фрисена — впрочем не являющихся исчерпывающими — не предпринято ни одной попытки систематизации всех рунических форм старшего футарка: подобная работа значительно облегчила бы определение времени и, возможно, места происхождения рунических надписей в боль-

шем количестве случаев, чем это делается до сих пор.

Э. А. Макаев кратко касается проблемы комбинированных рун (стр. 61 и сл.), ссылаясь при этом на Э. Норена¹². Ранее Г. Пиппинг в своей работе «Скрытые комбинированные руны» глубоко исследовал этот вопрос¹³. В качестве примера можно указать здесь на написание *haiwidaR* (камень из Амла), в котором, как полагает Пиппинг, руна *l*, ожидаемая после *h*, своим верхним штрихом слилась, видимо, со следующей руной *a*. В связи с тем, что при подобных написаниях очень трудно добиться вполне доказательной интерпретации, следует проявлять в этом отношении, как мне кажется, больший скепсис. Так, в написании *hateka* на амулете из Линдхольма вряд ли можно усмотреть скрытую комбинированную руну *ai* (ожидаемая руна *i* по недосмотру опущена писцом); только при восстановлении руны *i* оказывается, что строка содержит культовое число — 24 руны, что можно наблюдать и в другой строке (с магическими рунами) этой надписи.

В этой связи Э. А. Макаев (стр. 62) говорит о многократно комбинированной руне *eker* в комплексе *ekerilaR* на фибуле из Братсберга¹⁴. Однако, по мнению Э. А. Макаева, такое написание никак нельзя считать надежным, в связи с чем им указывается надпись на камне из Бю с мнимым началом (*ekirilaR*), где первый рунический знак имеет ту же форму, что и в надписи из Братсберга. Можно здесь, как указывает автор, отказаться от чтения *ek* и по лингвистическим соображениям, ибо глагол *orte* в этом предложении не может быть в форме 1-го лица ед. числа, а только в форме 3-го лица ед. числа. Впрочем Э. А. Макаев в данном случае противоречит сам себе на стр. 101, № 14, где в надписи из Бю он читает и обозначает начало как *ek...orte*. Правильное объяснение данной проблемы было дано М. Улсеном¹⁵: начало надписи из Бю *ek irilaR*, как и на фибуле из Братсберга, образует самостоятельное именное предложение, а со слов *HroRaR HroReR* начинается новое предложение с глаголом в 3-ем лице ед. числа.

Э. А. Макаев признает наличие символических рун, т. е. таких, которые обозначают не один звук, а целое поня-

¹² E. Noreen, *Några urnordiska inskrifter*, «Arkiv», 60, 1945, стр. 145 и сл.

¹³ H. Pipping, *Gömda bindrunor*, «Stud. i nord. Filologi», 23, 2, 1934.

¹⁴ Указанная в этом месте Э. А. Макаевым комбинированная руна *ek*, к сожалению, неверно набрана. Несколькоми строками ниже та же руна напечатана правильно.

¹⁵ См.: M. Olsen, *Runespennen fra Bratsberg i Gjerpen*, «Viking», 1937, стр. 63 и сл.

¹¹ Написание имени одного бургундца *Hanhavaldi* (лат. генитив), относящееся примерно к 500 г. в надписи CIL XIII, 3682, видимо, имело целью обозначение носового гласного. Ср.: W. Krause, *Handbuch des Gotischen*, Heidelberg, 1963, § 35, 5.

тие (стр. 62). В качестве примера он указывает руны *j* (в смысле **jāra* «хороший год») на камне из Стенгофта, а также поддающуюся различной интерпретации комбинированную руны *ga* на древке копыя из Крагегуля и руны *o* (в смысле *ofala* «наследственное имущество») на наконечнике меча из Торсберга и на кольце Петроссы. Автор считает, что в конце надписи на камне из Нордхуглу следует читать не *ih*, а вслед за Э. Сальбергером¹⁶ *im* («я есть»). Подобное чтение представляется мне совершенно невозможным. С другой стороны, я в настоящее время склонен (в противоположность своей интерпретации 1937 г.), принимая во внимание разрушение части камня, читать вслед за М. Улсеном *i Hugulu* «в Хуглу».

Другими свидетельствами применения символических рун являются, по моему мнению, отдельные руны *f* (*feh* «скот; движимое имущество») на скребке (норв. *kjøttkniv*) из Флэксанда, три руны *f* (*staba frig*) на камне из Гуммарпа, десять рун *l* на скребке из Йерсвика и особенно написанная справа налево комбинация рун *ea* (= **ehwaz-ansuz*) на камне-амulette из Утгорда (Норвегия) и на брактеатах из Леккенде (Зееланд), а также весьма замечательная надпись на фибуле В из Дишингена (Вюртенберг). Прочие случаи, например конечная руна *h* на каменной табличке из Кинневе (Вестергеланд), — менее надежны.

В новом разделе (стр. 64) автор пытается различить в пределах общегерманского рунического футарка центральную и маргинальную систему. К центральной системе принадлежат все руны за исключением руны *ᛚ*, руны *ᛞ*¹⁷ (*ing*) и руны *p*. При этом автор придает руны *ᛚ* звуковое значение долгого *ē*, что, согласно свидетельству многих северно- и западногерманских надписей, совершенно исключено. Более вероятно, что эта руна имела значение звука *i* (краткого или долгого). Доказательством этого может служить брактеат из Небенстедта (Даннеберг) *I* с надписью: *glaugr uīu r(u)n(o)R* «я с блестящими глазами посвящаю руны»; ср. швед. диалект. *glia* «блестеть», прасеверн. *wīju* (Крагегуль); далее надпись на камне из Дувра *Gislheard* (= *gisl-*), надпись на брауншвейгской рунической шкатулке с местоименной формой *hīræ* (= *hire*) и с прилагательным *hælig* «святой»; надпись на мече из Гилтона с глагольной формой *īce* (= *ice, iece*) «я увеличиваю», а также на фибуле из Фрейлауберсхейма (Рейн-

гессен) с женским именем *Dafīna* (звуковое значение *-i-* в известном суффиксе имен *-in-*). Несомненно, что руна *ᛚ* в системе рун не была лишь маргинальной: она отличалась от руны *l* (обозначавшей лед) качеством звука *i*, в связи с чем корневой гласный общегерманского слова *isa-* представлял, видимо, старый дифтонг *ei* (общегерм. *iwa*), где *i* ранее носил монофтонгический характер¹⁸. Это различение обоих звуков дает возможность понять возникновение названий рун — да и самих рун — в начале нашей эры. В связи с тем, что в дальнейшем прагерм. *i* и *ei* совпали в *i*, руна *ᛚ* как более сложная стала излишней, и в древнейших рунических надписях употребляется лишь спорадически и без различия в звуковом отношении от обычной руны, обозначающей *i*. В настоящее время я транскрибирую руны *ᛚ* (в противоположность тому, как я это делал в 1937 г.) через *ī*.

Руна *ing*, употреблявшаяся для обозначения функционально очень важного для древнегерманских языков гуттурального носового, широко представлена в древнейших рунических надписях, что, безусловно, подтверждается рядом вновь найденных надписей или новых интерпретаций (Грумпап, Танем, Кёнг, Саббаттан, Аквинкум). Если в слове *ungandiR* (Северный Хуглу) встречается последовательность рун *-ng-*, то это объясняется тем, что языковое чутье явно воспринимало это слово как композитум с отрицательным префиксом *un-*. Единственным действительным исключением является имя *IufingaR* на камне из Рейстада.

Руна *p* также, безусловно, не была маргинальной в пределах системы: она часто встречается в полноточных словах в древнеанглийских рунических надписях. Если эта руна в той же функции не встречается в северных и в немецких рунических надписях, то следует иметь в виду то обстоятельство, что в текстах южногерманских (немецких) рунических надписей звук *p* вообще не представлен, а также редко встречается в древнейших скандинавских надписях. Древнейшим свидетельством этого звука является надпись на камне из Бьёркеторпа (*sba* = *spā*), относящаяся примерно к 675 г., и надпись из Эггья (*warb* = *warp*; *kaida* = *kaipa*), относящаяся примерно к 700 г. Примечателен, однако, тот факт, что на брактеате из Вадстена вместо руны *p* представлена руна *b* с угловыми узорами в противоположность собственно руне *b* с круглыми узорами в той же надписи. С другой стороны, на брактеатах из Грумпана и, возможно (в несколько искажен-

¹⁶ E. S a l b e r g e r, Runinskriften från Nordhuglen, «Arkiv för nordisk filologi», 65, 1—2, 1960.

¹⁷ Типологически древнейшей формой этой руны является небольшой круг или небольшой четырехугольник, с основанием на одном ребре или на угле.

¹⁸ Ср. по вопросу об обеих рунах *i*: W. K r a u s e, Untersuchungen zu den Runennamen II, «Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen», Phil.-Hist. Kl., 1948, стр. 96.

ной форме), из Линдкера, а также на сделанных футаркам надписях из Брезы и Шарне представлена истинная руна *p*; в связи с этим следует упомянуть, что на стеклянном брактеате, найденном в 1965 г. в Майнце и еще не опубликованном, также обнаруживается совершенно явная руна *p*, стоящая, правда, в комбинации рун, не поддающихся интерпретации.

В конце этой главы (стр. 67) Э. А. Макаев приходит к выводу о том, что преобразование старшего футарка в младший подготавливалось в недрах общегерманского футарка. К этому выводу я могу присоединиться лишь с некоторыми ограничениями. Вполне возможно, что рунические знаки, обозначавшие *i*, *ŷ* и *r*, стали излишними и что в связи с этим вся система старшего футарка была распатана. Однако решительный толчок, о котором говорит Э. А. Макаев (выпадение руны *ŷ*, употреблявшейся для обозначения долгого гласного, из рунического письма, ибо она нарушала общий графический принцип всех южноевропейских алфавитов, в которых не было различия долгих и кратких на письме¹⁹), в соответствии со сказанным выше о руне *ŷ*, в действительности не имел места.

Вообще глава о графемах и морфемах представляется мне неполной. Прежде всего здесь следует остановиться на фонологическом значении руны *a* (*ǰ*); эта руна обладала ко времени появления древних надписей минимум тремя фонологическими значениями: 1) краткое ротовое *a*, употреблявшееся при любых видах удараения, например, *hariso*, *agilami(n)don*, *-hu(n)daR*, а также в дифтонгах, например, *staina*, *ha(n)hai* (?), *auja*, *asau*; 2) долгое *a*, а именно: а) в качестве промежуточной ступени между прагерм. *-ē* и др.-сев. *-e*, *-i*, особенно в форме им. падежа ед. числа основ муж. рода на *n*, например, *alla* (др.-сев. *Alli*), *gudija* (ср. др.-сев. *godi*); б) возможно, в качестве промежуточной ступени между прагерм. *ǣ* и др.-сев. *ā*, например, *-radaR* (гот. *-rēfs*, др.-сев. *-rādr*), *makiĵa*, вин. падеж ед. числа (= гот. *mēki*, др.-сев. *mæki*); 3) в качестве носового *a* перед *s*, например *asu*. Не совсем ясно, сохранял ли еще носовой *a* перед *h* носовое значение в древнейших надписях, например *hahai* (Мейбру) < **hanhai*, или уже приобрел ротовое значение. Необходимо было бы также остановиться и на звуковой многозначности рун *g*, *d*, *b* (смычные или фрикативные).

В главе IV (стр. 69—82) рассматривается проблема рунической ономастики. С. Бут-

ге и особенно О. фон Фрисен указывали на то, что имена собственные в рунических надписях в гораздо большей степени совпадают с западногерманскими, чем с поздними скандинавскими именами. Несмотря на противоположные заявления Ф. Ионссона и А. Янвена, этот тезис следует признать несомненным фактом. Автор, который сообщает о подготовке специальной работы по указанному вопросу, следуя своей теории, изложенной в главе II, придерживается мнения, что язык имен собственных в древнейших рунических надписях сложился на основе диалектов, относившихся к скандинаво-западногерманскому ареалу, причем рунические надписи эпохи викингов являются свидетельством формирования и развития собственно скандинавской диалектной ономастики (стр. 73). Этот факт, как мне представляется, можно объяснить еще и тем, что западногерманские имена собственные вплоть до позднего средневековья оставались более консервативными, чем скандинавские, развитие которых шло более быстрыми темпами. В конечном итоге этот вывод совпадает с концепцией Э. А. Макаева.

Исходя из этих общих положений, Э. А. Макаев обращается к подробному изучению (стр. 73 и сл.) имени собственного *Uha*, наличие которого в различных рунических памятниках, особенно на некоторых брактеатах, предполагал еще С. Бутге. Отправным пунктом анализа служит для Э. А. Макаева имя собственное *Hariuha* на брактеате II из Зелланда. Второй компонент этого названия он вместе с Марстрандером усматривает в надписи на древке косяка из Крагеуля, разлагая при этом комплекс *tiha* на (*i*) *Uha* «я есть Уха». Подобная интерпретация представляется мне невозможной как с синтаксической, так и с графической точек зрения. Несомненно, что комплекс *tiha* не является однозначным; во всяком случае, следуя старым объяснениям, я считаю возможным истолковать его либо как приложение, ставшее именем собственным (ср. др.-сев. *mūgi*, др.-англ. *mūha* «куча»), либо как старый композитум (*ga*) *mūha* «дружижник, последователь». Интерпретация имени герульского конунга *Suarta* как **Suartuha* (вслед за Бутге и Марстрандером) представляется мне в высшей степени неправдоподобной; ср. объяснение у Шёнфельда²⁰, который это имя интерпретирует как сокращенное от **Swart(a)-wulfs*. В равной мере неправдоподобной кажется мне интерпретация имени герульского конунга *ǰhos* как неверное написание имени *Uha* (стр. 75). То же имя Э. А. Макаев усматривает в первых строках надписи из Стенофта: *niuhabo-*

¹⁹ Тем не менее в древнеиталийских алфавитах долгота иногда обозначается путем удвоения гласных или постановкой циркумфлекса.

²⁰ M. Schö n f e l d, Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen, Heidelberg, 1911, стр. 219.

runR niuhagestumR, разлагая комплекс *niuha* на *ni(u)-Uha-* и переводя обе строки (стр. 79) «девяти сыновьям (конунга) Уха, девяти иноземцам (конунга) Уха». Такое истолкование представляется мне в высшей степени неправдоподобным, особенно в связи с наличием необычного компонента *Uha-borumR* (resp. *Uha-gestumR*). Весьма смел вывод Э. А. Макаева из подобного чтения этих двух строк (стр. 80) — вывод о сакральном убийстве конунга Уха, которого автор считает герулом. В дальнейшем Э. А. Макаев, следуя интерпретации О. фон Фрисена (эта интерпретация отвергается в недавних исследованиях), отходит от этого толкования и на стр. 106, № 86 переводит: «жителям Ниухи, гостям Ниухи».

Этимологически Э. А. Макаев считает возможным (стр. 81) соотнести имя *Uha* (с учетом грамматических чередований) с общегерманской основой *ugga* «бояться; наводить страх» и т. д., усматривая в *-gg-* экспрессивное удлинение. Это мало вероятно. Лично я не могу признать наличие простого имени *Uha*, которое нигде не встречал. Что касается второго компонента имени *Hariuha*, то в нем можно разве что усмотреть слово *u(n)ha* «молодой». Тот же этимон с грамматическим чередованием встречается в гот. *juggs*: (сравнительная степень) *jahiza*, а также в ст.-исл. *ungr: æri*. В полном имени *Hariuha* основное ударение могло падать на второй компонент, в связи с чем сохранилась форма с *-h-*.

Глава V (стр. 83—98) — последняя глава исследовательской части посвящена структуре слова в языке древнейших рунических надписей.

Во вводных замечаниях (стр. 84) указывается, что в языке этих рунических надписей можно выделить долгие и краткие гласные как в акцентно-сильных, так и акцентно-слабых слогах, дистрибуция которых имела структурную релевантность не только для метрики, но и для системы языка. Тезис Соссюра о том, что для индоевропейского праязыка было характерно чередование долгих и кратких слогов, относится также и к языку древнейших рунических надписей. Это не означает, что долгие и краткие слоги в пределах слова регулярно чередуются. В качестве примеров Э. А. Макаев указывает только на надписи из Галлехуса и Чёлевика. Первая из этих надписей при разделении на слоги имеет вид: *ek hle-wa-gas-tiR hol-ti-jaR hor-na ta-wi-dō*.

В этой связи Э. А. Макаев кратко останавливается на некоторых случаях так называемого закона Зиверса-Эджертона относительно чередования *-j-* и *-ij-* (стр. 85). Вскрывается, что этот «закон» в области графической передачи древнейших рунических надписей проводится весьма нерегулярно: после долгого слога, правда, закономерно наблюдаются формы *raunijaR*, *firbijar mākja* (лучше, соглас-

но более правильно чтению Марстрандера, *mākja*), *holtijaR*, *arbija* (наряду с *-arbijano*). К этому следовало бы добавить еще *taliĵō* (= **talgiĵō* «рубанок»), а также *kĵia* (= **kingija* «пряжка»), *igijon* (в случае, если = **Ingijōn*). После кратких слогов правильно *alja-*, *swaba-harjaR*. Следует добавить *arjosteR*, *unja* (= *wunja* «блаженство» на одной из двух фибул из Безенне). В качестве единственного исключения из правила относительно позиции после долгих слогов я мог бы назвать *rannja* (= **rannija* «нападающий» на копье из Дамсдорфа). В этом случае дело выглядит почти таким образом, как будто простое написание суффикса *j* (вместо *ij*) возникло под влиянием графического облика корневого слога (*ran-* вместо *rann-*). Более часты исключения в написании после кратких слогов: правда, на гробне из Вимосе правильно стоит *harja*, но на камне из Скоэнга, однако, *harja*. На камне из Нордгугль, вопреки правилу, написано *gudja* (гот. *gudja*). Особенно примечателен тот факт, что основа **warja-* «житель», которая встречается только как второй компонент композиции, всегда пишется через *-ij-*: *bida-warijaR* (Нёвлинг), *la(n)da-warijaR* (Тёрвика А), *staina-warijaR* (на камне из Рё, наряду с *swaba-harjaR*). Это отклонение от действия указанного правила — встречающееся во всех без исключения известных нам именах написание *-warijaR*, я не имею возможности объяснить. Однако одновременно я не могу присоединиться к его интерпретации Э. Хардингом как *-wārijaR*²¹, ибо *-war(i)ja-* в качестве второго компонента имен собственных особенно часто встречается в древневерхненемецком (ср. *Förstemann*, стр. 1532)²²; следует здесь упомянуть лишь такое др.-в.-нем. имя, как *Lantwari* = прасев. *La(n)dawarijaR*. Непосредственно после дифтонга пишется *aija*, *niujila*, но *frawijan* (на камне из Каллебу, предположительно = др.-исл. *freyja*). Колебания в написании *-ja-* и *-ija-* Э. А. Макаев (стр. 86) объясняет наличием различных школ (традиций) мастеров рунического письма, что невозможно, если учесть, что на камне из Рё одновременно встречаются формы *swaba-harjaR* и *stainawarijaR*.

На стр. 86 и сл. Э. А. Макаев пытается решить трудную проблему, а именно выяснить вопрос о сосуществовании форм прасев. *frijor* «три» (Туне), гот. род. падеж *frije*, с одной стороны, и др.-сев. род. падеж *friġġja*, с другой. Его доводы по этому вопросу, однако, представляют-

²¹ E. H a r d i n g, *Språkvetenskapliga problem i ny belysning*, I, Lund, 1937, стр. 52.

²² E. W. F ö r s t e m a n n, *Altdeutsches Namenbuch*, I—II, Nordhausen, 1856—1859.

ся мне совершенно неверными, если, конечно, я правильно понял их. Э. А. Макаев указывает, что ожидаемая форма генитива готского количественного числительного **Fridde* заменена формой *Frije* потому, что эта форма в звуковом отношении совпала бы с соответствующей формой порядкового числительного **Fridde*. Этот вывод является вдвойне неверным: с одной стороны, *-dd-* в ожидаемой форме количественного числительного был бы долгим смычным, а не фрикативным, а с другой, форма генитива мн. числа порядкового числительного (сама по себе эта форма должна была бы очень редко встречаться в контексте) имела бы вид **Fridjane* (со слабой флексией, как и в остальных порядковых числительных). Таким образом, проблема пока остается нерешенной.

Автор подчеркивает (стр. 88), что отдельное слово в древнейших рунических надписях характеризуется предельной четкостью (можно было бы еще сказать «автономией») морфемной членности, обозначенной как наличие прозрачных морфемных швов. Прасев.-R, по Э. А. Макаеву, можно рассматривать как ограниченный односторонний отрицательный сигнал, т. е. как сигнал, отрицающий начало слова.

По этому поводу можно было бы заметить, что в отношении автономии слова указанному «прасеверному» языку близки современные славянские языки, в то время как французский язык в наибольшей степени отклоняется от него, ибо в этом языке грамматическая категория слова является наименее определенной (можно вспомнить хотя бы предложение типа *Je ne m'en vais pas* «Я не уйду»).

Далее автор объясняет фонологическую значимость руны *h*, не достигая при этом ясного результата. Если даже допустить, что в основе происхождения руны действительно лежит североиталийский алфавит, то примечателен тот факт, что для обозначения *h* был избран североиталийский знак, обозначающий чистый придыхательный, а не знак фрикативного *χ*; ср. одновременную встречаемость обоих звуков в германском имени (с латинизированным окончанием генитива), написанном североиталийским алфавитом на известном племе В из Негау: *Hariχasti*.

Для меня не ясно, что имеет в виду Э. А. Макаев, когда замечает, что первые примеры оглушения звонких согласных встречаются лишь в словах *warb*, *ob*, *lqt*, *fokl* на руническом камне из Эггьюма. Соответствующие знаки согласных являются, таким образом, чисто графическими!

Убедительным является указание автора (стр. 92), что в урало-алтайских языках гармония гласных служит для цементирования слогов в слове, а в арео-европейских языках эту роль соединения

слогов в слове играет прежде всего ударение.

Далее (стр. 92 и сл.) Э. А. Макаев противопоставляет структуру древнейшего рунического языка структуре древнеиндийского. Он указывает на то, что древнеиндийские грамматисты (особенно Бхартхархи, составитель комментария к «Ма-һābhāṣya» Патанджали, а также автор философско-лингвистического трактата) рассматривали в качестве основной единицы языка предложение, а слово рассматривали как нечто вторичное, производное по отношению к предложению. Этот тезис он подтверждает материалом текстов «*Saṃhitā*» из «Вед», где границы слова стираются в связи с действием правил внешнего сандхи. Однако тот факт, что наряду с «*Saṃhitāraṭha*» в «*Paḍaraṭha*» членение предложения проводится между отдельными словами, показывает, как мне кажется, что указанное различие является мнимым и покоится скорее на манере рассмотрения языка того времени, чем на характере языка как такового. Отметим, что Панини, отец древнеиндийской грамматики, в своих правилах исходит именно из слова, а не из предложения. Однако как мало, с другой стороны, нам известно, если можно так выразиться, о «*Saṃhitāraṭha*» прасеверных текстов! Несомненно, и в них наблюдалось внутреннее и внешнее сандхи.

Подобное же возражение можно отнести и к замечанию автора (стр. 94) о том, что в древнеиндийских словарях в качестве «черного» слова приводится корень или основа, но не падежная форма слова. И в этом случае речь идет лишь о способе научного рассмотрения, который можно распространить на словарь рунического койне, но нельзя уже применить к классическому древнесеверному языку. С другой стороны, вполне справедливы тезис автора о том, что в древнеиндийском (точнее, в ведийском) ударение относилось к слогу, а не к слову, в то время как в германском акцент имел словесно-организующую функцию.

Лишь в переходный период, как подчеркивает Э. А. Макаев (стр. 95), отмечаются более значительные преобразования в структуре слова, обусловленные различными фоно-морфологическими факторами: автономия слогов уступила место контрастному противопоставлению ударных и неударных слогов, например прасев. *slaginaR* к др.-исл. *sleginn*, *HlewagastiR* к **Hlēgester*, *HagiradaR* к **Hagrāðr*.

Во второй основной части книги (стр. 99—155) приводится материал, легкий в основу исследовательской части, а также подробная библиография.

В разделе I этой части (стр. 99—110) дается корпус древнейших рунических надписей. Здесь приводятся сначала ру-

нические надписи, кроме надписей на брактеатах, а затем в специальном разделе и текст надписей на брактеатах с переводом. Сомнительно, относятся ли к тому же списку южногерманские (немецкие) рунические надписи, ибо они представлены сравнительно поздно и обнаруживают значительно более позднюю языковую систему, чем северно- и восточногерманские надписи, разобранные в первой основной части книги. С другой стороны, в списке отсутствуют некоторые весьма интересные надписи, например надпись на фибуле из Вейнгартена с написанием *-r-* (а не *-R-*), на что я уже указывал выше в этой рецензии (к стр. 28 разбираемой книги). Надпись на фибуле В из Дишингена с ее формулой *ea*, написанной справа налево, также упоминалась нами выше в настоящей рецензии (к разделу «Символические руны»).

При передаче текстов Э. А. Макаев обнаруживает весьма похвальную осторожность: приводятся только те разночтения, которые представляются автору достаточно надежными. Он не дает также собственных интерпретаций. К этой главе следует сделать следующие замечания.

№ 17. Эгггюм (в последнее время называемый Эггья). При передаче этого наиболее обширного из прасеверных текстов Э. А. Макаев строго придерживается чтения Л. Якобсена (1931). За истекшие десятилетия, однако, появилось так много новых важных чтений и интерпретаций этой трудной надписи [прежде всего следует указать на работу Г. Хёст (1960), приводимую в библиографии Э. А. Макаева], что в настоящее время не представляется возможным следовать прежней интерпретации, во многих отношениях устаревшей, хотя и не утратившей своей значимости.

№ 18. Эллестад. При передаче этой также очень трудной надписи уместно было бы ее критическое рассмотрение. Отметим здесь только, что неправильная, как мне кажется, форма гласного в окончании имени собственного *SigimaraR*, в конце второй строки исправляется самим мастером рун на *-iR*, что, несомненно, очень важно для решения вопроса о датировке (ср. Krause—Jankuhn, № 59).

№ 33. Орнаментированный топор из Хайнстаха. Эта надпись, приводимая также мной (1937) и Арнцем-Цейссом (1939), вероятно, является фальсификатом.

№ 48. Древко копья из Крагегуля. Разделение комплекса *tiha* на (*it*) *Uha*, вслед за Марстрандером, представляется мне совершенно невозможным.

№ 60. Нулебю. Автор допустил большую ошибку при переводе предиката («я нарисовал»). Глагольная форма *fahi* является презентной.

№ 72. Руас. Эта надпись обозначается Э. А. Макаевым как неясная. Однако чтение и интерпретация М. Улсена (*iu*

fin Ud(d)R rak «этого жеребца Удд погнала») представляются мне убедительными.

№ 84. Деревянная шкатулка из Стенмагле (Гарбёлле). Чтение, предложенное Бэкстедом (*HagiradaR iawide*), следует скорее заменить предложенным мной чтением *HagiradaR i tawide* «Хагирад вырезал (руны)», установленным на основе детального изучения оригинала («Runica», III). Что касается синтаксической позиции наречия *i*, то параллель такого явления можно обнаружить в недавно открытой надписи на фибуле из Эйкеланда (см. ниже).

№ 108. Рубанок из Вимосе. После того, как несколько лет тому назад с рубанка был удален внешний налет, надпись стала частично яснее для чтения. Вполне надежным и грамматически интересным является слово *kleuno* «средство защиты», которое лингвистически так же соотносится с прасев. **hlewa* (др.-сев. *hlē*) «защита», как прасев. **treuno* (др.-сев. *trjöna*) «шест» соотносится с прасев. **trewa* (прасев. *trē*) «дерево».

В этом приводимом автором списке отсутствуют лишь немногие из скандинавских надписей.

Камень из Братсберга *falir* (стр. 112). Оригинал давно потерян. В связи с тем, что известная нам только по перерисовке форма не находил надежных этимологических соответствий, возможно, следует читать *WaliR* и рассматривать это слово как кличку или имя с основным значением «сокол» (ср. Krause-Jankuhn, № 93).

На обнаруженной в 1965 г. в погребении около Эйкеланда (Ругаланд, южная Норвегия) фибуле, относящейся, бесспорно, примерно к 600 г. н. э., имеется впервые опубликованная А. Листёлем²³ надпись, находящаяся на трех ее сторонах: *ek wiR wivio writu i runoR qsmi* «Я Ви для Вивиа (?) черчу руны сейчас (?)» (ср. ст.-исл. *i sinni* «сейчас»). Язык этой надписи является смешанным из форм более старой и более новой ступеней развития языка (ср. Krause-Jankuhn, № 17a).

На давно известном камне из Флистаде (Вестергётланд) имеется надпись, хотя и непонятная, но, безусловно, написанная старшими рунами, изданная в последний раз в «*Sveriges runinskrifter*» (5)²⁴.

На наиболее крупной и красивой фибуле из Фонноса (восточная Норвегия, VI в.) имеется более обширная надпись с интересными руническими формами. Остроумная, но не удовлетворительная попытка интерпретации этой надписи предпринята Марстрандером²⁵.

²³ A. L i e s t ø l, *Frå haug og heidni*, 1965, стр. 155. и сл.

²⁴ «*Sveriges runinskrifter*», Bd. I—XI, Stockholm, 1900—1962.

²⁵ NTS, XX 266 и сл.

На изданной М. Улсеном²⁶ надписи из Фоссена на небольших бронзовых ножнах (Ругаланд, южная Норвегия, VI в.), разбитых во многих частях, имеется надпись *kaða ali*. Первое слово можно было бы интерпретировать как известную кличку др.-сев. *Kali*.

Надпись на бронзовой статуэтке из Фрэйхува (Румерике, южная Норвегия, III в.) содержит только две руны *a*, разделенные символическими рунами²⁷.

На скребке (*kjettkniv*) из Йерсвика (Хордаланд, восточная Норвегия, V в.) обнаруживаются, наряду с неясной надписью, 10 рун *l*, которые тесно связаны с формулой *lina laukaR* на скребке из Флёксанда (IV в.) (ср. Krause-Jankuhn, № 38).

Кроме давно известной надписи на камне из Хаммерен (А), приводимой в списке Э. А. Макаева, позднее была обнаружена вторая, сильно поврежденная надпись (Hammeren B, около 500 г.), впервые изданная М. Улсеном²⁸. Важным в этой надписи является комплекс *...hiþ*, в котором, очевидно, можно усматривать то же старое окончание 3-го лица ед. числа наст. времени индикатива, что и в глагольной форме *bariutiþ* на камне из Стентофта (ср. Krause-Jankuhn, № 55, примеч. 1).

На бронзовой статуэтке из Кёнга (Фюнен, около 500 г.) обнаруживается поврежденная в начале надпись, которая оканчивается ясно различными рунами *þ* *λ*. Впервые издана эта надпись М. Б. Макебрангом²⁹, в последний раз в кн. Krause-Jankuhn, № 45.

Относящийся с археологической точки зрения к V в. камень из Мартебу содержит сильно поврежденную и неразборчивую надпись, в которой обнаруживаются, видимо, примечательные формы рун *j* и *ing* (ср. Krause-Jankuhn, № 99, примеч.).

Надпись на фибуле из Нёвлинга (северная Ютландия, 200 г.), впервые опубликованная Э. Мольтке³⁰, также упоминаемая Э. А. Макаевым, имеет вид: *Vi-dawarija talgidai* «Б. вырезал». Эта надпись интересна совершенно неизвестным по другим надписям первым компонентом имени и «обратным написанием» глагольного окончания *-ai* вместо *-e* (ср. Krause-Jankuhn, № 13a).

Давно известная надпись на сломанной фибуле из Ту (Ругаланд, южная Норвегия, V в.) содержит сильно стертую надпись, написанную старшими рунами

и прочитанную М. Улсеном как *fiR i dafe*... «за это дело», что, впрочем, весьма ненадежно (ср. Krause-Jankuhn, № 15).

Хотя надпись на камне А из Тёрвика включена в список Э. А. Макаева, в этом списке отсутствует надпись на найденном в том же погребении камне из Тёрвика В (около 500 г.). В связи с многочисленными орнаментальными штрихами (?), которыми снабжены собственно руны, эта надпись, сделанная справа налево, едва поддается интерпретации. Попытку интерпретации надписи сделал Г. Хёст³¹.

На амулете из Утгорда (Северный Трёнделаг, средняя Норвегия, около 450 г.?), изданном М. Улсеном³², имеется многократно упоминавшаяся в настоящей рецензии формула *-ea-*, написанная справа налево (ср. Krause-Jankuhn, № 51).

Среди рассматриваемых Э. А. Макаевым находок из Вимсе отсутствует упоминание ножен для меча (около 400 г.), содержащих надпись, впервые правильно прочитанную Марстрандером: *awþs* — явный патроним с восточногерманским окончанием номинатива *-s* (ср. Krause-Jankuhn, № 23).

В список надписей на брактеатах (стр. 109) Э. А. Макаев по вполне понятным причинам включил лишь те, которые в достаточной мере можно интерпретировать.

Замечания к отдельным надписям.

Дарум I. Имя собственное здесь пишется в виде *frohila*, хотя Э. А. Макаев, следуя гипотезе Марстрандера, на стр. 124 отдает предпочтение записи *frodila*. Следует, однако, решительно настаивать на совершенно безупречном чтении с *-h-*, усматривая в этом последнем знак аннуляторного гната (ср. Krause-Jankuhn, № 117).

В списке Э. А. Макаева приводятся брактеат из Зелланда I, содержащий сокращенную надпись *lkaR* (с характерной для многих брактеатов формой руны *lY*); однако в этот список не включена надпись на брактеате из Денемарка I, в которой имеется та же сокращенная формула, но с нормальной формой *l*-руны *Y* (ср. Krause-Jankuhn, 111 и 112).

На брактеате из Гурффилеса имеется надпись *laþa*. Конечное *-a* здесь скорее представляет собой восточногерманское окончание (в противоположность прасев. *laþu*), чем опisku.

Брактеат из Овер-Хорнбака II. Чтение, некогда предложенное М. Улсеном, и заимствованное нами в 1937 г., вряд ли можно признать удовлетворительным (ср. Krause-Jankuhn, № 129).

²⁶ «Stavanger Museums Årsbok», 1938—1939, стр. 55 и сл.

²⁷ Ср.: W. Krause, Runeninschr. im ält. Futhark, 429; Krause-Jankuhn, № 44.

²⁸ «Det Kgl. Norske Vid. Selsk. Skrif-ter», 1940, № 1.

²⁹ «Acta Archeologica», VI, 236 и сл.

³⁰ «Kuml», 1963, Århus, 1964, стр. 37 и сл.

³¹ NTS, 17, 454 и сл., ср. Krause-Jankuhn, № 62.

³² M. Olsen, Norges indskrifter med de ældre runer, III, Christiania, 1914—1924, стр. 198 и сл.

Брактеат из Скюдборга. Последняя руна *j* (перед *alawid*) не учтена у Э. А. Макаева в переводе; она, видимо, имеет символическую значимость *j* (*āra*) «хороший год», как предлагает Салбергер⁸³.

Очевидно в разбираемый список следует включить следующие брактеаты.

Klätgeröd (DR, Br. 63a) с идущей справа налево надписью *alu*.

Halskov (DR, Br. 56) с длинной надписью, в которой, однако, большинство знаков искажено, но вполне различим, по крайней мере, комплекс *fahide lafof* «написал» (3-е лицо ед. число) «вызов магических сил» (ср. Krause-Jankuhn, № 130, примеч.).

Брактеат из Сиверна (Sievern), найденный в 1942 г., примерно в 12 км к северу от Бремерховена, содержит надпись с явно искаженными знаками *rwirilu*, которую возможно интерпретировать как *r(unor) wri(u)* «пишу руны» (ср. Krause-Jankuhn, № 134).

В разделе II (стр. 111 и сл.) содержится указатель рунической ономастики. Возможно было бы практически более целесообразным привести соответствующие названия личных имен только в пределах указателя слов (глава IV), где они еще раз повторяются.

В разделе III (стр. 113—116) содержится указатель грамматических форм. Однако объем главы, к сожалению, очень невелик, а сведения, приводимые в ней, нередко поверхностны и отрывочны. Достаточно полно рассмотрены в этой главе лишь формы склонения и спряжения.

Э. А. Макаев приводит лишь окончания различных склонений существительного. Такая подача материала уже сама по себе наводит на серьезные сомнения. Что собственно представляет собой окончание? Когда Э. А. Макаев в качестве окончания основ на *-r* им. падежа ед. числа приводит *-ar* (*swestar*), а в качестве окончания им. падежа мн. числа *-iR* (*dohtriR*), то с научной точки зрения это, естественно, нельзя признать верным, ибо *-r* в им. падеже ед. числа является не окончанием, а исходом основы.

По досадному недосмотру автора, в качестве окончания генитива ед. числа германских основ на *-a* приводится *-aR* (вместо *-as*, которое верно приводится в дальнейшем). В качестве окончания датива приводится только *-e*. Видимо, здесь следовало бы указать также на более старое окончание *-ai*, которое, вероятно, представлено в *hahai* «коню» (Мёйбру) и, возможно, в имени собственном *Gisai* (рубанок из Вимосе). Вводит в заблуждение приводимое автором окончание им. падежа мн. числа *-aR*. Эта форма представлена только в руническом слове *stainaR* на камне из Ревсаля, но одновременно является классической древне-

северной формой; более древняя форма должна была бы иметь вид *-ōR*. Так же, как и в случае основ на *i*, отсутствует указание на форму вокатива, представленную для основ на *i* в *Alawin*, а для основ на *a* в *Alawid* на брактеатах из Скюдборга, а также, возможно, в *Alugod* на фибуле из Верлэзе.

В сведениях, приводимых о германских основах на *ō*, нет указаний на окончание аккузатива ед. числа *-ō*, которое, согласно убедительному объяснению Э. Мольтне, представлено в форме *runō* на камнях из Эйнанга и Нулебу.

При обзоре основ на *-n* муж. рода опять ошибочно в качестве окончания генитива мн. числа приводится *-na*. В слове *gotna* (Эггя) снова обнаруживается классическая древнесеверная форма; прасеверной формой окончания должно было быть *-nō*. Для основ на *-jan* Э. А. Макаев верно дает окончание *-janō*.

В примерах, приводимых на стр. 114, следует отметить много пробелов, которые, однако, здесь не место восполнять. Было бы, возможно, также полезным, разбирая отдельные классы склонения, приводить чистые формы основ, поскольку они представлены в надписях, например, *Hlewa-gastiR*, *alja-markiR*, *HagiradaR*, *Widu-hu(n)daR*, *haidR-runo* (для старых основ на *s*).

На стр. 115 — опять просто по досадному недосмотру — форма генитива притяжательного местоимения *minas* приводится в качестве формы жен. рода.

В обзоре засвидетельствованных глагольных форм следует вычеркнуть форму 1-го лица ед. числа связки *im* (стр. 116), ибо приводимый пример обязан своим существованием неприемлемой гипотезе Марстрандера. Засвидетельствованная на камне из Каллебу (Танум) форма *βrawijan* в этом обзоре Э. А. Макаевым справедливо истолковывается как инфинитив, хотя в указателе слов (стр. 140) принимаются во внимание обе возможности ее интерпретации.

В разделе IV содержится в общем очень тщательно выполненный и надежный указатель слов с критическими объяснениями и библиографическими ссылками. Уже в своих замечаниях к предыдущим главам книги мне пришлось делать лексикологические наблюдения, которые нет надобности повторять. Остается сделать еще лишь несколько дополнительных замечаний к указателю слов.

Alugod (Верлэзе), по моему мнению, следует считать вокативом мужского имени в соответствии с именами *Alawin* и *Alawid* на брактеатах из Скюдборга (ср. Krause-Jankuhn, № 11).

gaheltja (Крагегуль) между *he* и *lija*, видимо, кусок дерева отломан. В настоящее время я склонен допустить «магическую» связь комбинированной руны *ga* с предшествующим словом *ginu-*. Таким образом, *he-* является началом нового

⁸³ «Acta philologica Scandinavica», 24, 18 и сл.

слова, а *-lija* представляет собой исход прилагательного, относящегося к *hagala*. По смыслу — естественно, я чисто субъективно подбираю слова — можно было бы дополнить: *he[ima-ta] lija* и перевести весь конечный комплекс «повреждающий шлем (= вредить) град посвящая я копью» (ср. Krause-Jankuhn, № 27).

HeldaR (Чюркё I). Э. А. Макаевым именно эта форма справедливо избирается в качестве истинной. Безусловно, мы имеем здесь дело с основной формой муж. рода [соотносимой с единственно засвидетельствованным образованием жен. рода **hildi* в др.-сев. *hildir* «борьба» (упоминается также в качестве женского имени)]³⁴.

takja (Вимосе). Чтение *takja*, даваемое Марстрандером, при тщательном исследовании оригинала полностью подтвердилось.

? *stinwara* (Нэсбьерг). Эту статью следует полностью вычеркнуть.

snArfirR (Эггъя). Это слово, приводимое согласно чтению Л. Якобсена (а также моему в 1937 г.), следует вычеркнуть. Все это место надписи было, по моему мнению, верно заново прочитано Г. Хёстом (NTS, 19, 505 и сл.): *is niþ rinR* «wenn der Neumond läuft» (вместо *ni snArfir*).

fewar (Вальсфьорд и Торсбьерг). Э. А. Макаев считает соотношение с гот. *fius* «слуга» с семантической точки зрения сомнительным; однако из основного значения «бегущий» (= др.-инд. *takva*) через промежуточное значение «слуга» уже в древнегерманском развилось значение «дружинник, последователь» (как человеческого, так и божественного господина)³⁵.

wiwaR (Туне). Это этимологически спорное имя собственное (возможно, сакральное имя **wigwaz*?; ср. слова, соотносимые с др.-сев. *wigja* «посвящать»), видимо, встречается в более поздней форме *wiR* на недавно найденной фибуле из Эйкеланда (см. выше).

Мне бы хотелось еще сделать некоторые добавления к приводимому автором указателю слов.

aih «имеет, обладает» (= гот. *aih*) вполне надежно можно прочесть на камне из Мюклебустада.

AlaiFu (камень из Бю): дат. падеж ед. числа женского имени от др.-сев. *Alof*.

Alirgu(n)þ (фибула из Вейнгартена): женское имя, первый компонент герм. **aliza-* «EgLe» (resp. диалектн. «Eller»), соотносится с *Alisa-*, представленным с грамматическим чередованием в др.-в.-нем. именах типа *Elisdrud*, *Elisard*, *Alsker* и др., а также в совр. нем. диалектн.

Else) (ср. Krause-Jankuhn, № 164).

asau (фибула из Вимосе): готская форма дат. падежа ед. числа от готского номинатива **ansus*. Интерпретация Марстрандера представляется мне надежной.

Atano (фибула из Соста). Это чтение ласкательного имени, образованного от имени *aþa-* (надпись содержится на руническом кресте на фибуле), представляется мне надежным.

Awfs (ножны для меча из Вимосе): мужское имя, собственно патроним к имени собственному *awa-*. Это чтение Марстрандера³⁶ при детальном изучении оригинала оказалось надежным. Здесь мы имеем дело, как и в случае надписи на фибуле, с готской формой.

Bera (древко ножа из Крагегуля): мужское имя, собственно «медведь» (ср. Krause-Jankuhn, № 28).

bi (древко копья из Крагегуля): предлог «к».

BidawarijaR (фибула из Нёвлинга): мужское имя с этимологически неясным первым компонентом. Со вторым компонентом ср. *StinawarijaR* (Pë) и *La(n)-dawarijaR* (Тёрвика А).

Dado (фибула II из Вейнгартена): мужское имя (Förstemann, 387; ср. Krause-Jankuhn, № 164).

god (фибула из Остхофена): вероятно, «бог» (ср. Krause-Jankuhn, № 145).

golida (фибула из Фрейлауберсхейма): «приветствовал». Чтение — по Арицу-Цейссу.

hagala (древко копья из Крагегуля): вероятно, форма, употребленная (с гласным *swaraðhakti*) вместо *hagla* (др.-сев. *hagl* «град», здесь с магическим значением «внезапное повреждение» (ср. замечания к *gahelija*).

hi (каменная плита из Эггъя): «здесь, сюда».

hle (каменная плита из Стентофта) «защита». Такое чтение получено в результате детального исследования оригинала. То же слово находим в композитуме *nahli* (др.-сев. *na-hlé*) «защита от мертвецов» на табличке из Странда.

hleuno (рубанок из Вимосе): жен. род «амулет». Расширенная форма к **hlewa* «защита» (см. выше *hle*).

i = др.-сев. *i*: 1) наречие «внутри» (деревянная пшатулка из Стенмагле и табличка из Эйкеланда), 2) предлог «в» (камень из Нордхуглу и каменная плита из Эггъя).

kingja (фибула из Аквинкума): вероятно, *-kingja* «фибула»³⁷.

leub (фибула из Энгерса): субстантивированное прилагательное «принадле-

³⁴ Ср.: G. Schramm, Namenschatz und Dichtersprache, Göttingen, 1957, стр. 164.

³⁵ Ср.: О. Höfler, Kultische Geheimbunde der Germanen, 1934, стр. 266 и сл.

³⁶ C. J. S. Marstrand, De nordiske runeinskrifter i eldre alfabet. Skrift og språk i folkevandringstiden. I Danske og svenske innskrifter, Oslo, 1952, стр. 60 и сл.

³⁷ Ср.: «Acta Arch. Acad. Scient. Hung.», 1964, стр. 357 и сл.

жащий любви, любовный» (интерпретация по Арнцу-Цейссу).

Leubo (фибула из Шрепхайма): мужское имя (ср. Krause-Jankuhn, № 156).

Marſ (фибула из Сабдбаттиана): либо южногерманское имя собственное *Mā-ring*, либо (с присоединением следующей, но стоящей с некоторым отступом руны *s*) восточногерманское (готское?) имя *Mar(h)ings* (ср. Krause-Jankuhn, № 167).

Raswatu(n)d (коробка из Арлона): мужское имя (чтение и интерпретация по Арнцу-Цейссу).

sa: 1) (в качестве соответствия бьёркеторского *saR*) относительное местоимение «который» на камне из Стенгофта; 2) усилительный деиктический элемент в сочетании *ek erilaR sa* «я мастер рун здесь» на амулете из Линдхольма.

siβ (фибула из Шрепхайма) = др.-в.-нем. *sinth, sind* «дорога, поездка» (ср. Krause-Jankuhn, № 156).

talgidai (табличка из Нёвлинга): форма 3-го лица ед. числа прошед. времени индикатива «надарал»; *-ai* является перевернутой записью, употребленной вместо *-e* (ср. Krause-Jankuhn, № 13а).

unja (табличка А из Безение): вместо *winja* «блаженство» в качестве заклинания в пользу здоровья.

ut (камень из Бю): в сочетании с *orte* «высек».

uti (камень из Бьёркеторпа): наречие «овне» = «на чужбине».

wagadin (фибула из Шрепхайма) = *wagjandin*, форма дат. падежа ед. числа причастия наст. времени муж. рода от глагола др.-в.-нем. *wagjan* «bewegen» в сочетании *si(n)β wag(j)a(n)-din* «iter agitanti» (ср. Krause-Jankuhn, № 156).

Waiga (брактеат из Чёрлина): мужское имя = др.-бавар. *Weiko*; ср. соответствующее женское имя ново-исл. *Veiga* (ср. Krause-Jankuhn, № 137).

wiju (древко копья из Крагеуля): вероятно, вместо **wihiu* «посыпаю».

Woro (капсула из Арлона): мужское имя *Woro*, представленное также в литературных памятниках (Förstemann, 1636), к др.-англ. *wōrian* «vagarī» (ср. Krause-Jankuhn, № 146).

Книга Э. А. Макаева оканчивается исчерпывающей библиографией, собранной с удивительной тщательностью. Эта библиография чрезвычайно ценна для каждого рунолога, ибо представляет собой первый указатель рунологической литературы, вышедшей со времени появления в 1937 г. «Bibliographie der Runenkunde» Х. Арнца (как и у Х. Арнца, в библиографии Э. А. Макаева литература располагается по авторам, приводимым в алфавитном порядке). Мне удалось обнаружить лишь незначительные пропуски, в связи с чем хотелось бы перечислить здесь несколько названий:

Н. Arntz, Н. Jänichen. 1957. Neue Runeninschriften aus Württemberg = Fundberichte aus Schwaben, Neue Folge, Bd. 14,

199 и сл. (Dischingen, Heilbronn-Böckingen, Trossingen, Weingarten).

D. Bohnsack, W. Schöttler. 1965. Reiches Kriegergrab mit Runenscheibe aus dem Beginn des 5. Jhd s. n. Chr. von Liebenau Kr. Nienburg = Studien aus Alteuropa (Festschrift Tackenberg), Bd. II, 233 и сл.; ср. Krause-Jankuhn, № 139.

Н. Jänichen. 1951. Eine neue Runeninschrift von Schretzheim bei Dillingen = Germania, Bd. 29, 226 и сл.

W. Krause. 1955. Zur Runeninschrift auf der Scheibenfibel von Schretzheim = Germania 33, 378 и сл.

W. Krause. 1957. Die Inschrift des Runenbrakteaten von Sievern = Die Kunde, 1957, 134 и сл.

W. Krause. 1964. Noch einmal zu der Runeninschrift von Aquincum = Acta Archäol. Acad. Scient. Hungar., tom 16, 357 и сл.

A. Liestøl. 1965. Runeinnskrifta på Eikelandspenna = Frå haug og heiðni, «Tidsskr. for Rogalands Arkeolog. forening». 1965, 155 и сл.

M. Olsen. 1938/39. Fosse-innskriften = «Stav. Mus. Årsk.», 1938/39, 55 и сл.

M. Olsen. 1940. To nye fund av urnordiske runer (Hammeren B og Fuglset) = «Det Kgl. Norske Videnskapselskabet Skrifter, 1940, Nr. 13.

Ценность рецензируемой книги, как мне представляется, заключается прежде всего в том, что в ней впервые принципиально ставится вопрос о языковой принадлежности древнейших рунических надписей, рассматриваемых в хронологическом отношении друг к другу и к прочим германским языкам, а также проблема структурной характеристики рунического языка. Особенно интересными, хотя, естественно, не совсем бесспорными в частностях, по моему мнению, следует признать главу II (о руническом койне) и главу V (о структуре слова) в первой исследовательской части книги.

Практически очень полезны указатель слов и библиография во второй части книги.

Проблемой, которую следовало бы, возможно, несколько глубже поставить в книге Э. А. Макаева, является вопрос о носителях рунического письма. Давно указывалось на то (и Э. А. Макаев делает это в своей книге), что мастера, которые с помощью деревянного штампа наносили руны на брактеаты, сами в большинстве случаев не знали этих рун, а перенимали с большим или меньшим умением старые образцы и формулы, нередко полностью искажая их. «Духовными отцами» этих образов предположительно были социально высокопоставленные люди, часто обозначавшиеся словом *erilaR* (*trilaR*) (ср. стр. 35 и сл. рецензируемой книги).

О том, что мастера рун принадлежали к высшим слоям общества, можно судить (кроме указанного обозначения *eri-*

laR) и по тем (в большинстве случаев заимствованным из магической сферы) обозначениям, которые выступают в качестве имени или клички мастера рун, например *ingandiR* «неподдающийся колдовству, неуязвимый» (камень из Нордхуглу), *inwodiR* «тот, кто (в данном случае) не находится в экстазе» (фибула из Горддбса), *gliangiR* «остроглазый» (брактеат I из Небенстедта); *wilagaR* «хитрый» (амулет из Линдхольма); *W(u)lfuþewaR* «поклоняющийся Уллю» (наконечник меча из Торсберга).

Безусловно, высокопоставленными людьми были также мастера рун, писавшие на рогах из Галлехуса, на золотых кольцах из Петроссы и из Строрупа, на камне из Туне (с именами собственными *Wiw* «посвященный» (?) и *Wodurid* «ярый всадник»), а также авторы надписей на камнях из Блекинга, воздвигнутых в честь местных конунгов и относящихся к VII в. н. э. (Гуммарп, Истабю, Стентофт и Бьёркетроп).

Следует, без сомнения, допустить, что руническое письмо в первые века после его создания было исключительной душой принадлежностью знатных людей. Лишь постепенно знание рун проникло в социально более низкие слои общества. Например, когда мы встречаем краткую руническую формулу *ea* (см. выше) на небольшом каменном амулете из Утгорда (этот амулет, возможно, в свое время был привешен к корове в качестве талисмана), то вряд ли можно предположить, что его автором был знатный мастер рун. Футарк на полуколонне из Бреза определенно является не чем иным, как каракулями проходивших солдат.

Надпись *lina laukaR* на скребке (*kjætt-kniv*) из Флэксада (около 350 г.) выполнена очень тщательно, в связи с чем возможно, что богатый землевладелец, состоявший при дворе, действительно привлек для ее создания мага рун. Однако начертанная на противоположной стороне скребка руна *f* (как символ, означающий «скот; богатство»), судя по ее

грубой форме, была впоследствии нанесена каким-то простым человеком.

Расмотрение надписи на скребке из Иёрсвика, являющейся на 100 лет более поздней, чем последняя, и состоящей из бессмысленного набора рун, а также из десяти символических рун *l* (*lina-laukaR*), не создает впечатления, что она была изготовлена магом рун. То же относится к неподдающейся надежной интерпретации надписи на гробнице из Сетре, которая, вероятнее всего, представляла собой закливание любви (около 600 г.). В изготовлении этой надписи, несомненно, не участвовали маги рун.

Необходимо принципиально исследовать вопрос о том, можно ли считать, что не только надписи на брактеатах, но и многочисленные другие надписи, нанесенные на различных материал, были сначала изготовлены мастером рун на образце (последний скорее всего из дерева) и лишь впоследствии другим лицом перенесены на те или иные предметы. Это, безусловно, имело место в случае знаменитой надписи из Рёка (около 825 г.). Возможно, что то же относится и к более ранним надписям, вырезанным особенно тщательно и точно, заполняющим определенное место на каком-либо предмете, например на древке копья из Крагегуля, на камне из Веттеланда и на камнях из Блекинга.

Подобные рунические образцы привлекает во внимание Э. Мольтке также и для надписи на фибуле из Нёвлинга: *BidawarijaR talgidai*. Он считает, что глагол **talgian* (= ст.-исл. *telgia*) «вырезать» говорит о том, что руны сначала были нанесены на дерево; однако глагол *telgia* иногда употребляется в смысле высечения на камне, а также вполне может употребляться по отношению к резьбе по металлу. Таким образом, из одного лишь употребления этого слова никак нельзя сделать однозначного вывода в пользу первоначального вырезывания рун на дереве.

В. Краузе

Перевел с немецкого М. М. Маковский

H. Schabram. *Superbia. Studien zum altenglischen Wortschatz. I — Die dialektale und zeitliche Verbreitung des Wortguts.* — München, W. Fink Verlag, 1965. 140 стр. + 1 табл.

Ареальная и временная локализация лексики древних письменных памятников того или иного языка не только дает возможность лучше понять историю изучаемого языка, особенности становления и развития его фонетики, грамматики и словарного состава, но решающим образом влияет на характер освещения многих общелингвистических проблем,

вскрывая новые факты и опровергая устаревшие догмы. Не секрет, что решение таких кардинальных вопросов, как установление реликтов и инноваций, анализ адстратных, субстратных и суперстратных явлений, решение основных вопросов современной лингвистической географии и этимологии, проверка действия так называемых звуковых законов и, наконец,

периодизация памятников языка, — короче, решение всего комплекса, всей совокупности центральных, ключевых проблем индоевропейстики вряд ли возможно в полной мере без учета ареальной и временной соотнесенности наиболее ранних зафиксированных письменностью лексических элементов¹.

Вместе с тем разработка строго научной, непротиворечивой, лишенной произвольности методики установления ареальной и временной принадлежности словаря сопряжена с огромными трудностями, которые, несмотря на неоднократные и весьма серьезные исследования в этой области, к сожалению, до сих пор не удалось устранить². Именно поэтому не может не привлечь пристального внимания выпущенная недавно в Мюнхене монография Г. Шабрама (докторская диссертация, защищенная в Гиссенском университете). В тщательно выполненном исследовании автор дает очень подробную выборку случаев встречаемости

древнеанглийских слов (существительных, прилагательных, наречий и отменных глаголов), входящих в семантическое поле *superbia* (точнее, слов, соответствующих латинским леммам *superbia*, *superbus*, *superbe* или *superbire* в переводных памятниках), привлекая при этом все известные (по печатным изданиям или по изданиям факсимиле) письменные памятники древнеанглийского языка (ср. гл. I — «Слова, соответствующие *superbia* в прозе IX в.»; гл. II — «Слова, соответствующие *superbia* в прозе X в.»; гл. III — «Слова, соответствующие *superbia* в прозе XI в.»; IV — «Слова, соответствующие *superbia* в поэзии»). Г. Шабрам подчеркивает важность полноты охвата памятников при ареальном анализе древней лексики и в связи с этим критикует прежние исследования разбираемой проблемы, и особенно недавно написанную диссертацию Г. Тецлафа, в которой специально разрабатывается круг слов, относящихся к семантическому полю *superbia*³. Г. Шабрам упрекает многих прежних исследователей в том, что при анализе языкового материала они пользуются данными словарей, а не первоисточниками. В результате анализа Г. Шабрам приходит к выводу, что из четырех словарных семей, обозначавших «гордость» в древнеанглийских памятниках, *oferhygd-* является англской, а *ofermod-*, *modig-* и *prud-* (*prut-*) — уэссекскими и кентскими⁴. С течением времени *ofermod-* постепенно замещается *modig-*, а последнее — *prud-* (*prut-*). На основе наличия англских или уэссекских соответствий в памятниках Г. Шабрам делает далее выводы об ареальной и частично временной принадлежности некоторых памятников (например, оригинал анонимного перевода *De virtutibus et vitiis* Алькуина, представленный только в южноанглийских списках, Г. Шабрам считает англским), о подлинности или неподлинности известных древнеанглийских рукописей и об их авторстве.

Каковы те методы анализа, с помощью которых автор делает все эти выводы?

Г. Шабрам исходит из того положения, что распределение лексем в древних памятниках отражает их диалектную принадлежность. При этом он не различает непосредственный анализ языка и филологический анализ текста, в котором

³ G. Tetzdaff, *Bezeichnungen für die sieben Todsünden in der altenglischen Prosa*, Berlin, 1954 (неизданная диссертация). Шабрам не учитывает, однако, важную работу Е. Мёуер, *Die Bedeutungsentwicklung von germ. *moda**, Leipzig, 1926.

⁴ Отметим, что на англский характер *oferhoga* (*superbus*) указывал еще Р. Иордан (R. Jordan, указ. соч., стр. 36).

¹ Ср.: Э. А. Макаев, *Проблемы и методы современного сравнительно-исторического индоевропейского языковедения*, ВЯ, 1965, 4, стр. 15.

² См.: R. Jordan, *Eigentümlichkeiten des englischen Wortschatzes*, Berlin, 1906; G. Scherer, *Zur Geographie und Chronologie des angelsächsischen Wortschatzes*, Berlin, 1928; P. Meissner, *Studien zum Wortschatz Aelfrics*, «Archiv für das Studium der neueren Sprachen», CLXV, 1934; CLXVI, 1935; H. Rauh, *Der Wortschatz der altenglischen Übersetzungen des Matthaeus-Evangeliums untersucht auf seine dialektische und zeitliche Gebundenheit*, Berlin, 1936; R. J. Mennert, *Anglian and Saxon elements in Wulfstan's vocabulary*, MLN, 63, 1948; его же, *The Anglian vocabulary of the Blickling homilies*, сб. «Philologica. The Kemp Malone anniversary studies», Baltimore, 1949; J. Campbell, *The dialect vocabulary of the Old English Bede*, JEGPh, 50, 1951; C. Clark, *Studies in the vocabulary of the Petersborough chronicle*, «English and Germanic studies», V, 1953, общий обзор литературы вопроса см.: O. Fulk, *Altenglische Wortgeographie*, сб. «Anglistische Studien», Wien — Stuttgart, 1958. Ареальное и временное исследование среднеанглийской лексики см. в работах: R. Kaiser, *Zur Geographie des mittellenglischen Wortschatzes*, Leipzig, 1937; R. Simons, *Cynewulf's Wortschatz*, Bonn, 1899; J. K. Wallenberg, *The vocabulary of Dan Michels Ayenbite of Inwit*, Uppsala, 1923; C. Barth, *Der Wortschatz des Cursor Mundi*, Königsberg, 1903; H. Kittner, *Studien zum Wortschatz William Langlands*, Halle, 1937; A. Zettersten, *Studies in the dialect and vocabulary of the «Ancren Riwele»*, Lund, 1965.

представлен какой-либо древний язык. Как известно, памятники, происхождения которых на определенной территории несомненно, в силу целого ряда изменчивых социально-политических условий в различных частях древней Британии (речь идет о постоянных междоусобных войнах властителей древней Британии, результатом которых явилось смешение различных племен и изменение территории, занимаемой ими) нередко писались и многократно переписывались (полностью или частично) на диалекте, присутствующем другой территории. В силу тех же обстоятельств и сама ареальная соотношенность древних рукописей (ее обычно основывают исключительно на фонетических данных) не является бесспорной, ибо под фонетической оболочкой, которая, по-видимому, была характерна для одной территории, в рукописях нередко скрываются слова, типичные для другой территории. В случае, когда узкотерриториальное употребление тех или иных вокабул вполне оправдывается имеющимися лингвистическими данными, они нередко используются в памятниках (т. е. на уровне текста), исторические сведения о которых указывают на их принадлежность другому ареалу. Из данных текстологии (они нередко с большой пользой применяются лингвистикой как вспомогательное средство) обычно ничего нельзя заключить о лингвистическом статусе тех или иных элементов текста. Более того, текстологические реалии часто не подтверждаются лингвистическими данными или даже стоят в явном противоречии с ними, а лингвистические факты, со своей стороны, могут не совпадать с данными текстологии. В связи с этим выводы Г. Шабрама можно считать относящимися не более чем к языку изучаемых им текстов (рукописей) или авторов (идиолекты), но не к языку изучаемых диалектов в широком смысле⁵.

Заметим также, что подсчеты частотности слов — весьма ненадежный прием определения языковых закономерностей в древних памятниках. Количество отклонений или сходств, большее или меньшее употребление или отсутствие того или иного слова в определенном па-

мятнике языка может быть обусловлено его стилистическими, метрическими и жанровыми особенностями, манерой переводчика подражать формам оригинала, влиянием параллельных мест и может не отражать истинной картины использования данного слова в изучаемом древнем языке.

Учитывая, что разбираемый Г. Шабрамом круг слов носит сакральный характер и встречается преимущественно в памятниках соответствующего жанра⁶,

⁵ Отметим кстати, что в приводимом Г. Шабрамом списке литературы (стр. 133—140), в котором с достаточной полнотой отражены работы по географии слов в древнеанглийском и издания древнеанглийских языковых памятников, почти отсутствуют указания на специальные исследования, посвященные изучению древнеанглийской сакральной лексики (исключение составляют неопубликованная диссертация Г. Тецлафа и книга Г. Кесмана, посвященная среднеанглийскому словарному составу), такие, например, как: E. Wessén, Om den äldsta kristna terminologien i de germaniska fornspråken, «Arkiv för nordisk filologi», 44, 1928; H. MacGilleveraу, The influence of christianity on the vocabulary of Old English, Halle, 1902; Fr. Klæber, Die christliche Elemente im Beowulf, «Anglia», 35, 1914; 36, 1912; A. Keiser, The influence of christianity on the vocabulary of Old English poetry, Urbana (Illinois), 1918; H. Gneuss, Lehnbildungen und Lehnbedeutungen im Altenglischen, Berlin, 1955. Древнейшая немецкая сакральная терминология разбирается в кн.: K. F. Freudenthal, *Gloria, temptatio conversio*. Studien zur ältesten deutschen Kirchensprache, Göteborg, 1959, а в работе Дж. Оджливи весьма полно перечисляются и глубоко исследуются различные латинские литературные источники, оказавшие влияние на древнеанглийские произведения письменности, особенно на сакральные: J. D. A. Ogilvy, Books known to Anglo-Latin writers from Aldhelm to Alcuin, Cambridge (Mass.), 1936. Довольно обширная литература посвящена исследованию соотношения древнеанглийского текста и латинского оригинала: R. Handke, Über das Verhältnis der westsächsischen Evangelienübersetzung zum Original, Halle, 1896; H. Glunz, Die lateinische Vorlage der westsächsischen Evangelienversion, Leipzig, 1928; E. Schulte, Untersuchung der Beziehung der altenglischen Matthäusglosse im Rushworth-Manuskript zu dem lateinischen Text der Handschrift, Bonn, 1903; K. Wildhagen, Das Psalterium Gallicanum in England und seine altenglische Glossierungen, «Englische Studien», 54, 1920. Очень важно для объективной

⁵ Английский характер памятников нередко доказывается Г. Шабрамом на основе встречаемости в них слов, считааемых английскими в исследованиях Р. Иордана, Г. Шерера и Г. Рау. Как известно, однако, указанные исследователи (а вслед за ними и сам Г. Шабрам) строят свои выводы только на основе наличия или отсутствия соответствующих лексем в отдельных памятниках, что само по себе еще не дает возможности ареальной соотношенности лексики.

нельзя упускать из виду и возможность явления рекуррентности. Под рекуррентностью мы понимаем типичное для переводных текстов религиозного содержания строго обязательное соответствие того или иного (особенно однозначного) слова оригинала (в нашем случае — латинского) определенному слову перевода и наоборот. Рекуррентность может проявляться как в пределах одного памятника, так и в различных памятниках или различных рукописях одного памятника, в которых, в частности, могут обнаружиться различные рекуррентные соответствия (т. е. данное слово латинского оригинала в различных памятниках может рекуррентно соотноситься с разными древнеанглийскими, а данное древнеанглийское слово — с разными латинскими)⁷.

Не исключена также возможность того, что наблюдаемые Г. Шабрамом лексические различия в памятниках могли быть обусловлены не местным характером изучаемых им текстов, а различием во времени их написания.

Важно иметь в виду следующее. Период расцвета древнеанглийской литературы охватывает несколько столетий. Вполне понятно, что ряд слов, бывших общеанглийскими на определенном этапе развития языка, впоследствии мог сохраняться лишь в одном из диалектов, хотя такие слова пережиточно еще встречались в текстах, написанных на диалектах, в которых в изучаемый период эти слова уже вышли из употребления или находились в процессе отмирания. Необходимо также считаться и с тем обстоятельством, что при переписке текстов те или иные диалектные слова первоначальной рукописи могли заменяться соответствующими словами диалекта, родного для переписчика рукописи; с другой стороны, при переписке английских рукописей уэссекским писцом (или наоборот) часть английских диалектных слов могла механически переноситься в новую рукопись, которая, естественно, одновременно содержала и целый ряд диалектных слов, родных для переписчика рукописи⁸. Важно, наконец, отметить, что

оценки переводных памятников было бы учесть работу: S h r. M o r g h a n n, *Études sur le latin des Chrétiens*, Roma, 1958.

⁷ Ср.: R. J. K e l l o g, Gothic renderings of Greek recurrent with especial reference of Mt. V, 23, «Modern philology», XIII, 1915, стр. 35; Н. v o n S o d e n, *Das lateinische Neue Testament in Afrika zur Zeit Cyprians*, Leipzig, 1909, стр. 218.

⁸ Ср.: В. М. Ж и р м у н с к и й, Введение в сравнительное изучение германских языков, М.—Л., 1966; ср. также: М. М. М а к о в с к и й, Пути анализа лексических реликтов и инноваций при

в связи с ранним обособлением уэссекского диалекта и постепенным выдвиганием его на место ведущего, неизбежным было его влияние на другие английские диалекты. Так, например, нет почти ни одного кентского текста, не испытавшего уэссекского влияния. С другой стороны, в ряде уэссекских памятников явно проступают кентские и нортумбрийские диалектные черты. В большинстве дошедших до нашего времени поэтических памятников, как правило, представлен конгломерат диалектных черт, в связи с чем возникает вопрос о том, привнесены ли подобные явления в указанные произведения переписчиками, происходившими из разных областей Британии, или же обусловлены диалектным смешением, которое особенно вероятно в пограничных областях.

Г. Шабрам, вслед за своими предшественниками (Иорданом, Шерером, Рау), указывает на то обстоятельство, что английские слова не были полностью чужды в южной Британии, и наоборот, уэссекские слова были известны на севере страны. Если, однако, принять указанный выше тезис (безусловно верный сам по себе), то мы неизменно приходим к выводу, что присутствие слова в том или ином языковом памятнике никак не может служить безошибочным критерием его ареальной принадлежности. Об этом говорит и сам языковой материал, приводимый Г. Шабрамом: из прилагаемой им сравнительной таблицы употребления анализируемых слов в различных изводах псалтыря видно, например, что в английских вариантах нередко употребляются уэссекские слова, а в уэссекских вариантах — английские слова, что, как мы говорили, вполне естественно (ср. также стр. 75—76).

В качестве основного языкового материала, на базе которого Г. Шабрам строит все выводы, берутся только три корня — *oferhygd-*, *modig-* и *prut-*, вырванные из живой ткани древнеанглийского словарного состава и никак не соотносимые с прочими древнеанглийскими и тем более германскими словами ни в син-

установлении изоглосс, ВЯ, 1965, 1. Оценка лексических различий в разных рукописях и изводах дается Г. Шабрамом с точки зрения наличия или отсутствия в них изучаемого круга слов. На том же критерии Г. Шабрам основывает и временную соотнесенность памятников и различных изводов последних. Ср. G. G i e s c h e n, *Die charakteristischen Unterschiede der einzelnen Schreiber im Hatton MS. der Cura Pastoralis*, Greifswald, 1887; W. K e l l e r, *Angelsächsische Palaeographie* («Palaestra», XLIII), Berlin, 1906; B. B i s c h o f f, *Die südostdeutschen Schreibschulen und Bibliotheken in der Karolingerzeit*. Tl. I — *Die bayrischen Diözesen*, Leipzig, 1940.

хронии, ни в диахронии. Не говоря уже о всех упоминавшихся выше филологических моментах, игнорируемых автором, необходимо указать, что сам по себе такой узкий материал не дает оснований для производимых им широких общетеоретических обобщений — о диалектной и временной принадлежности лексики, о подлинности и территориальном распределении памятников и др.

К филологической проблематике Г. Шабрам обращается лишь в случаях интерпретации исключений из своей теории. Однако и здесь Г. Шабрам не доказывает тех или иных филологических закономерностей в изучаемых текстах, а лишь ссылается на них. Всякий раз, когда языковые факты не укладываются в схему Г. Шабрама, т. е. в случаях, когда словарные типы *ofermod-*, *mod-*, *prud-* встречаются в так называемых «англиских» памятниках, а тип *oferhygd* — в «уэссекских», Г. Шабрам неизменно ссылается на возможность более поздней редакции соответствующего текста и замену «англиских» лексем «уэссекскими» и наоборот. В связи с этим обращают на себя внимание две последовательно совершаемые автором логические ошибки — сначала объяснение *idem per idem*, а затем *ignotum per ignotum*: факт наличия «англиских» слов в «уэссекских» текстах определяется как аномалия уже потому, что, по мнению Г. Шабрама, это не может не быть аномалией; с другой стороны, как считает автор, реальность существования указанной аномалии можно доказать, если допустить наличие второй, якобы потенциально присущей любому тексту, аномалии (нарушение диалектной единообразности текста в результате переписки), которая всегда обуславливает первую.

Не стремясь проверить, является ли постулируемая им «аномалия» во всех случаях действительной или мнимой, Г. Шабрам не приводит фактов для доказательства наличия этой «аномалии». В частности, выяснению всего комплекса встающих здесь вопросов мог бы способствовать палеографический анализ рукописей; остается без объяснения и тот факт, почему «англиские» слова заменялись переписчиками на «уэссекские» настолько непоследовательно, что они нередко сосуществуют в пределах одного и того же памятника. Не удивительно поэтому, что все древнеанглийские памятники, в которых обнаруживается одновременное наличие словарных типов, объявляемых Г. Шабрамом английскими и уэссекскими, он считает диалектно смешанными.

Необходимо отметить, что вряд ли было бы правильным не учитывать того факта, что при переписке рукописей могло происходить не только нарушение единообразия их словарного состава, но и, наоборот, известное выравнивание их

лексики. Такое «единообразие» словаря при атомарном исследовании, проводимом в отрыве от всей совокупности встающих здесь филологических и языковых проблем, легко принять за исходное и даже считать «диалектной» особенностью того или иного памятника.

На стр. 94—95 Г. Шабрам пишет, что др.-англ. *oferhygd*- у Вульфстана не надо смешивать с *oferhygd*- в «англиских» памятниках: в первом случае, по его мнению, оно употребляется в значении «contemptor», а во втором только в значении «superbus». Языковые факты не подтверждают этого положения. Достаточно указать на то обстоятельство, что словарный тип *oferhygd*- в значении «to despise; transgress» встречается и в тех памятниках, которые Г. Шабрам считает английскими и в которых, по его наблюдениям, это слово встречается якобы только в значении «superbus». Ср. Lind. Lk XV, 2 (*oferhogas: transgrediunter*), Ps. Vos 118, 118 (*oferhogdes: sprevisti*). Интересны следующие примеры. Cant. Ps. fol. 60 b; *maligna vl. magna. i. superba*; Cant Ps. 34, 26: лат. *qui maligna loquuntur*, но др.-англ. *fe micyl sprecað*. Ср., с другой стороны, Cant Ps 104, 15; *malignari: faem minnaen*; 143, 10: *maligno: fa minnan*, Cant Ps. 105, 24: *magnalia: fae minnaen*. Ср. швейц. *minlich ekel im Essen* (Staub — Tobler, Schweiz. Id. IV, 315). Такие семасиологические связи вполне естественны. Ср. голл. *trotsch* «гордость», но нем. *Trotz*. Интересно, что в среднеанглийском словарный тип *oferhygd*- представлен только в значении «contempt» (ср. НМ, 43; AR 27 b; O. and N. 1406; Rel. I, 184).

Г. Шабрам не учитывает все возможные значения разбираемых им древнеанглийских слов, встречаемых даже в пределах одного и того же памятника («magnanimity», «courage», «stubbornness»). Для того чтобы убедиться в наличии этих значений достаточно обратиться хотя бы к словарю Босворта — Толлера. С другой стороны, Г. Шабрам не приводит в своем исследовании всех слов, соответствующих *superbia* (ср. *tofindan*: An. Oх 667: *arroganter i. superbe: tofudlice: upahafenlice*) и не исследует семантические и хронологические связи этих слов. В работе Г. Шабрама не выясняются также функциональные и временные связи приставочных и бесприставочных вариантов приводимых им древнеанглийских слов.

В ряде случаев словарные типы, считаемые Г. Шабрамом «англискими» (*oferhygd*-) и «уэссекскими» (*ofermod*-), одновременно встречаются в пределах таких памятников, которые содержат большое количество слов, специально не исследуемых в книге Шабрама, но которые Шабрам, вслед за Иорданом, Рау и др., признает «англискими» (ср. стр. 76). Пытаясь объяснить такое положение,

Г. Шабрам, следуя своему тезису об имплицитно английском характере *oferhygd-*, и уэссекском характере *ofermod-*, как обычно, ссылается на позднейшую переписку текста, содержащего одновременно оба словарных типа. Такое же объяснение Г. Шабрам дает и вариантным глоссам, совмещающим «англиские» и «уэссекские» словарные типы (стр. 84). В связи с этим следует указать, что некоторые ученые высказывали мнение, что двойные и тройные глоссы в древнеанглийских рукописях представляли собой особую стилистическую фигуру, присущую одним памятникам и чуждую другим⁹, хотя, конечно, здесь нельзя не учитывать и другие возможные объяснения этого явления. Отметим, что Г. Шабрам, наряду со ссылкой на позднейшую редакцию текста, вынужден иногда говорить о «случайном» характере одновременной встречаемости в одном памятнике «англиских» и «уэссекских» словарных типов (стр. 92), а иногда прибегает к толкованиям значения изучаемых им слов в отдельных рукописях с целью «уменьшить» количество случаев, противоречащих его исходным тезисам (ср. стр. 76, примеч. 92).

Если следовать разделяемой Г. Шабрамом теории семантических полей, то нельзя не отметить, что слова, принадлежащие к семантическому полю «гордости» в книге Г. Шабрама охвачены далеко не полностью. Ср., например, такие древнеанглийские лексемы, как *wlanc*, *gilp*, *deall* и др. Очень важно было бы исследование не только всех латинских лемм, синонимичных *superbus* (*insolentia*, *arrogantia*, *elatione* и др.), о которых Г. Шабрам упоминает лишь вскользь в связи с рассмотрением альдхельмских глосс, но и анализ всех древнеанглийских слов, соответствующих этим леммам (Hpt. Gl. 432, 54: *elationis* : *orgelnysse* & *creasnyse*). В книге Г. Шабрама исследуются преимущественно приставочные слова, которые невозможно проследить в диахронии [кстати, второй компонент *oferhygd-* представлен сейчас в германской языковой области в алеманском ареале: ср. швейц. *hügen* «andenken» (др.-англ. *hugan*)].

Все сказанное не оставляет сомнения в том, что до тех пор, пока при исследовании рассматриваемой проблемы не будет строго разграничиваться филологический и чисто языковой аспекты, пока отдельные части словарного состава изучаемого языка будут рассматриваться атомарно, изолированно от прочих сосуществующих компонентов лексики в рамках того же языка и/или в пределах языковой области, в которую входит послед-

ний, пока такой анализ будет замыкаться в рамках соответствующих древних памятников без учета данных лингвистической географии и диахронического развертывания соответствующих лексем, исследователя (независимо от его тщательности, независимо от полноты охвата фактического материала) неизменно ждет неудача, которая постигла Иордана, Шерера, Рау и которой не смог избежать автор рецензируемой книги. Если мы хотим действительно приблизиться к решению проблемы, то необходимо искать иных путей, иных подходов к ее разрешению¹⁰.

Одним из возможных путей подхода к проблеме может служить, как нам кажется, метод определения ареальной принадлежности слов на основе нашей теории лексической аттракции. В свете этой теории лексический состав языка представляется как сеть сосуществующих или пересекающихся микросистем (микронаборов), которые в своей совокупности образуют лексический макронабор. Наличие именно данного слова (или слов), наделенного строго определенным значением (или значениями) в том или ином языке или языковом слое детерминировано лексическим окружением того набора, в который оно входит, т. е. лексическими элементами данной микроструктуры. Мы исходим из того, что каждый лексический ряд по своей структуре, кроме центральной лексемы, или ядра (т. е. лексемы, существование которой в этом ряду требует наличия всех без исключения элементов данного микроряду, включает определенное число элементов, обладающих различной валентностью, т. е. отстоящих на разных расстояниях от ядра в зависимости от количества тех или иных лексем (одной двух, трех и т. д.), необходимых для их существования в микроряду. Таким образом, лексическое ядро — это наименее устойчивый элемент микроряду.

Валентность каждого элемента макронабора носит не только количественный, но обязательно и качественный характер (два лексических «узла», обладающие одинаковой валентностью в разных наборах, непременно включают разные лексемы). В лексический набор обычно входят слова самой различной семантики, ничего общего между собой не имеющие по смыслу и по своей категориальной и словообразовательной принадлежности. В этом коренное отличие лексиче-

¹⁰ Рецензенты Г. Шабрама в своих методических установках стоят на традиционных позициях. См.: G. Storms, [рец. на кн.:] H. Schabram, *Superbia. Studien zum altenglischen Wortschatz*, I, «Neophilologus», 1, 2, 1966. Ср. также рецензию К. Шельпа (IF, 71, 1—2, 1966). Ср. JEGPh, XV, 1966, «Speculum», XLI, 1966.

⁹ Ср.: J. M. Hart, *Rhetoric in the translation of Bede, «An English miscellany presented to Dr. Furnivall»*, Oxford, 1901, стр. 150—154.

ского набора в нашей концепции от традиционных семантических полей, в которые нередко только на основании внешней смысловой близости включаются слова, принадлежащие к самым различным лексическим микросистемам.

Определение слов, принадлежащих к тем или иным лексическим наборам (а тем самым и их ареальной принадлежности), производится следующим образом. Берется ряд слов, типичных для ограниченной части древних памятников (в нашем случае древнеанглийских), затем ареальная принадлежность этих слов проверяется путем диахронического «развертывания» их в рамках современных диалектов того же языка или диалектов родственных языков (например, современных южных диалектов немецкого языка). Лексические элементы, оставшиеся после такого диахронического развертывания, признаются конститутивными элементами того или иного лексического набора. Тем самым достигается не только ареальная ориентация слов в пределах определенного узкого ареала, но и ареальная локализация этих лексических континуумов в рамках более широкой (хотя территориально и не смежной на данном этапе развития языка) языковой области, частью которой они являются и с которой они тесно связаны генетически¹¹.

¹¹ Многочисленные примеры подобного анализа с подробным описанием его процедуры см.: М. М. Маковский, Сравнительно-историческая диалектография английской лексики в пределах германской языковой области. 1. О методах анализа, сб. «Этимология», [II], М., 1964; его же, Теория лексической аттракции, ВЯ, 1965, 6; его же, Идентификация элементов лексико-се-

С точки зрения теории аттракции становится ясным, что частотность слова в каком-либо памятнике не свидетельствует о его специфичности для этого памятника: то или иное слово может очень часто встречаться в каком-либо памятнике, но не входить в определенное окружение, тогда как слово, встречаемое в памятнике в виде *ἄπαξ λεγόμενον*, может входить в такое окружение и, следовательно, давать возможность судить о его территориальном статусе и о специфичности его для памятника, в котором оно встречается.

В наши дни, когда обследуются и описываются все новые и новые ареально-лингвистические закономерности и факты, как никогда ранее ощущается практическая необходимость найти научно оправданные, основанные на последних достижениях науки о языке пути определения ареальной принадлежности лексики древних памятников. Мы не сомневаемся в том, что такие пути будут наконец найдены. Вполне понятно, что при разработке новой методики анализа должны быть всесторонне учтены и все прежние достижения в изучаемой области, в частности тщательно собранный Иорданом, Шерером и Рау лексический материал различных древнеанглийских памятников. В этом плане рецензируемая книга Г. Шабрама, дающая в распоряжение исследователя подробную и исчерпывающую выборку лексического материала, несомненно играет не последнюю роль.

М. М. Маковский

мантических структур, ВЯ, 1966, 6. Интересное сопоставление «текста» и «живого языка» см.: R. Schützeichel, Mundart, Urkundensprache und Schriftsprache, Bonn, 1960.

ДВЕ КНИГИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ПРАВИЛЬНОСТИ *

В последнее время все большее значение приобретает исследование «грамматичности», или «грамматической правильности» предложения. В лингвистике эта проблема стала особенно актуальной в связи с построением порождающих грамматик, описывающих не только реально встретившиеся в текстах, но и любые потенциально возможные предложения. В этой связи сразу же возник вопрос,

должна ли такая грамматика описывать предложения типа *идея яростно спит* или же их следует заранее исключать как «неграмматические»¹.

И здесь лингвисты столкнулись с проблемой, давно уже привлекавшей внима-

¹ Ср. полемику, нашедшую свое отражение в статьях, переведенных в ВЯ, 1962, 4.

* T. D range, Type crossings, Mouton and Co, The Hague — Paris, 1966, 218 стр. («Janua linguarum», Series Minor, XLIV); R. Quirk, J. Svartvik, Investigating linguistic acceptability. Mouton and Co, The Hague, 1966, 118 стр. («Janua linguarum», Series Minor, LIV).

ние логиков². Первая из рецензируемых книг, а именно монография Т. Дрейджа и посвящена обзору логической проблематики, связанной с такими фразами, как 1) *Теория относительности голубая*; 2) *Число 5 весит больше, чем число 6*; 3) *Сократ простое число*; 4) *Четырехсторонность пьет откладывание*; 5) *Запах громки* и т. п.

Любопытно, что эти же примеры с небольшими вариациями употребляются другими авторами, например *Цезарь простое число* (В. Крафт в книге о Венском кружке, Г. Рейхенбах в хорошо знакомой лингвистам книге «Элементы символической логики», У. М. Орбан в книге «Язык и реальность»), фразу 4 впервые употребил Б. Рассел. Лингвисты же после работ Хомского постоянно говорят о фразе *идея яростно спит*.

Такое постоянное употребление, по-видимому, связано с желанием превратить пример в термин. Действительно, удобнее говорить о фразах типа *идея яростно спит* (или *Цезарь простое число*), чем называть их «семантически неправильными», «логически противоречивыми» или же «неграмматическими», ибо каждый такой термин содержит в скрытом виде некоторое утверждение, само по себе достаточно спорное.

Автор рецензируемой книги вводит для таких фраз новый термин «*ture slozings*» (можно перевести как «фразы смещенного типа» или «фразы со смещением типа»). В основе этого термина лежит представление, что все предметы расклассифицированы по определенным категориям и соответствующие им слова могут употребляться лишь с предикатами определенного типа, например с предикатом типа «быть голубым» может сочетаться слово, обозначающее предмет конкретного типа, т. е. пространственно-ограниченный. Употребление с таким предикатом слова для предмета другого типа, например во фразе *теория относительности голубая*, приводит к «смещению типа», что и дает автору повод для такого названия.

Книга построена как ряд очерков, большинство из которых содержит полемику с той или иной логической концепцией рассматриваемых предложений. Так, специально разбирается дискуссия по вопросу о том, можно ли считать предложения типа *идея яростно спит* логически ложными. Автор считает аргументы противников данной точки зрения недостаточными. Он придерживается того мнения, что поскольку утверждение *идея яростно спит* истинно, то предложение *идея яростно спит* ложно. Вопрос нельзя считать ре-

шенным. Так, автор не учитывает аргументацию Х. Путнама³, сводящуюся к тому, что если считать рассматриваемые предложения ложными, то надо признать что они по-другому ложны, чем предложения типа *дважды два пять*.

Вопрос о том, являются ли предложения рассматриваемого вида грамматическими, автор разрешает положительно, не соглашаясь с позицией П. Зиффа⁴, по которой такие предложения отклоняются от грамматической правильности. Не согласен он и с точкой зрения Н. Хомского, по которой следует рассматривать различные уровни грамматичности⁵. Представляется, что позиция автора определяется подходом к предложениям рассматриваемого типа как к данностям, к чему-то действительно существующему, в то время как большинство современных лингвистов рассматривают их как возникающие одновременно с некоторыми заведомо правильными предложениями и по тем же самым правилам. Поэтому для лингвистов более естественно ставить вопрос об уровнях грамматичности в зависимости от избранного механизма порождения. Таким образом, для лингвистов существенно как возникают предложения типа *идея яростно спит*, в то время как для автора важно, чем они являются, какова их логическая природа.

Основная идея автора состоит в том, что бессмысленность рассматриваемых предложений определяется не тем, что они нарушают правила языка, как склонны думать многие последователи Л. Витгенштейна⁶, а тем, что та внеязыковая действительность, о которой говорится в предложении, немыслима. С этой идеей, что «неправильность» этих предложений в основном определяется не языком, а действительностью, следует, по-видимому, согласиться, хотя конкретная природа понятия немыслимости (*unthinkability*) остается неясной. В частности, с лингвистической точки зрения мы всегда должны считаться с возможностью метафоризации, которая может сделать мыслимым любое высказывание. Сам автор в начале книги убедительно показывает, что для каждого из предложений 1—5 можно придумать

³ Х. Путнама, Некоторые спорные вопросы теории грамматики, сб. «Новое в лингвистике», IV, М., 1965, стр. 74—78.

⁴ См.: P. Ziff, *About grammaticality*, «Mind», LXXIII, 1964.

⁵ Ср.: Н. Хомский, Несколько методологических замечаний о порождающей грамматике, ВЯ, 1962, 4.

⁶ Автор при этом ссылается главным образом на работы: P. F. Strawson, *Introduction to logical theory*, London, 1952; G. Ryle, *Logic and language*, Oxford, 1953.

² Ср. проблему различения понятий *Unsinn — Widersinn* еще в «Логических исследованиях» Э. Гуссерля (E. Husserl, *Logische Untersuchungen*, II, Halle/Saale, 1906).

ситуацию, когда оно становится осмысленным⁷.

Автор сам сознает, что критическая часть его книги сильнее позитивной (стр. 209). Дело, по-видимому, в том, что вопрос о подобных предложениях не может быть окончательно решен чисто логическими средствами. Автор все время вынужден прибегать и к таким психологическим аргументам, как особенности восприятия подобных предложений. Так, разбирая вопрос о том, играют ли нарушения правил языка (о соотношении слов с определенными категориями) существенную роль в объяснении логической природы фраз типа *идея яростно спит*, автор подробно разбирает возможную реакцию носителя языка на это предложение (стр. 61 и сл.), в частности будет ли он пытаться исправить говорящего или же воспримет высказывание как метафору и т. п.

К сожалению, подобные рассуждения до сих пор носили чисто умозрительный характер. В этой связи чрезвычайно интерес приобретает вторая из рецензируемых книг, посвященная методам активного экспериментального исследования проблем грамматичности или вернее приемлемости (acceptability), ибо грамматичность относится к языку, а исследоваться могут факты речи. Обе книги прекрасно дополняют друг друга, находясь, так сказать, в «дополнительном распределении» (последнее почти верно и в буквальном смысле).

Р. Квирк и Я. Свартвик поставили своей целью объективно оценить реакцию носителей языка на степень грамматической правильности предложения. Уже известны работы, в которых статистически обрабатывался материал, полученный в опытах, когда информанту задавался прямой вопрос: «Считаете ли Вы данное предложение грамматически правильным?»⁸. Авторы справедливо считают, что подобный прямой метод должен быть дополнен косвенным, при котором испытуемый не знает того, что собственно интересует исследователя.

Суть метода⁹, использованного авторами, состоит в следующем. Были отобраны две группы испытуемых, по 25 человек, одну из них составляли студенты-филологи, а другую — студенты-есте-

ственники. Испытуемым предлагались 50 предложений, как правильных, так и с какой-то точки зрения неправильных (эти предложения обычно были составлены парами, но предлагались испытуемым вперемежку, чтобы они не могли догадаться, в чем дело).

Часть предложений содержала чисто грамматические нарушения, например нарушения порядка слов (*he pushed open the door*, наряду с правильным *they pushed the gate open*), неправильное образование пассивной формы (*A nice little car is had by me*) и т. п.

Другие предложения относятся как раз к тому типу, который разбирался в книге Дрейнджа. Авторы называют их «лексически неправильными», используя, между прочим, следующий критерий отграничения их от грамматически неправильных. Лексическая неправильность сохраняется при переводе на любой другой язык, а грамматическая легко может исчезнуть. Сюда относятся (в разной степени) вторые члены следующих пар (общим числом — 50): *Jack admires sincerity — Sincerity admires John; A wife was chosen his son — The old man chose his son a wife*.

В одной серии опытов испытуемые должны были оценить непосредственно степень правильности предложения по трехзначной шкале (+1, если предложение правильно, -1, если неправильно, и 0, если испытуемый сомневается).

В другой, основной серии опытов задание состояло в проведении некоторых операций над прочитываемыми 50 фразами, например: записать фразу в отрицательной, вопросительной форме, изменить форму времени и т. п.

Оказалось, что в случае «менее правильных» предложений испытуемые больше затруднялись с проведением операции и часто незаметно для себя исправляли фразы, делая их грамматически и «лексически» (точнее семантически) корректными. Таким образом, опыты, проведенные авторами, убедительно подтверждают наличие определенной «презумпции осмысленности», о которой в свое время писал рецензент¹⁰ и о которой в других терминах говорит Т. Дрейндж в упомянутой выше дискуссии о том, нарушают ли предложения типа *идея яростно спит* правила языка.

Но для авторов исправления, вносимые испытуемыми, были просто индикатором трудности: если испытуемый вносил исправление, то задание считалось невыполненным. Число таких невыполненных заданий для каждого испытуемого и для каждой фразы и было основой

⁷ Ср. также многие ситуации в книге Кэррола «Алиса в стране чудес».

⁸ См., например: Н. М а с л а у, M. D. S l e a t o r, Responses to language judgments of grammaticalness, «International journal of American linguistics», 26, 1960.

⁹ Идея подобного эксперимента была впервые высказана в работе: G. A. M i l l e r, S. I s a r d, Some perceptual consequences of linguistic rules, «Journal of verbal learning and verbal behaviour», 2, 1963.

¹⁰ И. И. Р е в з и н, Некоторые трудности построения семантических моделей, «Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. Тезисы докладов», М., 1962.

дальнейших статистических исследований.

Интересно, что было обнаружено довольно устойчивое соответствие между результатами первой и второй серии опытов (коэффициент корреляции $r = 0,73$), т. е. ошибки в исполнении операции действительно могут быть связаны со степенью грамматичности. Интересно также, что были обнаружены статистически разные группы предложений, причем наряду с группой лексически неправильных, например типа *Wood was creeping up the hill*, и группой грамматически неправильных, например с нарушением порядка слов, выделяется специальная группа, которая относится к типу промежуточному, так сказать «лексико-грамматическому», где трудно отделить лексическую неправильность от грамматической. Это как раз предложения типа *Friendship dislikes John*, о кото-

рых говорил и Т. Дрейндж, обсуждая вопрос о том, нарушается ли здесь грамматика или нет. Именно для таких предложений учение Н. Хомского о степенях грамматичности представляется весьма плодотворным. Во всяком случае эксперименты, описанные в книге, по-видимому, подтверждают правильность этой точки зрения.

В заключение заметим, что исследования типа описанных авторами могут найти и более широкое применение, например для массовых экспериментов по культуре речи, по осознанию существующих норм языка, по эффективности тех или иных способов формулировки таких норм и т. п. Учение о грамматической правильности относится не только к логической теории языка, оно непосредственно связано с проблемами языковой практики.

И. И. Ревзин

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

Появление специальных периодических изданий, посвященных актуальным вопросам балтийского языкознания¹ и балтийско-славянской проблематике в самом широком аспекте², несомненно, отвечает давно назревшей необходимости. Она связана не только с высокой ролью балтийских данных в индоевропейстике, но и со все возрастающим вниманием специалистов в области балтийского и славянского языкознания к историческим и современным фактам языкового взаимодействия между балтийским и славянским населением; эти факты имеют равное значение для обеих дисциплин и в настоящее время уже составляют особую развитую область исследования.

Первый выпуск «Балтистики» открывается статьей К. К о р с а к а «Балтистика и славистика», в которой подчеркивается взаимная и плодотворная зависимость и заинтересованность, исторически существующая между этими дисциплинами и особенно возросшая в последние годы.

Вопросы исторической морфологии и фонетики рассматриваются в статьях В. М а ж ю л и с а «Некоторые фонетические аспекты балто-славянской флексии» (вып. 1) и С. К а р а л ю н а с а «К вопросу об и.-е. *s после i, u в литов-

ском языке» (вып. 2). В. Мажюлис уточняет, во-первых, данные прусского вокализма, в которых прозрачно отражается позднее общебалтийское состояние, затем делает выводы об изменении индоевропейской системы гласных в общебалтийском и предполагает аналогичное развитие в праславянском, в частности сохранение на древнем праславянском этапе различия между \bar{o} среднего подъема и \bar{o} нижнего подъема (восходящими соответственно к и.-е. \bar{o} и \bar{a}), а также \bar{e} и \bar{e} , причем с разными рефлексамии слав. \bar{o} : \bar{o} и \bar{e} : \bar{e} в открытых и закрытых слогах. Различное развитие \bar{o} , \bar{e} перед основным и флексивным сонантом на конце слова (литов. *aktū̄d*, *vilkī* — слав. **ōn*) позволяет пересмотреть хронологию отпадения основных сонантов и сокращения тавтосиллабических долгот в пользу эпох, значительно более поздних, чем общеиндоевропейская и даже общебалтийскославянская.

В статье С. Каралюнаса приведен обширный литовский материал, подтверждающий отсутствие регулярного изменения и.-е. *s в \bar{s} после i, u (при регулярном изменении после r, k) в литовском и обнаруживающий зависимость этого процесса в большей мере от словообразовательных, чем от фонетических условий. Относительно малое число литовских слов, в которых переход $s > \bar{s}$ представлен, характеризуются словообразовательной изолированностью.

Морфология и словообразование представлены статьями А. В а л е ц к е-

¹ «Baltistica», изд-во «Mintis», Vilnius, I (1) — 1965, I (2) — 1966.

² «Acta Baltico-Slavica», Białostockie Towarzystwo naukowe, Białystok, I — 1964, II — 1965.

не «К вопросу об образовании и развитии систем склонения местоимений 1 и 2-го лица современного литовского языка» (вып. 2) и И. Казлаускаса «Именные образования от приставочных глаголов в балтийских языках и их значение для реконструкции ударения глагола» (вып. 1) и «О месте возвратной морфемы и ее ударении в литовском языке» (вып. 2). В последних двух работах содержатся важные наблюдения об акцентуации балтийских приставочных (и возвратных) глаголов с уточнением хронологии некоторых существенных акцентологических процессов в балтийском глаголе.

В статье В. Амбразаса «Литовские конструкции с *ir* между причастием и глаголом и их славянские соответствия» (вып. 1) исследуются синтаксические отношения между причастием и глаголом в древних литовских (и соответствующих им славянских) оборотах, отражающих прежнюю предикативную независимость причастия, следы которой сохранились в настоящее время только в реликтовых конструкциях (главным образом, в фольклорных и диалектных).

Значительное место в первых двух номерах «Балтистики» занимают статьи и заметки по литовской этимологии. А. Сабалаяускас («О происхождении литовского *šaukštas* «ложка», вып. 1) пересматривает этимологию слова *šaukštas*, не имеющего соответствий в балтийских и других индоевропейских языках, и предлагает связывать его с глаголом *šauti* «стрелять, сажать в печь», представленным в литовском и латышском. Во второй заметке А. Сабалаяускаса «О происхождении литов. *šėrnas* „дикий кабан“» (вып. 2) литов. *šėrnas* возводится к литов. *šerŷs* «щетина». Обширная статья В. Урбутиса «Этимология некоторых диалектных синонимов литов. *truŷpas*» (вып. 1) посвящена диалектным литовским словам со значением «короткий, краткий, маленький»: *bigas, biskas, bizdas, biznas, gruzinis, grūžas, įsas (ýsas), str(i)ūbas, str(i)ūgas, str(i)ūkas, stūkas*, не имевшим ясной этимологии. В. Жулис («История некоторых редких слов», вып. 2) обосновывает прусское происхождение литов. *dragės* «дрожжи», *ešketras* «осетр, белуга» и *lyg(i)us* «суд», славянское происхождение литов. *lonė, lonie* и *lonis* «самка оленя» и диалектное (южнолитовское) происхождение литов. *skrieliiai* «крылья» (все пять слов встречаются преимущественно в переводе Библии И. Бреткунаса).

Две заметки К. Кузавиниса «К вопросу о происхождении балтийских этнонимов» и «Этимологические соображения о балтийском корне *el-/al-* „течь“», объединенные под общим заголовком «Этимология» (вып. 2), объясняют происхождение литовских этнонимов *Aistà, Nadravà, Skalvù, Sèla*, связывая их с со-

ответствующими балтийскими гидронимами, а также содержат этимологический анализ гидронимов, отражающих и.е. корень **el/*ol* «течь».

Статья В. Н. Топорова «К вопросу о топонимических соответствиях на балтийских территориях и к западу от Вислы» (вып. 2) является продолжением статьи того же автора «О балтийских элементах в гидронимии и топонимии к западу от Вислы», печатающейся в сборнике, посвященном проф. В. Шмиллауэру, и содержит дальнейший перечень примеров (P — W) гидронимического и топонимического сходства двух названных в заглавии территорий, отражающих в одних случаях собственно балтийский, в других — общий балтийско-славянский топонимический фонд. Литовская топонимия представлена статьей А. Ванаса «О форме и происхождении топонима *Labgudà*» (вып. 2).

Ятвяжскому субстрату в балтийских (и славянских) языках, привлекающему в последнее время усиленное внимание исследователей, посвящена статья Б. Савукина «К проблеме западнобалтийского субстрата в юго-западной Литве» (вып. 2), поднимающая в первую очередь методологические вопросы изучения субстратных и суперстратных отношений в области топониматики. Системный анализ топонимического материала юго-западной Литвы приводит автора к выводу об общебалтийском характере ряда названий, считавшихся ятвяжскими, и позволяет пополнить список специфически ятвяжских названий на основании западнобалтийско-литовских фонетических соответствий.

В специальных разделах сборников рецензируются книги: W. P. Schmid, *Studien zum baltischen und indogermanischen Verbum*, Wiesbaden, 1963 (И. Казлаускас, вып. 1); «*Biblia litewska Chylińskiego. Nowy Testament*», III — Index, *Wydał Czesław Kudzinowski*, Poznań, 1964 (В. Жулис, вып. 1); «*Acta Baltico-Slavica*», Białostockie towarzystwo naukowe, I, Białystok, 1964 (В. Урбутис, вып. 2); M. Mayrhofer, *Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*. I. A — TH, Heidelberg, 1956, II D — M, Heidelberg, 1963. (А. Сабалаяускас, вып. 2); «Проблемы индоевропейского языкознания», М., 1964 (И. Казлаускас, вып. 2). Сборники заключаются отделом информации.

В первых двух выпусках «Балтистики» статьи печатаются на литовском и русском языках, резюме — на русском, литовском, немецком и английском языках. Ежегодно будет издаваться один том в двух выпусках.

*

Белостокское научное общество (Польша) предприняло издание ежегодных сборников «*Acta Baltico-Slavica*», посвя-

ценных историческим и культурным связям балтийских и славянских народов на балтийско-славянском пограничье.

В первом томе публикуются исторические, археологические, этнографические и лингвистические материалы I Конференции исторических наук, проходившей в 1961 г. в Белостоке и наметившей научные и организационные задачи комплексного изучения северо-восточных районов Польши в связи с исторической и современной проблематикой балтийско-славянских контактов.

На лингвистической секции конференции обсуждались вопросы диалектологии и топонимии северо-восточных областей с преимущественным вниманием к взаимодействию польского, балтийского и восточнославянского элемента на этой территории.

В докладе А. Обрембской - Яблоньской сообщается о начавшемся в Польше систематическом обследовании белостоцких диалектов, в первую очередь белорусских и переходных от украинских к белорусским, а также говоров русских старообрядцев, пребывающих в длительном взаимодействии с польскими диалектами Мазовша. Автор дает обзор современного состояния исторических и диалектологических сведений об этой территории и указывает главные проблемы лингвистического исследования восточного пограничья Польши.

Центральное место в докладах и дискуссии занимает проблема западнобалтийского (прежде всего ятвяжского) субстрата в диалектах северо-восточной Польши. В докладе Я. Отрембского «Роль ятвягов в формировании польского языка» рассматриваются некоторые характерные черты польского языка (наличие назальных гласных, неподвижное ударение на предпоследнем слоге, мазурение, особенности междусловной фонетики и др.), отличающие его от остальных западнославянских и от восточнославянских языков (хотя на общеславянском фоне они все же не уникальны), в связи со сходными явлениями в истории западнобалтийских диалектов и в первую очередь ятвяжского языка. Отмеченные польско-западнобалтийские соответствия расцениваются автором как аргументы, подтверждающие его гипотезу о ятвяжском происхождении соответствующих черт польской фонетики.

В докладе Ч. Кудиновского «Ятвяги по данным языка» приводится собранный автором материал диалектов в районе Кнышина, отражающий польско-литовские лексические соответствия (всего 82 параллели), многие из которых, однако, являются общеславянско-балтийскими.

Доклад Т. Зданевича «Литовские и восточнославянские влияния в польских диалектах окрестностей Сейна» опирается на обширный материал сплошного полевого обследования сейненских диалектов и освещает их отношение к польским диалектам Мазовша, к литовскому, белорусскому и русскому языкам³.

В докладе В. Курашкевича «Белорусские и украинские тенденции диалектов в окрестностях Беловежской пуши» рассматривается структурное и географическое соотношение белорусских и украинских черт главным образом в области фонетики (аканье, дифтонги, диспалатализация согласных, цеканье и др.).

М. Кондратьюк («Зависимость белостоцких географических названий от физиографии местности на примере названий типа *Jalówka*») предлагает новую этимологию топонимов с элементом *Jalów-(Jelów)*, связывая их не с **jalovъ* «ялов-», а с **edla, edlъ* «ель» на основании топонимических, структурных (акцентологических) и исторических соображений.

Второй том «Acta Baltico-Slavica» содержит преимущественно исторические, археологические и этнографические материалы, связанные с балтийско-славянской проблематикой. Лингвистическую часть сборника составляют статьи В. Мажулиса «Заметки по древнепрусскому вокализму», В. Гринавечицкиса «Новое в литовской диалектологии», Т. Буха о языке Донелайтиса, Н. Воронина и П. Раппопорта о словаре древнерусской строительной терминологии А. Поппе (А. Рорре, *Materiały do słownika terminów budownictwa staroruskiego X—XV w.*, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1962). Треть этого тома отведена библиографическим материалам и рецензиям, посвященным археологическим, этнографическим, историческим и лингвистическим работам о Литве, Латвии и Белоруссии⁴.

Новые издания, отличающиеся широтой тематики и высоким профессиональным уровнем, заслуживают самого серьезного внимания специалистов.

³ Полностью материал изложен в только что вышедшей интересной монографии автора: T. Zdaniewicz, *Wpływ języka białoruskiego w polskich gwarach pod Sejnami*, Poznań, 1966.

⁴ В конце 1966 г. вышли из печати два следующих выпуска «Балтистики» — «Baltistica», II (1) и II (2), 1966, а также очередные тома «Acta Baltico-Slavica» — III и IV, 1966.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

4—11 августа 1966 г. в Москве проходил XVIII Международный психологический конгресс. На конгрессе не было пленарных заседаний: вся его работа происходила в форме симпозиумов (их было 38) и так называемых тематических заседаний (их было 10). Кроме того, во время конгресса по традиции состоялись три вечерних лекции: А. А. Смирнов (СССР) «Пути развития советской психологии»; Ж. Пиаже (Швейцария) «Психология, междисциплинарные связи и система наук»; Н. Миллер (США) «Экспериментальные исследования по теории обучения и психопатологии». Доклады, представленные на симпозиумы, были изданы отдельными книжками; кроме того, резюме всех докладов, принятых оргкомитетом конгресса, в том числе и тех из них, которые не были оглашены, были напечатаны отдельно в трех томах.

Проблемы языка и речи затрагивались на конгрессе весьма часто. Остановимся сначала на четырех заседаниях, целиком посвященных этой проблематике, а затем сделаем обзор всех остальных докладов¹.

Тематическое заседание «Психологические механизмы речевых процессов» (председатели Р. Якобсон, США и Н. И. Жинкин, СССР) началось докладом А. Н. Соколова «Внутренняя речь как механизм мышления» (II, 312), подводящим итоги экспериментальным исследованиям советских ученых в области внутренней речи, и докладом

Б. Ф. Баева «Процесс общения и внутреннего речевого акта», где подчеркивалось значение «установки на сообщение» для адекватности процесса общения. В докладе К. Хардика и Л. Петриновича (США) «Субвокальные процессы как функция трудности читаемого материала» (II, 314) была прослежена зависимость уровня электромиографической активности голосовых связок от степени трудности текста. В докладе Г. С. Клейна (США) «Восприятие собственного голоса: значение обратной сигнализации для мышления» (II, 316; доклад не состоялся) излагаются результаты интересного эксперимента, показавшего, что если говорящий не слышит собственного голоса, это заметно отражается на его мыслительной деятельности; только в одном отношении эксперимент дал лучшие результаты — если дать испытуемому карточки с названиями цветов, напечатанными другим цветом (слово «красный» желтыми буквами, «синий» зелеными и т. д.) и попросить его назвать цвета карточек, то в обычных условиях происходит интерференция, а при отсутствии обратной связи задача резко облегчается и количество ошибок уменьшается. А. Трейсмэн (Англия) представил доклад «Внимание и восприятие речи» (II, 317), где было показано, что при одновременном восприятии двух сообщений главное ограничение, накладываемое на такое восприятие и порождающее их интерференцию и другие явления, коренится в самом восприятии, а не в ответе (response). Доклад М. Перрина (США) «Аффективное значение и субъективное доминирование тахистодископически предъявляемых сигналов» (II, 317) был посвящен изложению оригинальной экспериментальной методики, применение которой показало, что аффективное значение влияет на сообщение на ступени восприятия. К двум указанным докладом примыкал по тематике и доклад Р. Ромметвейта (Норвегия) «Формирование слов из стереоскопически предъявленных несловесных цепей букв» (II, 318). Основным выводом доклада П. А. Колерса (США) «Экспериментальный анализ чтения» (II, 319) было то, что чтение

¹ Для удобства пользования материалами конгресса мы будем указывать в скобках «адрес» соответствующего доклада или, если он не опубликован, его резюме. Первое число обозначает номер симпозиума (арабские цифры) или тома тезисов (римские цифры); второе число, после запятой, — страницу (указывается только начало публикации). К сожалению, мы не всюду могли указать, были ли данный доклад прочитан или лишь представлен для обсуждения, так как по ходу конгресса программа несколько менялась. При фамилии советских ученых страна не указывается.

вслух отнюдь не сводится к автоматическому «переводу» цепи графем в цепь фонем.

В докладе «Восприятие речи при билингвизме» (II, 319) Ф. А. Ибрагимбеков изложил результаты собственных экспериментальных исследований восприятия речи в условиях помех, выдвинув концепцию «поискового механизма», схватывающего конструктивные особенности речи в целом без восприятия ее отдельных элементов, и предложил классификацию видов восприятия речи при билингвизме. Особый интерес вызвала Н. В. Имедадзе своим докладом «О психологической природе формирования речи ребенка в условиях общения на двух языках» (II, 321), где было показано, что ребенок проходит в этих условиях две стадии — стадию смешанной речи (с неразличением языковой принадлежности ее элементов) и стадию постепенной автоматизации языковых систем; таким образом, создаются независимые сферы приложения обоих языков.

На симпозиуме № 23 «Модели восприятия речи» (председатель — Г. Фант, Швеция) с докладом «Роль фонетических элементов для восприятия речи» выступил Р. Якобсон (США), стремившийся доказать, что при всей важности моторного плана примат в речевом восприятии принадлежит плану сенсорному, т. е. что возможно и закономерно восприятие речи без участия моторного звена. Противоположная этой «акустической» — «артикуляционная», или «моторная», теория восприятия развивалась в остальных докладах этого симпозиума — А. Либерман и др. (США) «Некоторые наблюдения над эффективностью звуковой речи» (23, 17); Л. А. Чистович и др. «Психологические методы в исследовании восприятия речи» (23, 18) и Д. М. Мак Кей (Англия) «Противоречие „активной“ и „пассивной“ точек зрения» (23, 31). В докладе А. Либермана показывалось, что акустические «ключи» (cues) могут изменяться в разных контекстах в относительно широких пределах при тождестве фонематического звена восприятия; доклад Л. А. Чистович был посвящен методу имитации и его значению; наконец, Д. М. Мак Кей доказывал, что в восприятии речи на равных правах участвуют оба компонента — «активный» и «пассивный», сенсорный и моторный, — взаимно дополняя друг друга. Доклады вызвали оживленное обсуждение.

По поводу возникшей на этом симпозиуме (и продолжавшейся в Ленинграде на семинаре — см. ниже) дискуссии, которая так и не закончилась безусловной победой какой-либо из двух соперничающих теорий восприятия речи, можно высказать несколько общих соображений. «Артикуляционная» теория соответствует современному уровню наших зна-

ний о механизмах восприятия вообще и во всяком случае хорошо «вписывается» в представления о восприятии, свойственные советской психологической школе и восходящие к И. М. Сеченову. Достаточно сослаться на исследования Б. Г. Анашьева по механизмам осязания, В. П. Зинченко — зрения, А. Н. Леонтьева — музыкального слуха, где широко используется идея встречной активности организма и обосновывается необходимость моторного звена в восприятии.

В то же время именно эти работы указывают на возможность компромиссного выхода из положения. Дело в том, что моторное звено не обязательно должно быть адекватным характеру восприятия: так, в эксперименте, проведенном А. И. Йошца, было показано, что формирование музыкального слуха возможно не только при «ирпевании», но и при моделировании его на специальном приборе, где различным высотам соответствовала различная сила нажатия на клавишу. Кроме того, нам недостаточно известно о возможном влиянии различных функций речи (прежде всего ее первосигнального употребления), статистического фактора и фактора контекста на восприятие речи на фонетическом уровне. Соображения по этим вопросам носят чаще всего априорный характер. Между тем определенный ответ на них может привести в конечном счете к сглаживанию возникшего противоречия. Конечно, нет оснований ожидать, что при этом будет поколеблена принципиальная правильность «артикуляционной» теории.

Симпозиум № 31 «Речь и развитие психических процессов у ребенка» (председатель — Л. Барта, Венгрия) начался докладом М. М. Кольцовой «Физиологические условия развития слова как сигнала» (31, 5), в котором она стремилась показать изменение взаимной значимости непосредственных и словесного компонентов на разных уровнях развития. К этому докладу по содержанию примыкал доклад Л. Барта «К вопросу о механизме развития обобщающего действия словесного сигнала» (31, 17). Доклад Т. Слама-Казак (Румыния) «Развитие коммуникативной функции речи» (31, 26) показал, что термин «развитие речи» имеет различный смысл относительно различных видов и функций речи и что надо прилагать специальные усилия для того, чтобы добиться равномерного развития речи во всех ее взаимодействующих видах и аспектах. В докладе А. Мазукко-Коста (Италия) «Невербальные и вербальные компоненты в развитии речи ребенка» (31, 34) детально анализировалось взаимодействие этих компонентов не только в речи детей, но и в речи взрослых. А. А. Лублинская в докладе «Роль речи в психическом развитии ребенка» (31, 57) подвела итог эксперимен-

тальным исследованиям в этой области. Ж. Н у а з е (Франция) был сделан доклад «Влияние словесных ответов на процесс восприятия» (II, 104), а Э. В л о д а р с к и м (Польша) — «Роль названия воспринимаемых объектов в узнавании формы, цвета и величины» (31, 77).

К сожалению, значение этого симпозиума оказалось меньшим, чем могло быть, благодаря несколько односторонней ориентации его организаторов. Для них формирование речи у ребенка сводилось к «включению слова в процесс чувственного восприятия», замещению чувственного образа словом по классическому механизму условного рефлекса. Такая позиция едва ли оправдана и противоречит, в частности, данным, полученным Л. С. Выготским и его школой.

Большое количество представленных на этот симпозиум докладов не было прочтано. Это: Д ж. Р. О р т а р (Израиль) «Классификация видов речи, обращаемой матерями к маленьким детям» (31, 22); С. Г л ю к с б е р г (США) «Изучение развития интерперсональной коммуникации» (31, 41; автор отличает интерперсональную коммуникацию от интраперсональной, т. е. внутренней речи); А. Ф о н ц и (Италия) «Новые исследования функции эгоцентрической речи» (31, 46); Ф. М а л ь р ь ё (Франция) «Психологический прогресс у ребенка на материале выражения временных отношений» (31, 50); Г. Л. Р о з е н г а р т - П у п к о «Роль речи в развитии восприятия детей раннего возраста» (31, 69); Э. В е й г л ь и Э. М е т ц е (ГДР) «Экспериментальные исследования невербального понятийного мышления»; Ф. М е р ц (ФРГ) «Влияние вербализации на результаты тестов умственного развития» (31, 87); С. В. Я к о в л е в а «Развитие регулирующей функции речевой инструкции в раннем детстве» (31, 92); В. К. К о т ы р л о «Некоторые вопросы произвольной регуляции в образовании условных связей у аномальных детей» (31, 111); Д ж. Ш у б е р т (Англия) «Эксперименты по вербальной регуляции поведения» (31, 126); Д ж. П. Д а с (Индия) «Нейродинамика вербальной обусловленности в отношении к умственной отсталости» (31, 132).

Особый интерес для лингвистов представляло тематическое заседание «Проблемы понимания речи и психолингвистика» (председатели — В. А. Артемов и А. Мазуко-Коста). Оно открылось докладом Н. Г. М о р о з о в о й «К психологии понимания речи» (II, 326), где на материале становления речи у глухих прослеживается различие «плана значений» и «плана смысла», введенное психологами школы Л. С. Выготского². В док-

ладе Д. С л о б и н а (США) «Грамматические трансформации и понимание фразы у детей и взрослых» (II, 328) с помощью оригинальной методики было показано, что значение предложения понимается легче в утвердительных и активных предложениях, нежели в отрицательных и пассивных. Это исследование составляет одно из звеньев проводимой в нескольких университетах США работы по экспериментальной проверке психологической реальности трансформационной модели Н. Хомского. В докладе М. Б р а у н - Л е м е ш (Франция) «Понимание фразы детьми 5—8 лет» (II, 329) приводятся результаты экспериментов с использованием сознательно деформированных текстов. А. Л е р у а - Б у с с ь о н (Франция) в докладе «Генетическое исследование способности понимать значение устного сообщения, разделенного на слоги, у детей 3—7 лет» (II, 330) исследовала специфическую способность, весьма важную для обучения чтению. Однако работы советских исследователей Е. Е. Шулешко и Д. Б. Эльконина, к сожалению, оставшиеся неизвестными докладчице, указывают на то, что эта способность не имеет, строго говоря, «генетического» характера и может быть воспитана у ребенка при помощи соответствующей методики, уже разработанной и используемой в некоторых школах СССР при обучении детей грамоте. Г. Т о й б е р изложил содержание доклада Т. Д ж. Б и в е р а и Д ж. А. Ф о д о р а (США) «Гештальт-принципы и психолингвистика» (II, 348), основанного на опубликованных ранее результатах опытов над восприятием щелчка, наложенного на устное сообщение: оказалось, что в восприятии щелчок всегда «сдвигается» к границе речевого сегмента. С. К. Ш а у м я н сделал доклад «Теория порождающих грамматик и проблема понимания» (II, 349). А. А. Б р у д н ы й в своем докладе «Об экспериментальном моделировании речевой коммуникации» (II, 353) предложил новую методику исследования речевого процесса.

Много докладов психолингвистического характера осталось лишь в виде резюме. Это: Д ж. А. Ф и ш м а н (США) «Преобладающие конфигурации при билингвизме» (II, 322); А. Ф и к с (США) «Некоторые факторы при изучении иностранного языка» (II, 323); П. Е. К и н г (США) «Организация обучения двуязычных в младших классах» (II, 324); Ю. А. Б у р л а к о в и И. И. Б о г д а н о в «Динамика кожно-гальванической реакции при становлении речевых структур» (II, 324); В. П и с е д д у (Италия) «О некоторых мотивационных аспектах подпорогового речевого восприятия» (II, 331); Е. Л. Г и н з б у р г и др. «Экспериментальные данные по восприятию и запоминанию сжатых и пол-

² О понятии смысла см. также: А. Н. Л е о н т ь е в, Мотивы, потребности и сознание (13, 5).

ных сообщений» (II, 333); А. П. Журавлев и Ю. М. Орлов «К проблеме измерения восприятия смысла предложений» (II, 333); И. М. Геодакян, Г. Г. Канецяи и Г. А. Тумян-Хачатрян «Речевые и неречевые компоненты понимания» (II, 335); Б. Поуп и А. В. Зигман (США) «Влияние на нелексические компоненты речевого поведения неопределенности подаваемой информации» (II, 336); Н. В. Витт «Эмоциональная речь и нервная система» (II, 337); А. Г. Байдурашвили «Некоторые экспериментальные данные о психологической природе наименования» (II, 338); И. А. Сиддики (ФРГ) «Звук, слово, значение и проблема семантического пространства» (II, 340); К. Ф. Ригель (США) «Межкультурные исследования денотативного значения» (II, 341); Дж. Лангер (США) «Средства выражения репрезентационных отношений при помощи звукового материала» (II, 341); Т. Иритаки (Япония) «О влиянии грамматической категории японских слов, обозначающих цвета, на сферу обозначения» (II, 342); Р. М. Фрумкина «Объективные и субъективные оценки вероятностей слов» (II, 342); П. Б. Портер (США) «Психологическая вероятность и контекстуальная вероятность букв и слов» (II, 344); Г. Р. Канецяи «Психологическое изучение частотного словаря ребенка 6—7 лет» (II, 344); В. Витте (ФРГ) «Мнемоническая детерминация и динамизм нащупывания при репродукции» (II, 346); П. А. Артемов «Некоторые положения коммуникативной теории речи» (II, 351); Ж. Ф. Ришар (Франция) «Опыт выработки кода для коммуникации» (II, 354); А. А. Леонтьев «О различных видах осознания речи носителем языка» (II, 355); Е. Л. Гинзбург «О схемах программ речевого действия» (II, 356); А. В. Тюрри (США) «Об адекватной теории усвоения грамматики» (II, 358); Ш. Мертаи де Вильмарс (Бельгия) «Диагностическая значимость психолингвистического анализа» (II, 358).

Некоторые доклады, представляющие безусловный интерес для лингвиста, прозвучали во время симпозиумов и заседаний, в целом не связанных с изучением речи. Из таких докладов следует назвать, во-первых, доклад Р. Абельсона (США) «Эвристические процессы при использовании словесных структур в новых ситуациях» (25, 5). Автор, между прочим, показал, что при варьировании высказывания есть группа глаголов (*help, need, use, buy, produce* и некот. др.), значения которых легко генерализуются и распространяются на новое высказывание. С другой стороны, испытываемые различают «приятные» (типа *love, like, understand*) и «неприятные» (типа *fear, hate,*

avoid) глаголы: при логической эквивалентности они менее склонны распространять значение глаголов второй группы на новые высказывания. У. Ламберт (Канада) прочитал доклад «Словесные ассоциации; сравнительный анализ американских и канадских монолингвов и канадских монолингвов и билингвов» (36, 34). З. И. Ходжава был прочитан доклад «Установка и ассоциативная связь в навыках чтения и письма» (14, 71). Р. Е. Левина представила доклад «Особенности акустического воспитания у детей с нарушением речи» (33, 302). Г. Фурт (США) — доклад «Развитие мышления у глухих в связи с отношением мышления и языка» (33, 44).

Особый интерес представляли для лингвистов доклады, прослушанные на симпозиуме «Психологические проблемы системы „Человек — машина“»: Д. Ю. Павлов «О проблеме общения человека с машиной» (27, 57) и Дж. Ликлайдер (США) «Языки для общения человека с машиной». Д. Ю. Павлов, рассматривая различные принципы организации такого общения, приходит к выводу, что — при принципиальном различии требований к языку этого общения со стороны человека (большая информативность) и машина (меньшая информативность, т. е. однозначность) — целесообразен некоторый компромисс в форме регламентации естественной речи. Дж. Ликлайдер описывает этот язык следующим образом: он «будет (как большинство естественных языков) семьей диалектов, каждый из которых специализирован для определенных целей, плюс некоторое число „внесемейных“ подязыков (например, алгебры, символической логики), которые могут быть выражены, но, как правило, не выражаются в терминах одного или многих „внутрисемейных“ диалектов. Диалекты будут объединяться общим синтаксисом. Грамматика... будет трансформационной» (27, 85).

Из докладов, представленных в «чужие» симпозиумы, но оставшихся непроцитированными, упомянем следующие. Два доклада в симпозиуме «Экспериментальное исследование установки»: Н. В. Чрелашвили «Психологическая проблема практического знания языка» (14, 236) и Г. Н. Мчедlishvili «К проблеме произвольных ошибок устной речи в свете теории установки» (14, 244); доклад Г. Н. Кецоушвили «Статистическое распределение и прием информации» (17, 87), выполненный на материале букв русского и грузинского алфавита, Л. Д. Драголи «Временные категории речи и дифференциация времени» (19, 193). На симпозиум «Патофизиология в исследовании психических процессов» были представлены в числе других доклады Ю. Винаера (США) «Эффективность, семантическая генерализация и психопатология», Э. С. Бейн

«Речевые диссоциации при афазии как метод изучения взаимоотношения речи и мышления» (26, 95); В. П. К р и т с к а я «Патопсихологический анализ зависимости восприятия речи от статистической характеристики речевого сигнала» (26, 145); на симпозиум «Психическое развитие в условиях сенсорных дефектов»: Х. У м е в у (Япония) «Вербальное обучение у глухонемых» (33, 301), М. Л ь ю и с (Англия) «„Человеческий“ язык глухих детей» (33, 62), М. В р е н н (Англия) «Фонетические критерии при оценке адекватности речи у дошкольников с нарушенным слухом» (33, 174); Н. А. М о р е в а «Овладение чтением и накопление словаря глухими дошкольниками разных возрастов» (33, 175); Н. Г. М о р о з о в а «Процесс овладения языком у глухих дошкольников» (33, 148); Л. Ф. С п и р о в а «Формирование фонематического анализа у детей с нарушениями речи» (33, 316). Упомянем еще доклад А. Т а б у р э - К е л л е р (Франция) «Значимость лингвистических критериев как психологических критериев ситуации в малых группах» (37, № 13); М. К о у л (США) «Язык и обучение» (36, 126); С. Ф о ш о и С. М о с к о в и ч и (Франция) «К психосоциологии языка» (34, 15). Кроме того, на симпозиум «Психология формирования понятий и умственных действий» также был представлен ряд интересных для языковедов докладов. Заметим, что к речи имел прямое отношение один из основных докладов этого симпозиума — доклад В. И н г е л ь д е р (Швейцария) «Развитие и усвоение» (24, 27), где рассматривалось, в частности, влияние языковых конструкций на формирование мыслительных операций. Назовем также доклады: Г. Г. К е н д л е р и Т. С. К е н д л е р (США) «Опосредствование и речевое поведение» (24, 67); С. Н. К а р п о в а «К проблеме анализа речи у дошкольников» (24, 121); Т. С л а м а - К а з а к у «Экспериментальные исследования формирования родовых понятий» (24, 131); М. М. Г о х л е р н е р и Г. В. Е й г е р «Поэтапное формирование лингвистических понятий, умственных и речевых действий» (24, 175).

Из числа докладов, не представленных на какой-либо определенный симпозиум и напечатанных лишь в виде резюме, для лингвиста представляли интерес следующие: Г. Э к э н (Франция) «Графические диссоциации и анализ структуры письменной речи» (II, 396); В. Д. А з б у к и н а «К вопросу о патологии слухового образа» (II, 420); Д ж. Р о ч ф о р д (Англия) «Сравнительное исследование нарушений называния при дисфазии и старческом слабоумии» (II, 424); Э. В е й г л ь (ГДР) «Нейропсихологические исследования структуры и динамики семантических полей методом деблокирования» (II, 425); Э. М е т ц е (ГДР) «Феномен

временных диссоциаций вербальных функциональных систем при афазии» (II, 425); И. Т о м к а и Л. Н а д ь (Венгрия) «Роль двигательного анализатора в развитии обобщающего действия слова» (III, 94); Р. В. Т о н к о в а - Я м п о л ь с к а я «Исследование процесса становления речи методом электроакустического анализа» (III, 95); Д. Д ж. Б р ю с (Англия) «Язык и кратковременная вербальная память у маленьких детей» (III, 114); И. Д ж. С. И в е н с (Англия) «Измерение психолингвистических способностей у детей» (III, 117); Э. К а с и л ь к е (ГДР) «Аналитическое исследование факторов и вариаций речевого развития у дошкольников» (III, 117); В. М а н о в а - Т о м о в а (Болгария) «Развитие речевой активности у детей от года до трех лет» (III, 118); М. А. Г а м з а е в «Преодоление неадекватных интонационных воздействий в процессе речевого развития» (III, 194); Л. С. Л е б е д е в а «Специфика развития разговорной речи у младших глухих школьников» (III, 223); Л. В. П а щ е н ц е в а «Роль жестовой речи в подготовке слепоглухонемого ребенка к овладению языком» (III, 244); Д. Х а у э с (США) «Ассоциативные процессы в нормальной речи и речи афазика» (III, 474).

Из числа вечерних лекций проблемы языка и речи затрагивались лишь в лекции Ж. П и а ж е (см. стр. 23—28 отдельного русского издания). По мнению Ж. Пиаже, в установившихся отношениях между лингвистикой и психологией есть существенные недостатки, объясняемые двумя причинами. Первая причина — социальный характер языка, в то время как психолог имеет дело прежде всего с индивидом. Вторая — то, что «существует большое число лингвистов и целая логическая школа, для которых человеческая логика... составляет не только продукт, но также и непосредственное выражение языка, и, таким образом, между языком и логическими операциями нет места ни для какой „психической“ реальности и даже часто нет места ни для какой концептуализации» (стр. 26). По данным, полученным под руководством Ж. Пиаже, можно сделать вывод, что «логические операции в меньшей степени, чем предполагалось, зависят от языка» (стр. 28); эта область — первая, где необходимы междисциплинарные исследования, вторая — область общей и сравнительной семиотики.

После закрытия конгресса, 13—16 августа, в Ленинграде, в Институте физиологии АН СССР им. И. П. Павлова, состоялся международный семинар «Речеобразование и восприятие речи» (председатель — Г. Фант). Этот семинар был продолжением симпозиума № 23 «Модели восприятия речи» (материалы его были напечатаны в той же книжке). Остановимся лишь на прочитанных там докладах по

вопросам более или менее общего характера, ограничившись простым перечислением докладов по более частным проблемам (прежде всего — связанным с инструментально-акустическими исследованиями).

Л. В. Бондарко и Л. Р. Зиндер в докладе «Дифференциальные признаки фонем и их физические характеристики» (23, 25) пришли к выводу, что «между дихотомической классификацией фонем и артикуляторно-акустическими признаками нет строгой связи. Физические характеристики фонем не являются инвариантными и изменяются в зависимости от фонетической позиции» (стр. 37). В. И. Галунов («Некоторые особенности восприятия речи человеком», 23, 60) утверждал, что «решение о крупных речевых единицах производится человеком на основании всей картины в целом, а не на основании решений о сегментах» (стр. 63). К. Н. Стивенс (США) в докладе «О соотношении между речевыми движениями и восприятием речи» (23, 68) исследовал восприятие гласных в речи и в изоляции и установил, что при восприятии гласных в потоке речи контекст позволяет воспринимать их категориально. Лингвистический анализ проблемы представлен в докладе Х. Лэйна (США) «Спор по поводу категориальности восприятия» (23, 81). Р. Либерман (США) в докладе «О просодической структуре» (23, 107) исследовал интонацию с точки зрения модели «анализа через синтез» (т. е. артикуляторной теории восприятия). В докладе А. В. Ф. Хаггинса (Англия) «Задержки обратной связи и временные характеристики речевого материала» (23, 133) обсуждалось различие в результатах по сравнению с аналогичными опытами Л. А. Чистович, А. Коэн (Голландия) в докладе «Речевые ошибки и их значение для понимания стратегии говорящих» (23, 138) классифицировал и исследовал типы ошибок в спонтанной устной речи. Е. Н. Винарская («О некоторых нарушениях восприятия и воспроизведения звуков речи в клинике афазий», 23, 150) попыталась соотнести типы афазических нарушений с тем или иным звеном функциональной системы речи.

Кроме перечисленных, были прослушаны следующие доклады: А. Н. Фурсин (Англия) «Восприятие переходных участков формант при различной основной частоте» (23, 142); Ю. А. Клас «Распознавание гласных как функция их длительности» (ненапеч.); В. С. Шупляков «Высота звука и различие фрикативных согласных по мягкости и твердости» (ненапеч.); Б. Боровичкова и В. Малач (Чехословакия) «О взаимодействии каналов гласных и согласных» (ненапеч.); Э. Фишер-Йоргенсен (Дания) «Перцептивные размерности гласных»

(ненапеч.); Г. Хансон (Швеция) «Различительные признаки и размерности отворотов в восприятии гласных» (23, 56); Л. А. Варшавский и В. А. Лившиц «Категориальное восприятие энергетических отношений в частотных полосах» (23, 75); Д. М. Мак Кей, Дж. Б. Миллари М. Дж. Андервуд (Англия) «Дискриминативная значимость диаграммной структуры речевых колебаний» (23, 50); В. В. Люблинская «Имитация высоты чистых тонов в широком диапазоне» (ненапеч.); Т. Малиникова «Имитация громкости синтезированных фрикативных согласных» (ненапеч.); Б. Линдблом (Швеция) «Исследование лабиальной артикуляции» (23, 99); А. В. Венцов «О механизме образования глухих и звонких интервокальных согласных» (23, 103); Я. Ондрачкова (Чехословакия) «Глоттографическое исследование в группах звуков» (23, 90); З. Э. Г. Оман и Дж. Линдквист (Швеция) «Анализ-синтез просодических тоновых контуров» (23, 108); О. Б. Линдблом и М. Стаддерт-Кеннеди (США) «Эффект формы формантного перехода на восприятие формантных рисунков» (ненапеч.); Р. Авакян «Имитация длительности гласных при афазии» (ненапеч.).

Кроме того, на семинар были представлены, но не были оглашены доклады: Б. Сонессон (Швеция) «Механизмы голосовых связей и функция голоса» (23, 89); М. Халле (США) «О психологической реальности фонологических промежуточных описаний» (23, 115); Д. И. Бродбент (Англия) «Роль частоты слова в восприятии» (23, 116); М. П. Хаггард (Англия) «Процессы восприятия и ответа в восприятии» (23, 121); О. Фуджимура (Япония) «Несколько замечаний по поводу анализа — синтеза как модели восприятия речи» (23, 125); К. К. Тэпферт (США) «Одна модель восприятия и производства речи» (23, 126); Дж. Мак Леод (Австралия) «Восприятие слов детьми с дислексией» (23, 144); И. А. Зимняя «Исследование точности по теории заданной интонационной программы» (II, 309).

Во время семинара советские и иностранные его участники получили возможность ознакомиться с речевыми лабораториями Института физиологии АН СССР в Колтушах.

В последний день семинара состоялась общая дискуссия по моделям восприятия речи, в которой приняли участие А. Либерман, К. Стивенс, Г. Фант, Л. А. Чистович, Р. Якобсон, Э. Фишер-Йоргенсен, а также Е. К. Исенина и И. М. Гонконогий.

Материалы конгресса, а также семинара будут опубликованы.

А. А. Леонтьев (Москва)

*

С 17 по 20 мая 1966 г. в Берлине и Баутцене состоялась научная конференция, посвященная различным вопросам лужицкого языкознания, а также уточнению роли и места лужицких данных в славистике. Конференция была организована Институтами славистики и лужицкого народоведения Немецкой Академии наук (ГДР) и Лужицким институтом Лейпцигского университета им. Карла Маркса. В конференции приняли активное участие соработы ГДР, СССР, Польши, Чехословакии, Югославии, ФРГ, Великобритании и США. Было прочитано и обсуждено 25 докладов.

Конференцию открыл директор Института славистики Немецкой Академии наук акад. Г. Г. Бильфельдт. Участников приветствовал председатель Домовины, национальной организации лужицких сербов, депутат Народной Палаты ГДР К. Кренц. От имени славистов своих стран конференции пожелали плодотворной работы профессора С. Б. Бернштейн (Москва), Ст. Урбанчик (Краков), Я. Бауэр (Брно), Д. Брозович (Задр).

Ряд докладов был посвящен вопросам взаимоотношений лужицких диалектов и их связей с другими славянскими диалектными группами. В докладе Д. Брозовича содержалась попытка осветить сложное соотношение генетических связей лужицких диалектов с их современной группировкой в структурном плане. Вопрос о связях вымерших славянских диалектов между Эльбой и Заале с современными лужицкими говорами ставился в докладе Э. Эйхлера (Лейпциг) «Членение древнелужицкой языковой территории в свете данных ономастики». На основе анализа структуры сохранившихся славянских названий населенных пунктов докладчик сделал вывод, что славянские диалекты на западе от Эльбы были связаны с Чехией, в то время как собственно лужицкие говоры обнаруживают связи с древнепольскими диалектами.

Проблеме разграничения древних славянских диалектов лужицкого типа, с одной стороны, и лехитского типа, с другой, был посвящен доклад Х. Поповской-Таборской (Варшава) «Об одном из древнейших диалектных различий языка северо-западных славян». По мнению докладчицы, топонимастический материал допускает вывод, что в XII—XIV вв. появление *o* перед *o* в начале слова было характерно только для западнолехитских диалектов.

В докладе М. Грухман (Познань) «Лужицкие элементы в великопольских говорах» был выявлен ряд фонетических, морфологических и лексических особенностей, связывающих некоторые западно-великопольские говоры с тем или иным

лужицким диалектом или с лужицким языком в целом.

Причины различной судьбы праславянских **ь* и **ъ* в закрытых слогах в верхнелужицком исследовались в докладе В. А. Дыбо (Москва) «О некоторых неясных вопросах отражения праславянских акцентно-интонационных и количественных отношений в верхнелужицком языке». На основе богатого фактического материала был обоснован тезис, что новоакцентированные **ь*, **ъ* дали в верхнелужицком *ě*, *ǫ*, в то время как в словах так называемой подвижной акцентной парадигмы редуцированные развились в верхнелужицкие *e*, *o*.

В докладе З. Тополинской (Варшава) «Объем и хронология так называемой заместительной долготы в западнославянских языках» были использованы данные лужицких диалектов для выявления тесной связи, существующей между характером сандхи и степенью фонологизации заместительной долготы.

Большой интерес вызвали доклады М. Радловского (Краков) «Проблемы билингвизма в Лужице» и З. Михалка (Баутцен) «О количественной характеристике языковой интерференции». В первом была дана детальная характеристика немецко-славянского двуязычия у лужицких сербов, причем для иллюстрации своеобразия немецкого влияния на грамматическую структуру лужицкого языка докладчик подробно остановился на проблеме глагольного вида. Во втором было убедительно показано, что степень проникновения лужицких элементов в структуру немецкой речи лужичан поддается исчислению на грамматическом и лексическом уровнях.

Принципы работы над этимологическим словарем лужицкого языка в Лужицком институте Лейпцигского университета им. Карла Маркса были изложены в докладе Х. Шустера-Шевца (Лейпциг) «О проблематике лужицкого этимологического словаря».

Вопрос о чешском или лужицком пути проникновения немецких заимствований в древнепольский осветил в своем докладе «К вопросу о немецких заимствованиях в средневековом польском и лужицком» Ст. Урбанчик (Краков).

Целью доклада Фр. Копечного (Прага) «К вопросу о лексической структуре лужицкого языка» было выявление праславянского элемента в лужицком словарном составе. Установлению закономерностей, которыми определяется морфологическая структура лужицкого слова, заимствованного из немецкого языка, был посвящен доклад Дж. Сенерта (Блумингтон) «Морфология немецких заимствований в верхнелужицком языке». Интересный обзор лужицкого пуризма второй половины XIX в. дал Дж. Стоун (Ноттингем) в докладе «Роль пуризма

в развитии словарного состава верхнелужицкого литературного языка».

В. Страк ова (Прага) в докладе «О сопоставительном изучении славянской лексики» сравнивала различные типы словообразовательных моделей, в частности верхнелужицкую и чешскую системы образования уменьшительных существительных. Верхнелужицкая словообразовательная система в том виде, в котором она отражена в труде известного лужицкого просветителя XVIII в. Абрахама Френцеля «De originibus linguae Sorabicae», была представлена в докладе Ст. Стаховского (Краков) «Словообразование существительных в верхнелужицком языке XVIII века». В докладе Х. Фаске (Бауцен) «Лужицкий лингвистический атлас и его проблематика» был обобщен опыт работы над первым томом атласа, вышедшим в 1965 г.

Проблемам двойственного числа были посвящены доклады Р. Енча (Бауцен) «О выражении парности в верхнелужицком языке» и М. И. Ермакова (Москва) «Двойственное число в серболужицких языках на материале памятников XVI—XVIII веков». Оба докладчика показали, что, несмотря на сохранение двойственного числа как грамматической категории в обоих вариантах литературного языка и в большинстве лужицких диалектов, названия парных предметов, как правило, употребляются не в форме двойственного числа, а в форме множественного числа.

Вопросам лужицкого склонения были посвящены доклады К. К. Трофимова (Львов) «Общность и различия в развитии склонения существительных в лужицком и украинском языках» и В. Ф. Мареша (Прага) «Историческое развитие лужицкого склонения существительных». В первом докладе был представлен опыт сопоставительного исследования, во втором было детально продемонстрировано своеобразие системы лужицкого именного склонения, во многом отличающейся от системы склонения в других западнославянских языках.

Своеобразие функционирования категории вида, сочетающееся с принципиальной представленностью этой категории славянской глагольной системы в лужицком, было показано в докладе К. Кошмидер (Эрланген) «Прошедшее время лужицкого языка в сопоставлении с прошедшим временем польского языка».

Разные стороны преобразований, происходящих под влиянием немецкого языка в лужицком спряжении, рассматривались в докладе Ф. Хинце (Берлин) «Образование настоящего времени страдательного залога в лужицком и словинском языках» и в докладе Р. Леча (Берлин) «Некоторые проявления немецкого влияния на лужицкую глагольную систему».

Два доклада были посвящены синтаксису лужицкого языка. Особенности лужицких союзов и союзных слов рассматривал Я. Бауэр (Брно) в докладе «О специфических чертах структуры лужицкого сложного предложения»; типы верхнелужицких сложносочиненных предложений рассматривались в докладе К. Поляньского (Краков) «Сложносочиненные сочетания в верхнелужицком языке».

Материалы конференции будут опубликованы в сборнике «Beiträge zur sorbischen Sprachwissenschaft».

Р. А. Леч (Берлин)

*

С 21 до 24 сентября 1966 г. в Оксфорде состоялось X пленарное заседание Международного комитета славистов. На нем присутствовали следующие члены МКС: Австрия — Г. Витженс, Й. Хамм, Р. Ягодич; Бельгия — К. Баквис; Болгария — В. Георгиев, П. Динев, И. Леков; Великобритания — С. Коновалов, Р. Оти; Венгрия — П. Кирай, Л. Хадрович; ГДР — Г. Г. Бильфельд, П. Новотный, Х. Юнгер; Дания — К. Стиф; Канада — Дж. Ст. Клер-Собелл; Норвегия — Х. Станг; Польша — В. Дорошевский, Ю. Кржижановский; Румыния — А. Росетти; СССР — И. К. Белодед, В. И. Борковский, В. В. Виноградов; США — В. Эджергон; ФРГ — М. Браун, Э. Кошмидер; Финляндия — В. Кипарский; Франция — П. Гард; Чехословакия — Б. Гавранек, Л. Голотик, Ю. Доланский; Швейцария — П. Бранг; Швеция — Г. Гунарссон; Югославия — И. Бадалич, Б. Конески, В. Крефт, Р. Лалич; секретари МКС — С. Вольман, Л. Дюрович.

Кроме того, присутствовали следующие делегаты: ГДР — Х. Гресгоф; Польша — М. Шимчак; СССР — Д. Ф. Марков, И. А. Хренов; США — Д. Уорт; Швеция — Г. Якобсон.

Согласно ст. 8 и 9 Устава пленарное заседание приняло резолюцию членов МКС Р. Ягодича (Австрия) и А. Вайана (Франция) и избрало членами МКС Г. Витженса (Австрия), Л. Хадровича (Венгрия) и П. Гарда (Франция).

Международный комитет славистов постановил:

а) Увеличить число заместителей председателя с пяти до семи и ввести звание «почетный член президиума»; в связи с этим изменить статью 15 Устава следующим образом: «Международный комитет славистов избирает свой президиум, состоящий из: председателя, семи заместителей председателя и двух секретарей. Кроме того, избирает почетных членов президиума».

б) Включить в состав МКС одного представителя израильских славистов и сде-

лать соответствующие дополнения в статьях 5 и 6 Устава.

в) Поручить президиуму издание нового текста Устава.

Согласно статье 15 и 16 Устава избраны заместителями председателя МКС. И. Бадалич, В.В.Виноградов, В.Георгиев, В. Доросhevский, Р. Оти, Р. Якобсон. Почетным членом президиума избран А. Мавон.

Как представитель израильских славистов избран членом МКС А. Альтбауер.

Международный комитет славистов принял следующие решения:

1. Концентрировать работу VI Международного съезда славистов (Прага, 1968) прежде всего на пленарных заседаниях секций и посвятить этим заседаниям не менее четырех дней съезда; выделить время, необходимое для обсуждения работы отдельных комиссий; вступительные и заключительные церемонии съезда сократить до минимума.

2. Из полученных предложений включить в пленарные заседания секций в качестве докладов наиболее важные, представляющие общий интерес, и подключить к ним в качестве заранее подготовленных выступлений предложения, тесно связанные с тематикой докладов. В необходимых случаях образовать небольшое число подсекций (работающих, как правило, не параллельно с пленарными заседаниями секций) с докладами более специального характера, родственными по проблематике. (Список принятых докладов и выступлений войдет в проект программы съезда; см. п. 7 Решений.)

3. Для дискуссии на пленарных заседаниях секций обеспечить по возможности половину времени этих заседаний и дискуссии проводить после тематических групп докладов.

4. Предложения, не включенные в пленарные заседания секций или в подсекции, принять в качестве сообщений, которые будут прочитаны на съезде или представлены съезду в письменном виде.

5. Авторам докладов предоставить по 10 минут, авторам заранее подготовленных выступлений по 5 минут, председателям отдельных заседаний не свыше 10 минут.

6. Просить членов МКС отдельных стран и соответствующие национальные комитеты:

а) просмотреть списки своих предложений и сообщить президиуму МКС в Прагу не позднее 31 октября 1966 г., какие из предложений, не включенные в заседания секций или подсекций, желательно прослушать в качестве выступлений (поскольку они связаны с основной тематикой) или в качестве сообщений на соответствующих заседаниях, выделенных для сообщений, и какие принять в письменном виде с включением их в соответствующий список;

б) сообщить о возможных отдельных недочетах в отборе докладов, проведенном настоящим заседанием.

7. Поручить президиуму МКС в Праге разработку проекта программы VI Международного съезда славистов, который должен быть разослан членам МКС и национальным комитетам до конца 1966 г. с указанием срока для присылки в Прагу.

8. Полные тексты докладов и сообщений печатать в отдельных странах и распространять их не позже чем за три месяца до съезда. Своевременную публикацию и распространение текстов докладов и сообщений считать обязательным условием для их включения в окончательную программу съезда.

9. Поручить президиуму издать в Праге до начала съезда резюме докладов, сообщений и заранее подготовленных выступлений. Для резюме установить следующий максимальный размер: для резюме докладов не свыше 30 строк машинописи, для резюме сообщений и выступлений не свыше 20 строк машинописи. К каждому резюме желательно присоединить библиографическое примечание о том, где публикуется полный текст; библиографические сведения, не известные еще ко времени присылки резюме в Прагу, направлять туда дополнительно. Окончательный срок для получения резюме в Праге установить 1 VII 1967. Своевременную присылку резюме докладов считать обязательным условием для их включения в окончательную программу съезда.

10. На основании обсуждения работы международных комиссий при МКС принять следующие меры:

а) разделить существующую Библиографическую комиссию на две комиссии: Комиссию по лингвистической библиографии и Комиссию по литературоведческой библиографии. Председателем Комиссии по лингвистической библиографии утвердить Ф. Славского, председателем Комиссии по литературоведческой библиографии — Т. Ворова;

б) создать Комиссию по изданию памятников древнеславянской музыки, ее председателем утвердить Э. Кошидера и первыми членами А. Достала, Ю. Келдыша, С. Лазарева, О. Струнка, Н. Д. Успенского, К. Флороса, И. Фейхта и Л. Мокрого;

в) создать Комиссию по изучению славянского фольклора и ее председателем утвердить К. Горалка;

г) утвердить Ю. Кржижановского председателем Комиссии литературоведческой терминологии;

д) принять к сведению сообщение П. Гарда о транскрипционной комиссии и поручить ему дальнейшую ее организацию;

е) расширить сферу действия Комиссии по фонетике славянских языков и считать ее Комиссией по фонетике и фонологии славянских языков с двумя сек-

циями — фонетической и фонологической; поручить С. Стойкову дальнейшую организацию этой комиссии и созыв первого заседания;

ж) не образовывать при МКС особой балканологической комиссии;

з) просить национальные комиссии обсудить вопрос о создании комиссии по изучению славянских литератур, в частности Комиссии по изучению славянских литератур XX в., предложенной Национальным комитетом ГДР;

и) просить председателей новых комиссий незамедлительно приступить к организации их комиссий, создать первые заседания и представить ближайшему заседанию МКС списки первых членов для утверждения;

к) просить Советский комитет славистов помочь Комиссии по изучению балто-славянских отношений создать первое пленарное заседание комиссии.

11. Организовать в Праге во время VI МСС международную выставку научных славистических публикаций, вышедших после V МСС (София, 1963). Поручить президиуму заняться подготовкой выставки в тесном сотрудничестве с национальными комитетами.

12. Принять к сведению решение заседания Международной ассоциации славянских языков и литератур, которое состоялось во время X Международного съезда Международной федерации современных языков и литератур в Страсбурге и на котором это решение было утверждено Бюро Федерации, о готовности Ассоциации стать комиссией Международного комитета славистов и осуществить аффилиацию МКС в систему организации ЮНЕСКО с тем, чтобы МКС и Ассоциацию представлял в Бюро Федерации единый представитель, являющийся одновременно членом МКС и членом Бюро Ассоциации. Присоединить Ассоциацию к МКС как его комиссию и предложить в качестве первого единого представителя обеих организаций в Бюро Федерации заместителя председателя МКС и президента Ассоциации проф. Р. Оти; считать необходимым, чтобы в будущем обе организации по взаимной договоренности внесли соответствующие изменения в свои Уставы.

13. VI Международный съезд славистов провести в Праге в начале сентября 1968 г. Возложить на президиум уточнение даты съезда и ее публикацию.

14. Просить членов МКС прислать президиуму в Прагу уточненные сведения о национальных комитетах или организациях, которые они представляют (название, адрес, состав и т. п.), для составления списка организаций, входящих в систему МКС.

15. Считать задачи пленума по подготовке VI МСС исчерпанными и уполномочить президиум МКС закончить работу по подготовке съезда. В связи с этим

провести в начале сентября 1967 г. в Праге заседание президиума МКС. Следующее пленарное заседание МКС провести в Праге в период VI МСС.

16. Считать желательным включение в МКС представителя славистов Австралии и поручить президиуму обратиться с этой целью к славистам Австралии.

За оказанное гостеприимство, организационную работу и всестороннюю помощь заседанию Международного комитета славистов выразить искреннюю благодарность Ассоциации британских славистов во главе с проф. Р. Оти, Нью Колледжу в лице проф. С. Коновалова, Оксфордскому университету и всем их сотрудникам, так же как и другим учреждениям Великобритании и США, оказавшим помощь заседанию.

*

С 11 по 13 мая 1966 г. в Уфе в Башкирском гос. ун-те им. 40-летия Октября проходила V научная конференция по романско-германскому языковедению. В работе конференции приняли участие языковеды 22 городов.

На пленарных заседаниях были прочитаны и обсуждены доклады: Г. Н. К л а с с е н а (Уфа) «К изучению словарного состава нижнемецкого диалекта», в котором был дан анализ морфологического строя и семантических полей имени существительного; Е. М. В е р е щ а г и н а (Москва) «Некоторые вопросы социального аспекта проблемы лексемного использования» о социологических проблемах, связанных с использованием иноязычных лексем; М. Л. С к р е л и н о й и М. И. Л е щ е н к о (Минск) «Взаимодействие лексических и грамматических значений элементов моделей», посвященный описанию синтаксических структур, образуемых глаголом *apprendre* на уровне классов слов, функциональному анализу структур и установлению взаимосвязей между ними; А. И. С к у п а с а (Вильнюс) «О физической природе ударения в современном французском языке»; Б. Г. К о л к е р а (Бирск) «Международный язык и (или) автоматический перевод», в котором автор доложил о разработке алгоритма автоматического перевода с русского языка на эксперанто.

На секции «Грамматика немецкого языка» были прослушаны доклады: И. А. М ы л ь н и к о в о й (Челябинск) «К вопросу синонимии немецких предлогов при выражении каузальных отношений»; И. Т а у л и (Журган) «Структуры сложного предложения, характерные для современной немецкой художественной прозы»; А. П. К л и м е н т о в с к о г о (Уфа) «Употребление второго причастия имперфектных интранзитивных глаголов в атрибутивной функции»; Н. К.

Краснова (Чебоксары) «Сильные глаголы немецкого языка с кратким *i* и образование от них Grundform по установленным правилам»; Г. М. Поломошных (Псков) «Условия соотношения предложных конструкций с субстантивным словом»; И. В. Лобода (Пятигорск) «К вопросу о принципах системности синтаксических отношений в трехчленных конструкциях некоторых синсемантических глаголов в немецком языке»; Г. Н. Классена «Имя числительное в нижненемецком диалекте»; А. Я. Лурья (Новокузнецк) «Становление кондиционалиса *I* в немецком языке»; Е. Е. Тогуновой (Астрахань) «К вопросу об управлении глаголов дательным падежом в современном немецком языке»; Л. Х. Дебердеевой (Уфа) «К вопросу о предложных адъективных словосочетаниях» и «Предложные и беспредложные словосочетания со стержневым прилагательным *voller voll*».

На секции «Грамматика английского и французского языков» были прослушаны доклады: Г. Н. Райхеля (Калинин) «Главные члены предложения»; Л. С. Кузнецовой (Уфа) «О так называемых «грамматических» предлогах в английском языке»; З. А. Медведевой (Уфа) «Синонимичные средства выражения цели в современной английской и русской технической литературе»; Л. С. Мельдер (Ленинград) «Нерешенные вопросы конверсии»; И. Г. Суслиной (Уфа) «Некоторые замечания об употреблении артикля с сохранением местоименного значения в английском языке»; Г. Г. Почепцова (Киев) «Синтагматическая классификация глаголов современного английского языка»; М. А. Бельской (Челябинск) «К способам выражения значения должностованию в системе английского глагола»; О. В. Молозовенко (Киев) «Типологическая характеристика инфинитивных предложений в современном английском языке»; Е. С. Чеснович (Ленинград) «К вопросу о грамматической природе двусоставных безглагольных предложений во французском языке и о принципах их классификации»; С. Г. Хамзиной (Уфа) «Специфика значения атрибутивного инфинитива» и «Модальные значения атрибутивного инфинитива»;

На секции «Лексикология и стилистика» были прослушаны доклады: С. В. Кислой (Киев) «Некоторые структурно-семантические особенности парентез в современном немецком языке»; Я. И. Гельблу (Уфа) «Принципы построения словаря антонимов современного немецкого языка» и «Трактат Гриммельсгаузена „Немецкий Михель“ и пурим XVII в.»; Р. Л. Ковалевско-го (Волгоград) «О словообразовательных морфемах интернациональных терминов

немецкого языка»; А. П. Майорова (Москва) «О роли экстра- и внутриллингвистических факторов в процессе языкового заимствования»; С. Д. Береснева (Свердловск) «О дифференциации лексико-фразеологического материала, применяемого в научном функциональном стиле»; А. Н. Антышева (Уфа) «К вопросу о полисемии субстантивированных прилагательных»; Р. С. Искандеровой (Оренбург) «К проблеме семантического поля»; Х. Х. Езиева (Москва) «Об одном приеме выявления тождества и различия значений фразеологических единиц»; Г. Ф. Шапауровой (Свердловск) «Некоторые характеристики немецкого глагола»; А. А. Сакулина (Уфа) «К вопросу о соотношении сложных слов и генетивных сочетаний в современном немецком языке».

Проблемы лексикологии немецкого языка были освещены в докладах: Г. Г. Прядильниковой (Куйбышев) «К вопросу о переводе так называемых советизмов на английский язык»; М. Л. Рудника (Барнаул) «Структурное разграничение лексических значений многозначных слов в современном английском языке»; Л. А. Грязновой (Оренбург) «Некоторые наблюдения над антономией слов и фразеологических единиц»; Г. Н. Аксеновой (Уфа) «К вопросу о средствах передачи явлений советской действительности в английском языке».

Проблемы стилистического анализа на разных уровнях языка нашли отражение в докладах Г. М. Поломошных «Стилистическое значение субстантивных словосочетаний с предложными зависимыми компонентами»; А. Б. Кошляк (Уфа) «Принципы анализа речевой характеристики персонажей в драматическом произведении» и «Эволюция творческой манеры Бертольта Брехта — драматурга»; М. Я. Вайс (Ленинград) «Стилистическое использование синтаксических структур диалогической речи немецкого языка в современной немецкой литературе».

На секции «Сравнительное и сопоставительное языковедение» были прослушаны доклады: Н. Г. Петрова (Актюбинск) «К вопросу о характере аналитизма в английском языке»; М. А. Абдуразакова (Ташкент) «О сопоставительном методе»; Р. З. Мурысова (Уфа) «К сопоставительному изучению категории длительности в английском, немецком и башкирском языках» и «Сопоставительный анализ относительных времен в немецком и башкирском языках»; Н. Д. Топова (Бирск) «Социологическая классификация языков»; Ч. Ю. Латыпова «Башкирские соответствия английским предложным оборотам в функциях обстоятельства места и времени».

При подведении итогов конференции было принято решение созвать в 1967 г. VI научную конференцию по романо-германскому языковедению.

Я. И. Гельблю (Уфа)

*

По инициативе Министерства высшего и среднего специального образования УССР, Ин-та языка и литературы АН МССР и ректората Черновицкого гос. ун-та с 11 по 15 октября 1966 г. в Черновцах прошла межвузовская научная конференция, посвященная восточнославянско-восточнороманским языковым, литературным и фольклорным связям.

В программу конференции было включено более ста докладов и сообщений по наиболее актуальным вопросам современной лингвистики, литературоведения и фольклористики. В работе конференции приняли участие представители вузов и других научно-исследовательских учреждений УССР, БССР и МССР. Конференцию открыл председатель оргкомитета, заслуженный деятель науки, ректор гос. ун-та К. М. Леутский.

На пленарном заседании были прочитаны следующие доклады: А. Т. Борщ (Кишинев): «К вопросу о письменности у юговосточных романцев в период докирилловского письма», П. П. Охрименко (Гомель) «А. С. Афанасьев-Чужбинский о молдаванах», А. С. Романец (Черновцы) «Состояние и задачи изучения украинско-молдавских литературных и фольклорных связей».

Секция межъязыковых контактов была представлена 36 докладами, которые касались вопросов сравнительной фонетики и фонологии, лексики и грамматики. Вопросам фонетического взаимовлияния были посвящены доклады В. К. Загаевского (Кишинев) «Элементы восточнославянского влияния на фонетическую систему молдавского языка» и Г. М. Гожица (Кишинев) «Влияние славянских языков на фонетическую систему восточнороманских языков». Последний доклад был построен на богатом иллюстративном материале с использованием новейших средств современной фонетики. Живой интерес вызвал доклад, подготовленный группой авторов из Кишинева — Н. А. Рудяковым, И. Гриценко, В. Забродченко, Э. Осетровой, Н. Юстратовой «Из наблюдений над произносительными особенностями русской речи молдаван».

Большое место в работе секции межъязыковых контактов занимали вопросы лексического взаимовлияния. Н. М. Печек (Кишинев) очень обстоятельно осветил вопрос обогащения лексики молдав-

ского языка за счет заимствований из русского на материале современной молдавской прозы. Т. В. Урсу (Кишинев) остановился на развитии общественно-политической лексики молдавского языка под влиянием русского литературного языка. О семантических изменениях слов в молдавском языке под влиянием русской языковой стихии много интересного было сказано в докладе А. М. Дырул (Кишинев). На богатом фактическом материале, извлеченном из газет, журналов, книг и брошюр по сельскому хозяйству, вышедших в МССР в 20—30-е годы и в МССР в 40—50-е годы, построил свой доклад И. З. Думениук (Кишинев) о влиянии русского языка в области современной молдавской сельскохозяйственной терминологии.

Глубокий интерес и активное обсуждение вызвали доклады, посвященные вопросам междиалектного контактирования. Г. Ф. Шило (Дрогобыч) в докладе «Украинско-румынские языковые взаимосвязи» широко использовал новейшие языковые данные украинских говоров Гуцульщины и Приднестровья.

Украинско-венгерско-румынским лексическим параллелям было посвящено сообщение П. М. Лизанца (Ужгород), цель которого заключалась в обнаружении языковых источников общих слов, употребляемых в указанных трех языках, качественно разных в типологическом отношении. В. И. Столбунова (Черновцы) в своем докладе коснулась вопросов взаимовлияния и взаимообогащения русских, украинских и молдавских говоров на Буковине. Молдавским заимствованиям в русских говорах на территории МССР посвятила свое выступление Л. И. Ермакова (Кишинев), подчеркнув, что многие молдаванизмы в говорах «липован» подверглись значительным фонетико-грамматическим и лексико-семантическим преобразованиям. Вопросы украинско-романских языковых контактов на территории Закарпатья нашли свое отражение в докладах А. А. Корчинского (Черновцы) «Романские лексические элементы в некоторых украинских говорах Тячевского района Закарпатской области», В. И. Оросса (Ужгород) «К вопросу об украинско-румынских языковых контактах восточных районов Закарпатья», Т. П. Заворотного (Ужгород) «Молдавские лексические заимствования в составе украинских приднубайских говоров». Живой интерес вызвало выступление Г. В. Гринка (Кишинев), посвященное славянским элементам в народной молдавской терминологии лекарственных растений.

Важное место в работе секции было уделено также вопросам сравнительно-сопоставительного анализа отдельных грамматических явлений и процессов

в современных восточнославянских и восточнороманских языках. Оживленное обсуждение вызвали доклады Е. Голоченко (Кишинев) «К вопросу о сопоставительной грамматике молдавского языка», И. В. Матковского (Бельцы) «К вопросу о славянском влиянии на возвратные глаголы в молдавском языке», Г. Е. Руснаки Л. И. Ешану (Бельцы) «Славянские элементы в глагольной системе первых молдавских переводов», Ю. Г. Скиба (Черновцы) «Из наблюдений над производными предложениями в русском и румынском языках», К. Ф. Герман (Черновцы) «Общие элементы синтаксиса в украинских и молдавских грамотах». Особый интерес и активное обсуждение вызвал доклад А. П. Чобану (Кишинев) «О некоторых явлениях синтаксического порядка в современном молдавском языке».

Убедительно прозвучали на конференции доклады и сообщения, посвященные вопросам изучения языка славяно-молдавских грамот донационального периода. Среди них следует отметить выступление З. И. Иваненко (Черновцы) «Предложные конструкции славяно-молдавских грамот XIV—XV вв.», Д. В. Коваля (Черновцы) «Западнославянские элементы в славяно-молдавских грамотах XIV—XV вв.», Е. Я. Павлюк (Черновцы) «Молдавские элементы в языке украинских грамот». На богатом иллюстративном материале были построены доклады с весьма оригинальными выводами П. П. Чучки (Ужгород) «О романских элементах в антропонимии Закарпатья», Ю. А. Карпенко (Черновцы) «Украинско-молдавское взаимодействие в оронимии Буковины».

Вопросам славяно-романского взаимодействия антропонимии и топонимии румынских говоров Закарпатья были посвящены интересные доклады З. Ф. Пенюк (Черновцы), Н. А. Корчинского (Черновцы). Глубиной исследования, богатством иллюстративного материала, весомостью и убедительностью обобщений отличались доклады И. А. Дзензелевского «Изоглоссы лексических румынизмов в говорах Закарпатской области», Р. Я. Удлера (Кишинев) «Украинские элементы в молдавских говорах Северной Буковины (по материалам Молдавского лингвистического атласа)». К этой группе докладов примыкает сообщение В. К. Павла (Кишинев) «Семантическая дифференциация, обусловленная славянскими взаимодействиями (по материалам Молдавского лингвистического атласа)».

К сожалению, мало места в проблематике конференции было уделено вопросам словообразования. Лишь доклад К. М. Лукьянюка (Черновцы) был посвящен восточнославянским словообразовательным элементам в буковинских

говорах украинского языка.

Студент И. Е. Цыбуляк (Черновцы) выступил с докладом по весьма интересному и трудному вопросу «Славянское влияние на образование форм звательного падежа в молдавском языке».

В. И. Столбунова, Ю. Г. Скиба (Черновцы)

*

С 12 по 15 декабря 1966 г. в Баку состоялась тюркологическая конференция, посвященная 40-летию I Всесоюзного тюркологического съезда (Баку, 26 февраля — 6 марта 1926 г.) и организованная Институтом литературы и языка им. Низами АН АзербССР. В конференции принимали участие языковеды многих городов и республик страны.

Акад. АН АзербССР М. Ш. Ширалиев (Баку) в своем вступительном слове отметил, что историческое значение I Всесоюзного Тюркологического съезда, впервые в истории тюркологии осуществившего синтез научной теории и живой практики, заключается в том, что он ярко осветил тюркоязычным народам пути избавления от старого алфавита, препятствовавшего их культурному развитию, и перехода на новый алфавит; на съезде были выработаны также научные принципы орфографии и терминоведства, намечены пути дальнейшего развития советской тюркологии.

Первая группа докладов была посвящена состоянию изучения строя тюркских языков. В них подводились краткие итоги проделанной за 40 лет работы и ставились задачи на ближайшее будущее. В докладе чл.-корр. АН СССР А. Н. Кононова (Ленинград) «Современное состояние и задачи дальнейшего развития советской тюркологии» особо подчеркивалось, что решения I Всесоюзного тюркологического съезда «Об изучении тюркских языков и о связях тюркских языков с другими языковыми семьями», не потерявшие своего значения и в наши дни, сыграли большую роль в разработке фонологических и графических основ новых алфавитов, в определении опорных диалектных баз ряда литературных языков, в изучении фонетического, грамматического и лексического строя тюркских языков, в продолжающемся упорядочении общественно-политической и научно-технической терминологии, в создании учебных пособий по тюркским языкам для начальной, средней и высшей школы и т. д.

В настоящее время советские тюркологи-языковеды заняты исследованием как в синхроническом, так и диахроническом плане строя отдельных тюркских языков, делаются попытки сравнительно-исторического изучения групп тюрк-

ских языков; изучаются и издаются древние тюркские письменные памятники; разрабатываются проблемы развития литературных тюркских языков, истории формирования отдельных литературных языков, проблема взаимодействия этих языков и т. д. В качестве ближайших задач, вытекающих из истории развития советской тюркологии и намеченных рядом координационных совещаний по различным проблемам тюркской лингвистики, выдвинуты следующие: совершенствование методов и приемов, применяемых при описательном, историческом, сравнительно-историческом и сопоставительном изучении тюркских языков и их диалектов; разработка проблемы «алтайская теория» и тюркские языки; создание истории отдельных тюркских языков, групп тюркских языков и общей истории тюркских языков; разработка проблем классификации и исторической периодизации тюркских языков; разработка на материале тюркских языков проблемы «Нация и национальный язык», совершенствование алфавита, орфографии, орфоэтических норм и др.

К этой же группе относятся доклады: М. Ш. Ширалиева «Развитие азербайджанского языкознания на путях советской тюркологии», Э. Р. Тенишева (Москва) «Изучение древнетюркских языков за 40 лет (1926—1966)»; Л. А. Покровской (Москва) «Современное состояние и задачи дальнейшего исследования гагаузского языка»; М. З. Закиева (Казань) «Некоторые вопросы дальнейшего изучения грамматической системы тюркских языков»; Р. Дж. Магеррамова (Баку) «Некоторые вопросы исследования истории азербайджанского литературного языка»; М. А. Абдурахманова (Новокузнецк) «Об изучении языка томско-обских тюрков»; Р. И. Музафарова (Казань) «Из истории изучения фольклора крымских татар»; А. П. Дульзона (Томск) «О связях енисейских языков с тюркскими».

Вторая группа докладов касалась алфавитов, орфографий и терминологий литературных тюркских языков.

В докладе «О современном состоянии и дальнейшем совершенствовании алфавитов для тюркских языков народов СССР» Н. А. Баскаков (Москва) изложил историю алфавитов тюркских языков и свое предложение об их унификации. Современные тюркские алфавиты имеют между собой много различий, которые разобщают близкородственные тюркские языки. Имея в виду дальнейшее совершенствование, унификация алфавитов для тюркских языков на основе кириллицы, предполагающая приведение всех знаков букв в единую систему, по которой одна и та же буква во всех алфавитах обозначает одну и ту же фонему-звук, должна осуществляться с учетом точного

соответствия алфавита фонематическому составу каждого конкретного языка.

К. Мусаев (Москва) в докладе «О состоянии разработки орфографии литературных тюркских языков и дальнейшем их совершенствовании» остановился на наиболее актуальных в этом аспекте вопросах: 1) соотношение орфографии и алфавита, 2) взаимоотношение устной и письменной форм языка; 3) определение основного принципа орфографии (по мнению докладчика — фонематический принцип); 4) вопросы орфографии, связанные с фонетическими явлениями; 5) правописание сложных слов; 6) правописание заимствованных слов, и др. Были прослушаны также доклады: Г. И. Донидзе (Москва) «О некоторых вопросах алфавитов и орфографий тюркоязычных народов СССР»; Х. Р. Курбатова (Казань) «Усовершенствование алфавитов и татарская орфография»; Э. И. Будаговой (Баку) «Вопросы орфографии и пунктуации азербайджанского языка»; А. Р. Эфенди-заде (Баку) «Некоторые вопросы орфографии азербайджанского языка»; К. З. Ахмерова (Уфа) «О современной орфографии башкирского языка»; И. А. Андреева (Челобсары) «Двуязычие и проблемы орфографии»; Э. А. Бдулдаева (Фрунзе) «Спорные вопросы орфографирования сложных слов киргизского языка»; С. Ибрагимова (Ташкент) «Об узбекской орфографии».

Разработке терминологии тюркских языков были посвящены доклады: У. Т. Турсунова (Самарканд) «Из истории развития узбекской терминологии»; Б. У. Орузбаевой (Фрунзе) «О состоянии и задачах разработки терминологии современного киргизского языка»; М. Ш. Касумова (Баку) «Вопросы терминовтвораства в азербайджанском языке»; А. Усманова (Ташкент) «О состоянии и задачах разработки и унификации терминологии узбекского языка».

В выступлениях, в основном, обсуждались вопросы совершенствования орфографий и алфавитов тюркских языков; было выдвинуто предложение о создании координационной комиссии по орфографиям и алфавитам тюркских языков.

В принятой конференцией резолюции подчеркивается необходимость созыва II Тюркологического съезда в Баку; конференция образовала инициативную группу во главе с М. Ш. Ширалиевым. Обосновывается необходимость организации Научного совета по тюркологии при ОЛЯ АН СССР, создания сектора тюркологии при научно-исследовательских институтах республик; предлагается ввести курсы по общей тюркологии и истории тюркских языков на филологических факультетах тюркоязычных вузов и т. д.

К. Мусаев (Москва)

C O N T E N T S

Articles: V. V. Vinogradov, V. G. Kostomarov (Moscow). Theory of Soviet linguistics and the practice of Russian-language teaching for foreign students; **Discussions:** A. V. Bondarko (Leningrad). On the problem of functional-semantic categories (verbal aspect and aspectuality in Russian); E. Křižkova (Prague). Adverbial determination with the meaning of place and direction (an experiment in transformational analysis); E. V. Česko (Moscow). The case-system of Old Bulgarian; A. D. Schweizer (Moscow). Lexical differences of American and British variants of modern literary English; B. V. Gornung (Moscow). On the main principle of Russian orthography; **Materials and notes:** I. V. Rayevskij (Tula). Old High German shift $d > \beta$ in the light of diachronic phonology; M. D. Stepanova (Moscow). Problems of lexical-grammatical identity (based on the materials of modern German); E. S. Kubriakova (Moscow). On the areal patterning of linguistic systems; **Applied and mathematical linguistics:** O. V. Tvorogov (Leningrad). On the use of frequency dictionaries in historical lexicology of the Russian language; **Critics and bibliography; Scientific life.**

SOMMAIRE

Articles: V. V. Vinogradov, V. G. Kostomarov (Moscou). Théorie de linguistique soviétique et pratique de l'enseignement de russe aux étudiants étrangers; **Discussions:** A. V. Bondarko (Leningrad). Le problème de catégories fonctionnelles et sémantiques (aspects verbaux et aspectualité); E. Křižkova (Prague). Détermination adverbiale avec le sens de place et de direction (essai d'analyse transformationnelle); E. V. Česko (Moscou). Système de cas en vieux bulgare; A. D. Schweizer (Moscou). Différences entre les variantes américaine et britannique de l'anglais littéraire moderne; B. V. Gornung (Moscou). Sur le principe fondamental de l'orthographe russe; **Matériaux et notices:** M. V. Rayevskij (Tula). Mutation $\beta > d$ dans la lumière de phonologie diachronique; M. D. Stepanova (Moscou). Problèmes d'identité lexicogrammatique (fondé sur les matériaux de l'allemand moderne); E. S. Kubriakova (Moscou). Modèlement areale des systèmes linguistiques; **Linguistique appliquée et mathématique:** O. V. Tvorogov (Leningrad). L'emploi des dictionnaires de fréquence en lexicologie historique russe; **Critique et bibliographie; Vie scientifique.**

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

*О. С. Ахманова, В. В. Виноградов (главный редактор),
В. М. Жирмунский (зам. главного редактора), П. С. Кузнецов, Э. А. Макаев,
М. В. Панов, В. З. Панфилов, И. И. Реввин, Ю. В. Рождественский,
Б. А. Серебrenников, Н. И. Толстой (отв. секретарь редакции), О. Н. Трубачев*

Адрес редакции: Москва, К-31, Кузнецкий мост, 9/10. Тел. Б 8-75-55

ИСПРАВЛЕНИЯ В ЖУРНАЛЕ

«ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ» (№ 1, 1967 г.)

Стр. 77 примеч. 46 и стр. 75 строки 4 и 14 сверху вместо Б. А. Успенский следует читать В. А. Успенский.

Технический редактор Л. Д. Мельникова

Сдано в набор 11/1-1967 г.	Т.-03941	Подписано к печати 16/III-1967 г.	Тираж 6700 экз.
Зак. 1811	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆	Печ. л. 14,7	Бум. л. 5 ¹ / ₄ Уч.-изд. листов 16,7

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10